

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1977

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1980

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Утверждено к печати Отделением литературы и языка АН СССР

Редактор издательства Г. Ю. Бергельсон. Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры Л. Я. Комм и Л. А. Привалова

ИБ № 9021

Сдано в набор 03.06.80. Подписано к печати 25.11.80. М-49589. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 10+2
вкл. (1/4 печ. л.)=10.25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.96. Тираж 15 000. Изд. 7707. Тип.
зак. 1498. Цена 75 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199184, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В 70202-595 529.80.4603010101.
042(02)-80

© Издательство «Наука», 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очередной выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (пятнадцатый по общему счету) сохраняет традиционную структуру, определившуюся в предшествующих выпусках данного издания. Он посвящен в основном итогам изучения и популяризации истории жизни и творческого наследия Пушкина в 1977 г.

В первом отделе («Материалы и сообщения») публикуются бумаги и письма, извлеченные из архива вюртембергского посольства в Петербурге 1836—1837 гг. и относящиеся к дуэли и смерти А. С. Пушкина; они хранятся в Главном государственном архиве в Штутгарте и оставались недоступными для исследователей с 1914 г., когда П. Е. Щеголеву удалось получить из этого архива и опубликовать в его известной книге (1916) несколько документов в неточных копиях. Другие, в том числе и более важные, донесения вюртембергского посла князя Гогенлоэ-Лангенбурга-Кирхберга о гибели поэта печатаются ныне по подлинникам, полным текстом и с возможной точностью, в оригиналах и русских переводах. Значительный интерес представляют публикуемые во «Временнике» изобразительные материалы, обнаруженные недавно чехословацкими исследовательницами К. Крижовой и С. Островской в музейных фондах ЧССР: не известные у нас доныне портреты из наследия внучек Кутузова Е. Ф. Тизенгаузен и Д. Ф. Фикельмон, приятельницы Пушкина в конце 1820-х гг. Среди публикуемых во «Временнике» изобразительных материалов находится также картина, изображающая гостиную австрийского посольства, интересную не только тем, что здесь нередко бывал Пушкин, но и тем, — как это обосновано в статье С. А. Рейсера «Пушкин в салоне Фикельмон (1829—1837)», — что весь этот дом описан Пушкиным в «Пиковой даме» и сохранился до сих пор. Статья С. А. Фомичева представляет ряд наблюдений над белой рукописью «Домика в Коломне». Закljučают первый отдел статьи, посвященные анализу текста переводов Пушкина из Горация и Катулла.

В отделе II («Обзоры») дается очередной библиографический перечень «Пушкиниана 1977 года», наглядно демонстрирующий,

что текущая публикация книг и статей о Пушкине непрерывно возрастает.

В отделе III («Заметки») приводятся сообщения и этюды различного объема и назначения, в которых поднимаются или решаются различные вопросы истории жизни и творчества Пушкина; все они будут иметь значение как для разработки биографии поэта, так и для подготовки нового комментария к его произведениям. Некоторые из публикуемых в этом отделе сообщений основаны на архивных материалах, анализируют возможные источники поэтических и прозаических текстов Пушкина, предлагают новые расшифровки его трудно читаемых черновиков, приводят новые соображения к творческой истории его отдельных произведений или к истории их воздействий на последующие этапы литературного развития.

В последнем, IV отделе («Хроника») приводится ряд отчетов о деятельности пушкинских музеев и памятных мест в Москве, Ленинграде, в Горьковской и Калининской областях, в Одессе и т. д.

Как и во всех предшествующих выпусках «Временника», в настоящем выпуске все цитаты из сочинений и писем поэта даются по «Полному собранию сочинений» А. С. Пушкина (тт. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949), если цитированное издание не оговорено особо, в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторного обозначения «Акад.». Дополнительный, XVII том этого издания («Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели»), вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том».

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Г Л А С С Е

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВЮРТЕМБЕРГСКОГО ПОСОЛЬСТВА

Публикуя книгу о дуэли и смерти Пушкина, П. Е. Щеголев посвятил особый отдел донесениям иностранных дипломатов о смерти поэта.¹ Среди дипломатических бумаг из архива министерства иностранных дел в Штутгарте, которые были предоставлены Щеголеву, находились копии выдержек из депеш, касающихся дуэли и смерти поэта, и «Заметка о Пушкине», принадлежащие вюртембергскому посланнику князю Гогенлоэ-Лангенбург-Кирхбергу.² В своей книге Щеголев отметил важность и содержательность именно этих дипломатических писем: «Его сообщения выдаются из ряда других дипломатических донесений обилием любопытных подробностей, а главное — ясным сознанием абсолютной ценности и значения творчества Пушкина».³ Щеголев располагал копиями депеш на французском языке (машинпись) и опубликовал материалы по-французски и в русском переводе. Теперь представляется возможность просмотреть вюртембергские материалы в оригинале, причем удалось найти еще некоторые дополнительные документы, которые позволяют собрать воедино ту информацию о Пушкине, которую Гогенлоэ препроводил своему королю. Целью этой статьи является главным образом описание вюртембергского материала и внесение некоторых поправок к данным, которыми пользуется современное пушкиноведение.

* * *

Во время работы в Главном государственном архиве в Штутгарте нам удалось найти архив вюртембергского посольства в Пе-

¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, с. 371—417 (далее: Щеголев).

² ИРЛИ, ф. 244, оп. № 18, № 71 (Донесения иностранных послов о дуэли и смерти Пушкина в официальных копиях с препроводительными бумагами русских посольств. Из министерства иностранных дел. 1904—1909 гг.).

³ Щеголев, с. 386.

тербурге за годы 1808—1893.⁴ Одним из наиболее ценных разделов архива являются черновики депеш из России. Оригиналы этих дипломатических писем хранятся в архиве министерства иностранных дел.⁵ К ним делались особые приложения (Beilagen) — вырезки из газет, официальные документы, информация, сообщаемая дипломатическому корпусу, карты и т. д.⁶

В этих двух архивах сохранились депеши, корреспонденция и другие официальные бумаги князя Гогенлоэ-Кирхберга (Christian Ludwig Friedrich Heinrich Prinz von Hohenlohe-Langenburg-Kirchberg; 1788—1859) за годы, когда он представлял Вюртембергское королевство в качестве посланника при русском дворе (1825—1848).

Депеши Гогенлоэ, которые он посылал на протяжении четверти века, являются своеобразной хроникой событий, составленной немецким дипломатом при дворе Николая I. Близкое знакомство с русской жизнью Гогенлоэ почерпнул из длительного пребывания в России — начиная с того времени, когда он, служа в вюртембергских войсках, входивших в «Великую армию» Наполеона, был тяжело ранен и привезен в Россию среди других раненых пленных офицеров.⁷ За исключением непродолжительных поездок в Вюртемберг, Гогенлоэ после того, как поселился в России, не покидал ее пределов. В 1833 г. он женился на Екатерине Ивановне Голубцовой,⁸ двоюродной сестре Н. П. Огарева. Гогенлоэ умер в Петербурге и был похоронен в Вюртемберге.

Ко времени его назначения вюртембергским посланником Гогенлоэ хорошо знал Россию и русское общество; у него было немало знакомых в аристократических кругах Петербурга и Москвы. Как он сам признавался американскому посланнику Дж. М. Далласу, он «находился непрерывно в обществе» и, «вероятно, был знаком с пятью- или шестьюстами человек».⁹ Отли-

⁴ Hauptstaatsarchiv Stuttgart. E. 72. Württembergische Gesandtschaft St. Petersburg. 1808—1893.

⁵ Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Ministerium der Auswärtigen Angelegenheiten. E 71, Carton VIII. St. Petersburg Relationen. Verzeichnis 30. — Щеголеву были предоставлены материалы именно из этого архива.

⁶ Так, в приложениях к депешам о восстании в Польше среди официальных бумаг и расшифровок конфиденциального материала находится небольшая сшитая тетрадка с переводами на немецкий язык стихотворений Пушкина, Жуковского и Хомякова «Der Polen Aufstand und Warschau Fall in den Gedichten von A. Puschkin, W. Schukowski und Chomjakow. Aus dem Russischen»: E 71, Carton VIII, Verz. 30, Nr. 87. — Стихотворения переписаны, по-видимому, с брошюры, вышедшей под этим названием в октябре 1831 г. и содержавшей, в частности, перевод стихотворения «Клеветникам России».

⁷ Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914, с. 189; Воспоминания А. П. Бутенева. — Русский архив, 1883, т. I, с. 14.

⁸ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Часть вторая. М., 1892, с. 35—36.

⁹ Diary of George Mifflin Dallas. Edited by Susan Dallas. Philadelphia. J. B. Lippincott Company, 1892, p. 153—154.

чаясь крайней общительностью, светскостью, Гогенлоэ был удивительно любознателен. Внимание его привлекали не только важные политические события, о которых он сообщал в своих депешах, сопровождая их вдумчивыми комментариями и замечаниями, но и светские новости и сплетни. В своих депешах, которые походят не столько на дипломатические донесения, сколько на интимный дневник (особенно в черновых вариантах депеш), Гогенлоэ много места отводит отделам, которым он дает подзаголовки: «Новости двора», «Новости Петербурга». Здесь содержатся чаще всего краткие описания посещавшихся им балов, вечеров и салонов. Обилие бытовых подробностей, характеристики современников и вторжение авторского, личного и не всегда дипломатического «я» выделяет депеши Гогенлоэ на фоне известных нам иностранных дипломатических писем того времени.

Но внимание Гогенлоэ привлекали не только политические события и общественная жизнь: он интересовался также русской литературой и литературной жизнью. Многих поэтов и писателей он знал лично. Так, описание празднования юбилея И. А. Крылова (1838), с которым он был лично знаком, свидетельствует не только о понимании им творчества и значения баснописца, но и о его осведомленности в существовавших тогда в России литературных партиях и пристрастиях.¹⁰ Эти особенности Гогенлоэ и характер его депеш, о котором говорилось выше, необходимо отметить; как мы увидим далее, они говорят в его пользу как автора так называемой «Заметки о Пушкине».

Еще в начале своей дипломатической деятельности Гогенлоэ познакомился с близкими друзьями Пушкина. В 1826 г., на время коронации, вюртембергский посланник снимал дом князя П. А. Вяземского в Москве при посредничестве бывших арзамасцев А. И. Тургенева, С. П. Жихарева и Д. П. Северина.¹¹ С Тургеневым и Вяземским Гогенлоэ продолжал поддерживать знакомство в течение всей жизни.¹²

В 1839 г. через Тургенева Гогенлоэ познакомился с Лермонтовым, который неоднократно посещал дом посланника.¹³ О дуэли поэта с Эрнестом Барантом, сыном французского посла, Гогенлоэ оставил довольно обширную депешу. Тот факт, что Гогенлоэ ценил литературную деятельность знакомых ему русских писателей, подтверждается, например, даваемой им краткой характеристикой Вяземского-поэта в том же описании чествования

¹⁰ E 71, Verz. 30, Carton VIII, St. Petersburg Relationen, Nr. 9, 8/20 février 1838, «Fête littéraire».

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5, вып. 2-й, СПб., 1913, по указателю («Гогенлоэ»).

¹² Щеголев, с. 276; Остафьевский архив, т. IV, с. 102.

¹³ Дневник А. И. Тургенева, ИРЛИ, ф. 309, № 319 (сентябрь 1839—январь 1840). Ср.: Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом. — Литературное наследство, т. 45—46. М., 1948, с. 399, 408.

ST PETERSBURG. RELATIONEN

Ministerium der Auswärtigen Angelegenheiten

F. 71, Caeton VIII, Verzeichnisse 50.

Votre Majesté, et de même en le barbeur d'été avec
pour Madame la Grande Duchesse de Saxe et q

et de même dans les appartemens de Sa Majesté
l'Impératrice quelcôté français enqet l'illustre
Niée de Votre Majesté a assisté

Le même jour Son Altesse Sérénissime Monseigneur
le Prince d'Oldenbourg a été en bon de venir voir
mon épouse pour lui montrer un portrait de Sa
illustre promise que la Princesse de Holsteinho
avait désiré voir. A cette occasion le Prince Pierre
nous a dit que son départ restait fixé au 20 mai

cement du mois prochain, c'est à dire au mois
de février à compter d'après le vieux style.
Son Altesse Royale le Prince Charles de Prusse
résidera à St Petersbourg jusqu'après le Couronnement de
Prusse fréquente beaucoup les bals, et il paraît
que Son Altesse Royale est très satisfaite de son
séjour en Prusse.
La Cour Impériale vient de prendre le deuil par
vingt jours à l'occasion du décès de Son Altesse
Royale Monseigneur le Grand-Duc Frédéric-Fran-
çois de Mecklenbourg-Schwerin.
Le Mercredi le 27me à 4 heures de l'après midi a eu lieu
tout près de la capitale un duel ^{à mort} entre deux
seigneurs, savoir le fameux poète Puchkine et le jeune

Крылова и упоминанием о поэтической деятельности Лермонтова в депеше о дуэли.¹⁴

Вполне вероятно, что через близких друзей Пушкина Гогенлоэ познакомился и с самим поэтом. Предварительный просмотр материалов вюртембергского архива дает возможность предположить их многочисленные и регулярные встречи — при дворе, в салоне великой княгини Елены Павловны, в доме австрийского посла и других кругах придворного и великосветского Петербурга. Косвенный материал об общении Гогенлоэ с Пушкиным, возможно, даст изучение отдела депеш, посвященных Елене Павловне. Гогенлоэ с особенной старательностью и преданностью сообщает вюртембергскому королю все подробности (вплоть до головной и зубной боли) о жизни и деятельности его «любимой» и «знаменитой племянницы». Составленные на протяжении двадцати трех лет, эти сообщения являются летописью жизни вюртембергской принцессы, с которой Гогенлоэ находился в родстве. Возможно, что эта канва даст ценный «подстрочный» материал для летописи придворной и светской жизни Пушкина. В данное время можно указать на то, что Пушкин и Гогенлоэ встречались особенно часто в дни непосредственно перед дуэлью. В своих воспоминаниях В. И. Анненкова говорит о последней встрече с Пушкиным: «В последний раз я видела Пушкина за несколько дней до его смерти на маленьком вечере у великой княгини Елены Павловны. Там было человек десять: графиня Разумовская, m-me Мейендорф, урожденная Огэр, Пушкин и несколько мужчин».¹⁵ В числе последних был Гогенлоэ; в одной из депеш он оставил краткое упоминание об этом вечере. 26 января Пушкин и Гогенлоэ были на балу у графини Разумовской, на котором присутствовала Елена Павловна, о чем посланник сообщил своему королю.¹⁶

В настоящее время вполне убедительным свидетельством о личном и продолжительном знакомстве Гогенлоэ с Пушкиным являются материалы вюртембергского посольства.

Собранные воедино материалы Гогенлоэ о Пушкине состоят из следующих документов.

1. Черновики депеш.

2. Оригиналы депеш.

С оригиналами были посланы следующие приложения.

1. «Заметка о Пушкине».

2. Копия письма Александра Пушкина к барону Геккерену, министру Нидерландов.

3. Постановление суда о бароне Жорже Геккерене.

¹⁴ Е 71, Verz. 30, Carten VIII, Nr. 13, 22 mars/3 avril 1840.

¹⁵ Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 174—175.

¹⁶ Е 72, Büchse 105, Nr. 7, 30 janvier/11 février 1837. — Ср.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, с. 165.

Оригиналы депеш, как и приложения к ним, находятся в картоне VIII, 1837 г. При первом хронологическом просмотре этого картона оказалось, что именно этих депеш, т. е. тех, текст которых опубликовал Щеголев, в архиве не хватает. После более тщательного просмотра всего картона было обнаружено, что эти депеши изъяты из последовательной нумерации и собраны в отдельной папке. По-видимому, этот материал был отложен для копирования в 1906 г. (места, касающиеся Пушкина, поставлены в скобки, и текст в точности соответствует находящемуся в ИРЛИ и опубликованному Щеголевым), не был возвращен на место и остался в таком виде до наших дней. Этот факт несколько затруднил поиски приложений и полностью нарушил наше представление о цельности и последовательности этих документов. Мы еще вернемся к этой проблеме.

1. Депеши

Как уже говорилось, оригиналы депеш Гогенлоэ были впервые опубликованы Щеголевым в 1916 г. в первом издании книги «Дуэль и смерть Пушкина».¹⁷ Сопоставление черновики депеш с известным текстом ничего существенно нового не дает: большинство разночтений чисто стилистическое. Но сравнение текста, посланного Щеголеву, с штутгартским оригиналом позволяет восстановить небольшой, но важный пропуск (возможно, сделанный сознательно — ради этикета или из дипломатической осторожности — вюртембергским архивом).

Приводим полный текст депеши от 9/21 февраля, касающийся дуэли; пропущенные у Щеголева места выделены курсивом. «Le jugement militaire du jeune Baron de Heeckeren n'a pas encore eu lieu. On croit qu'on traîne exprès avec cette affaire jusqu'au départ du Ministre des Pays-Bas et qu'alors on renverra le jeune homme simplement du service et de la Russie après l'avoir dégradé du rang d'Officier sans l'obliger à servir dans un régiment de l'armée comme simple soldat, afin qu'il puisse suivre avec son épouse son père adoptif. On ne parle actuellement plus de ce malheureux duel, et on me dit que c'est la volonté de l'Empereur qui a coupé court aux bavardages sur ce sujet. Cependant Pouschkin est toujours regretté de même par ses nombreux amis, et à cette triste occasion encore l'oeil de l'observateur a pu se convaincre à quel point le parti purement russe, auquel Pouschkin appartenait, est fort et puissant, *quoique très certainement le Gouvernement Imperial ne doit point tant regretter un homme qui par ses écrits préchaît continuellement la liberté et qui attaquait même quelquefois des hommes en place sous le rapport de leur moralité et de leurs opi-*

¹⁷ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXV—XXVII. Пг., 1916, с. 221—231. — Пер. с фр. см.: Щеголев, с. 387—395.

nions politiques. La nomination de Pouschkin comme historiographe était uniquement un moyen pour enchaîner sa plume et pour la détourner d'une poésie qui dans chaque vers prononçait des sentiments peu en harmonie avec ceux qu'on désire pour la masse de la nation. Immédiatement après la rencontre entre Monsieur de Pouschkin et le jeune Baron de Heeckeren on se prononça en faveur du dernier, mais moins de 24 heures ont suffi au parti Russe pour faire tourner les esprits à l'avantage de Pouschkin, et il aurait été imprudent de choquer ce parti en montrant la moindre sympathie pour son adversaire. Le tems calmera les esprits, mais jamais on parviendra à faire naître dans les coeurs des Russes un penchant pour les étrangers. Quant à Messieurs des Barons de Heeckeren, il est vrai qu'ils ont tout à fait de leur côté pour s'attirer le mécontentement general, et beaucoup de personnes qui dans le tems se sont plus à distinguer le Ministre Baron de Heeckeren doivent le regretter actuellement.

Перевод:

Военного суда над молодым бароном Геккереном еще не было. Полагают, что дело затягивают нарочно, до отъезда Нидерландского посла, и что затем молодого человека просто уволят со службы и вышлют из России, разжаловав его из офицеров и не принуждая его служить в полку в качестве простого солдата, с тем чтобы он мог вместе с женою последовать за своим приемным отцом. Об этой злополучной дуэли больше не говорят, и мне передавали, что таково желание императора, положившего конец всем разговорам на эту тему. Между тем Пушкин по-прежнему оплакивается своими многочисленными друзьями, и по этому грустному поводу глаз стороннего наблюдателя мог убедиться еще раз, насколько сильна и могущественна чисто русская партия, к которой принадлежал Пушкин, хотя правительство императора, без сомнения, не должно сожалеть о человеке, который в своих сочинениях постоянно проповедовал свободу и даже несколько раз нападал на высокопоставленных лиц, имея в виду их нравственность и их политические мнения. Назначение Пушкина историографом было только средством связать его перо и отвергнуть его от поэзии, в которой каждый стих выражал чувства, мало соответствующие тем, какие хотели бы видеть у большинства нации. Непосредственно после дуэли между Пушкиным и молодым бароном Геккереном большинство высказывалось в пользу последнего, но не понадобилось и 24 часов, чтобы русская партия изменила настроенные умы в пользу Пушкина, и было бы неблагоприятно бросать вызов этой партии, обнаруживая хотя бы малейшую симпатию к предмету ее ненависти. Время принесет успокоение умам, но никогда в русских сердцах не удастся пробудить вполне сочувственное отношение к иностранцам. Что же касается баронов Геккеренов, то они сделали все, чтобы, с своей стороны, навлечь на себя всеобщее неудовольствие, и многие лица, в былые времена отличавшие посла барона Геккерена, принуждены в настоящую минуту сожалеть об этом.¹⁸

Пропущенный параграф депеши содержит наблюдения Гогенлоэ над явлением, которое его особенно интересовало и удив-

¹⁸ Здесь, как и далее, пользуемся переводом донесений Гогенлоэ, данным П. Е. Щеголевым, дополняя фрагменты, отсутствующие в его книге.

ляло: противоречивым отношением общества к Пушкину. Сохранившиеся свидетельства современников говорят о том, что в высшем обществе господствовало крайне отрицательное мнение о Пушкине и больше сочувствия было проявлено к Дантесу, в то время как остальное общество оплакивало потерю национального поэта. «При наличии в высшем обществе малого представления о гении Пушкина и его деятельности, — писал саксонский посланник барон Лютцероде своему правительству, — не надо удивляться, что только немногие окружали его смертный одр, в то время как нидерландское посольство атаковывалось обществом, выражавшим свою радость по поводу столь счастливого спасения эlegantного молодого человека».¹⁹ Образование двух партий в петербургском обществе непосредственно после дуэли хорошо известно в пушкиноведении; тем не менее на этом моменте следует остановиться.

Выражение национального горя и в связи с этим негодования против убийцы-иностранца и иностранцев вообще началось после смерти Пушкина и особенно проявилось во время отпевания тела, 1 февраля. «Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу, — писала С. Н. Карамзина брату 2 февраля, — <...> это второе общество проявляет столько увлечения, столько сожаления, столько сочувствия <...> среди молодежи этого второго общества подымается даже волна возмущения против убийцы, раздаются угрозы и крики негодования; между тем в нашем обществе у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — и это куда хуже и непонятней — немало злобных обвинителей».²⁰ Отголоском этих же настроений является спор между Лермонтовым и Н. А. Столыпиным, послуживший, как известно, поводом для написания заключительной части стихотворения «Смерть поэта».²¹

Именно с целью выступить против враждебного отношения к поэту и были написаны и распространены в первые недели после трагедии главные документы о смерти Пушкина, выражающие национальную скорбь и содержащие осуждение иностранцев. 30 января были написаны анонимные письма к Жуковскому и графу А. Ф. Орлову²² и стало известно стихотворение Лермонтова.²³ К первым числам февраля относятся письма Вяземского и Тургенева о дуэли и смерти Пушкина, получившие широкое распространение в России и за границей.²⁴ 7 февраля Лермонтов

¹⁹ Щеголев, с. 397, 398.

²⁰ Пушкин в письмах Карамзиных, с. 171.

²¹ Боричевский И. Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией. — Литературное наследство, т. 45—46, с. 344—345.

²² Поляков А. С. О смерти Пушкина. (По новым материалам). Пб., 1922, с. 36—37.

²³ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества Лермонтова. М.—Л., 1964, с. 69—70.

²⁴ Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. (Из переписки А. Я. Булгакова и кн. П. А. Вяземского). — В кн.: Красный архив, 1929,

пишет последнюю строфу к стихотворению.²⁵ 14 февраля Вяземский посылает подробный рассказ о смерти поэта великому князю Михаилу Павловичу.²⁶ 15 февраля написано письмо Жуковскому С. Л. Пушкину.²⁷ «Гекеры и Дантес становятся мерзавцами более и более в глазах наших», — писал 16 февраля Тургенев брату во Францию, отмечая эффект этой кампании.²⁸

Именно эту борьбу общественного мнения и отражают наблюдения Гогенлоэ. Первая заметка посланника о создавшемся положении была сделана в черновике депеши от 6/18 февраля, однако он ее зачеркнул и она не вошла в письмо, посланное королю: «En attendant cet affreux drame qui frappa tant de personnes de malheur ne cesse pas de faire le sujet de conversation de toutes les classes de cette capitale et c'est en cette circonstance encore qu'on a pu se convaincre combien la partie purement russe gagne de jour en jour de force et de contestances».

Перевод:

Тем временем эта ужасная драма, поразившая несчастием столько людей, не перестает служить темой для разговоров во всех классах общества столицы, и это еще раз убеждает, насколько чисто русская партия с каждым днем входит в силу и выигрывает в спорах.

Три дня спустя это свое личное наблюдение Гогенлоэ уже считает необходимым сообщить королю в Бюртемберг: «Между тем Пушкин по-прежнему оплакивается своими многочисленными друзьями, и по этому грустному поводу глаз стороннего наблю-

т. 2 (33), с. 227. — 11 февраля Булгаков писал: «Ты желал гласности большой письму твоему, и желание твое сбывается с возрастающей всякий день прогрессиею. Мне нет отбоя от требований <...> ибо люди даже мне почти незнакомые пишут пречтительные записки, прося позволения приехать прочесть письмо твое. <...> многие жены наших чиновников просят позволения списать письмо для себя» (с. 227). См. там же письмо Вяземского кн. О. А. Долгоруковой: «... вы сможете узнать все подробности события, как только его высочество великий князь Михаил будет с вами. Я знаю, что у него есть официальное донесение и довольно полное». «Попросите показать вам мое письмо к Булгакову, — писал он в это же время А. О. Смирновой. — Следовало бы вам придать некоторую гласность подробностям, которые вы в нем найдете, о последних минутах Пушкина...». См.: Записки А. О. Смирновой. Из записных книжек 1826—1845 гг. СПб., 1895—1897, ч. 2, с. 84. — Как известно, этот текст представляет собой не подлинные записки А. О. Смирновой-Россет, а результат литературного творчества ее дочери О. Н. Смирновой, лишь отчасти основанный на документах семейного архива и устных рассказах мемуаристки и потому непригодный для использования как мемуарный источник. Из этого издания мы берем лишь приведенные О. Н. Смирновой в приложениях эпистолярные материалы, несомненно подлинные. В дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно: Смирнова.

²⁵ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 71.

²⁶ Щеголев, с. 257—271.

²⁷ Там же, с. 174—197.

²⁸ Пушкин и его современники, вып. VI. Пб., 1908, с. 79.

дателя мог убедиться еще раз, насколько сильна и могущественна чисто русская партия, к которой принадлежал Пушкин <...> Непосредственно после дуэли между Пушкиным и молодым бароном Геккереном большинство высказывалось в пользу последнего, но не понадобилось и 24 часов, чтобы русская партия изменила настроение умов в пользу Пушкина, и было бы неблагоразумно бросать вызов этой партии, обнаруживая хотя бы малейшую симпатию к предмету ее ненависти. Время принесет успокоение умам, но никогда в русских сердцах не удастся пробудить вполне сочувственное отношение к иностранцам».

К этому времени термин «русская партия» был уже в ходу, и ее существование было заметно не только иностранному дипломату. А. Я. Булгаков писал своей дочери 10 февраля: «В Петербурге две партии вполне определенные и крайне противоположные: одна — в пользу убитого противника, другая — в пользу того, кто пережил. Большинство, конечно, за первого <...> Россия гордилась его талантом, и притом он был русский».²⁹

Замечания Гогенлоэ относятся к тому времени, когда стало широко известно стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». О том, что это стихотворение несомненно привлекло внимание вюртембергского посланника, есть более поздние данные, о которых будет сказано ниже. Сейчас неважно, когда Гогенлоэ познакомился с последней строфой стихотворения. Она ему тоже, несомненно, со временем стала известна; есть основание думать, что «Заметка о Пушкине» является как бы своеобразным откликом на эти стихи. Вышеприведенная выдержка из депеши относится к той части стихотворения, в которой изображен портрет иностранца-авантюриста. Мы увидим, что именно эта строфа будет играть важную роль в разговоре, который имел место несколько лет спустя в доме посланника.

Известные строки Лермонтова в стихотворении «Смерть поэта» рисуют «типичного» иностранца, который приехал в Россию

из далека,
Подобно сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов,

который не любил России и

дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы...

Это изображение является как бы сутью мнения тех кругов, которые высказывались против Дантеса, — мнения, дошедшего до нас в многочисленных свидетельствах современников. То же самое мнение высказывала, например, А. П. Дурново: «Пушкин пал от руки мнимо-цивилизованного выходца с запада, авантю-

²⁹ Красный архив, с. 226.

риста, приехавшего искать счастье в России, потому что не нашёл для себя карьеры на родине».³⁰ То же самое писала кн. Е. А. Мещерская: «Хвалили рыцарство Дантеса, этого искателя приключений, явившегося делать карьеру в Россию...».³¹ Это же мнение было высказано графу А. Ф. Орлову в анонимном письме: «... безусловное воспреещение вступать в российскую службу иностранцам, быть может, несколько успокоит, утишит скорбь соотечественников Ваших в таковой невознаградившей потере. Открытое покровительство и предпочтение чужестранцам день ото дня делается для нас нестерпимее. Времена Бирюнов миновались <...> но дальнейшее пренебрежение к своим верным подданным, увеличивающиеся злоупотребления во всех отраслях правления, неограниченная власть, врученная недостойным лицам, стая немцев, все, все порождает более и более ропот и неудовольствие в публике и самом народе!».³² Особенно отрицательно отзывались в русском обществе в 30-е годы о немцах, многие из которых занимали важные места в правительстве.³³

Нелестные высказывания против иностранцев несомненно были известны Гогенлоэ, и он мог их принимать на свой счет: хотя он не находился на русской службе, он попал в Россию случайно, пленным, и остался в России делать карьеру. Так как Пушкин был убит иностранцем, внимание, естественно, было обращено на иностранцев вообще; так как Дантес был приемным сыном дипломата, то интерес распространялся на весь дипломатический корпус, и усилилось наблюдение за поведением иностранцев.

Но Гогенлоэ принадлежал к группе иностранцев, которые хорошо относились к России и русским, которые изучили язык и быт и искренно радовались успехам русской культуры. Многие из этих иностранцев понимали значение Пушкина и размеры потери, понесенной Россией. Гогенлоэ мог даже наблюдать больше сочувствия к Пушкину среди этой группы, чем среди русских. Е. А. Мещерская описывала именно эту ситуацию: «Все дипломаты и граф Xavier de Maistre <Ксавье де Местр> возмущены поведением некоторых салонов. Они откровенно высказывались об этом нам и Нессельроде. Они даже поражены, слыша, что часть общества защищает этого *coureur d'alcoves* <ловеласа>, этого столь мало интересного соблазнителья».³⁴ Это сочувствие было замечено Тургеневым во время отпевания: «...французский (посол, — А. Г.) с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о П. жалели, сказал: *Барант и Герпера sont les seuls Russes dans tout*

³⁰ Смирнова, с. 12.

³¹ Там же, с. 88.

³² Цит. по кн.: Поляков А. С. О смерти Пушкина, с. 39.

³³ См., например, в дневнике Тургенева о спорах русской и немецкой партии в России: Щеголев, с. 279.

³⁴ Смирнова, с. 88. Ср. там же, с. 12.

cela! «единственные русские во всем этом деле»». ³⁵ Дипломатический корпус, за исключением четырех посланников, весь явился проститься с поэтом. ³⁶

Но Гогенлоэ оскорбился не только за себя и других иностранцев. Оскорбительные сообщения касались женщины, которую он уважал и которой он был искренне предан, — великой княгини Елены Павловны, дяде которой он и счел необходимым сообщить настроения русского общества.

В салоне Елены Павловны собирались русские и иностранцы, которые живо интересовались Россией и русской культурой. Здесь ценили и любили Пушкина, читали и обсуждали его произведения, здесь сам он был нередким посетителем. ³⁷ В этом салоне постоянно бывали также друзья Пушкина: Жуковский, Вяземский, Тургенев, Виельгорский, кн. В. Ф. Одоевский. Жуковский был учителем русского языка и литературы великой княгини, и он, по-видимому, первый познакомил ее с произведениями поэта. О том, что Жуковский приобщал своих воспитанников к произведениям Пушкина, свидетельствует великая княжна Ольга Николаевна: «Жуковский и Плетнев, наши русские учителя, оба дружны с Пушкиным <...> давно познакомили нас с сочинениями Пушкина. Мы заучивали его стихи „Полтава“, „Бахчисарайский фонтан“ и „Борис Годунов“, мы глотали его последнее произведение „Капитанская дочка“, которое печаталось в „Современнике“». ³⁸

Зимой 1836/37 г. Пушкин и его друзья особенно часто посещали великую княгиню. «Я видаю иногда Вяземского, как и твоих протеже — семью его, и я приглашала два раза Пушкина, беседа которого мне кажется очень занимательной», — писала Елена Павловна мужу 26 декабря 1836 г. ³⁹ К этому времени относится запись стихотворения «Полководец» в альбоме великой княгини. ⁴⁰

Как уже было замечено выше, Гогенлоэ был усердным посетителем этого салона. Здесь он имел возможность получать сведения о русской литературе непосредственно от ее главных

³⁵ Цит. по кн.: Пушкин и его современники, вып. VI, с. 67—68 (письмо от 1 февраля).

³⁶ Щеголев, с. 380.

³⁷ Пушкин официально представлялся великой княгине в мае 1834 г. Об отношениях Пушкина и Елены Павловны см.: Дневник Пушкина. 1833—1835. Под ред. и с объяснит. прим. Б. Л. Модзалевского. М.—Пг., ГИЗ, 1923, с. 186—189; Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). М.—Пг., ГИЗ, 1923, с. 448—450 (Труды Государственного Румянцевского музея); Трофимов И. Полководец. — Прометей, М., 1975, № 10, с. 186—200.

³⁸ Сон юности. Записки дочери Императора Николая I Великой княжны Ольги Николаевны, Королевы Вюртембергской. Париж, 1963, с. 66.

³⁹ Литературное наследство, т. 58, М., 1952, с. 135.

⁴⁰ Трофимов И. Полководец, с. 186—200; Петрунина Н. Н. «Полководец». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974, с. 278—305.

представителей. Именно близкому знакомству с этой средой и обязан Гогенлоэ той информацией, которую он мог собрать в депешах и в «Заметке о Пушкине». В дни после дуэли салон Елены Павловны представлял собой тесный кружок друзей поэта.

О дуэли в Михайловском дворце стало известно в тот же вечер. Узнав о случившемся, Жуковский, по его словам, «велел вести себя прямо к Пушкину, но проезжая мимо Михайловского дворца и зная, что Виельгорский находится у великой княгини (у которой тогда был концерт), велел его вызвать и сказать ему о случившемся, дабы он мог немедленно по окончании вечера, вслед за мною же приехать».⁴¹ Весьма вероятно, что Елена Павловна передала известную записку к Жуковскому с Виельгорским: «Узнаю сейчас о несчастии с Пушкиным — известите меня, прошу Вас, о нем и скажите мне, есть ли надежда спасти его. <...> Сообщите мне, что происходит и есть ли у Вас надежда, и, если можно, скажите ему от меня, что мои пожелания сливаются с Вашими».⁴²

Сохранились четыре записки Елены Павловны к Жуковскому. В первых трех она проявляет искреннюю заботливость, предлагая медицинскую помощь и ездового.⁴³ Особенно характерна последняя записка, в которой она выражает глубокую скорбь, узнав о смерти поэта: «Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего отечества! Я так глубоко этим огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения. Тысяча прочувствованных благодарностей Вам, мой добрый г. Жуковский, за заботливость, с которою Вы приучали меня то надеяться, то страшиться. Как она тягостна, эта скорбь, которая нам осталась!

Когда сможете, Вы сообщите мне, как чувствует себя его бедная жена, о которой я не забываю и которую жалею от глубины души!»⁴⁴

Об этой тревоге и заботливости Елены Павловны Жуковский писал в письме к отцу Пушкина: «Государыня великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству согласно с ходом болезни».⁴⁵ «Искренно оплакивают утрату Пушкина, считая его гордостью России, во дворце и у вашего верного друга, великого князя Михаила Павловича, — писала Смирновой

⁴¹ Щеголев, с. 176.

⁴² Литературное наследство, т. 58, с. 134.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Литературное наследство, т. 58, с. 135.

⁴⁵ Щеголев, с. 189. — Ср. письмо Тургенева Нефедьевой: «Великая княгиня Анна Павловна беспрестанно присылала и письменно справлялась о страдальце-поэте и о его семье» (Пушкин и его современники, вып. VI, с. 66). Здесь явная описка: Анна Павловна, жена короля Нидерландов, находилась в это время в Голландии.

А. П. Дурново, — оплакивают в такой же степени, как друзья поэта...»⁴⁶

Вот та картина, которая была хорошо известна Гогенлоэ. Имея возможность видаться с друзьями Пушкина, получать от них известия о состоянии умирающего, о его семье, искренно разделяя их тревогу и скорбь, Гогенлоэ не мог не оскорбиться тем недоброжелательством к иностранцам вообще, которое, как ему казалось, исходило от друзей Пушкина, стоявших во главе «русской партии». Возможно, Гогенлоэ ожидал, что будут сделаны необходимые оговорки. В письме Жуковского к С. Л. Пушкину в самом деле есть нечто похожее на подобные оговорки; создается впечатление, что автор письма пытается сгладить впечатление, будто вина за события возлагается на всех иностранцев. Жуковский писал: «Изъявления общего участия наших добрых русских меня глубоко трогали, но не удивляли. Участие иноземцев было для меня усладительною нечаятельностью. Мы теряли свое; мудро ли, что мы горевали? Что думал этот почтенный Барант, стоя долго в унынии посреди прихожей, где около его шептали с печальными лицами о том, что делалось за дверями. Отгадать нетрудно. Гений есть общее добро; в поклонении гению все народы родня! И когда он безвременно покидает землю, все провожают его с одинаковою братскою скорбью. Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но и целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к двери его с печалью своею и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем. Потому же Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям и в понедельник ввечеру: нынче у меня танцевать не будут, нынче похороны Пушкина».⁴⁷

Но подобные замечания, по-видимому, были недостаточны для Гогенлоэ и не могли разубедить его в том, что в России иностранцев не любили. К этой теме в своих депешах он возвращается неоднократно. Почти через год после смерти Пушкина он с большой горячностью и негодованием повторил свои наблюдения американскому посланнику Дж. М. Далласу, который отметил в дневнике: «Говоря о холодности и недоступности в общественных отношениях, он уверял меня, что такого положения вещей, какое существует в здешней столице, нет больше нигде в Европе. „Я пробыл здесь при дворе тринадцать лет, — сказал он, — я женат на русской; я постоянно бывал в обществе и познакомился, вероятно, с пятью или шестью сотнями людей, но ни одного русского я не знаю коротко, — ни одного, на которого бы я мог положиться как на друга“. Я сказал ему, что, по-моему, такое положение вещей преимущественно участь американцев, поскольку у них нет ни тигулов, ни дворянства, ни европейских от-

⁴⁶ Смирнова, с. 8.

⁴⁷ Щеголев, с. 192.

личий, ни богатства. „Не в этом дело, — возразил он, — такова участь всякого иностранца, который приезжает в Россию, каковы бы ни были его титулы, положение или богатство. Приезжайте в Вюртемберг или в любую другую часть центральной Европы, — и я уверяю вас, что вы приобретете десятки близких друзей“». ⁴⁸

Отголоском подобных разговоров, по-видимому, является обсуждение стихотворения Лермонтова «Смерть поэта», которое происходило в доме Гогенлоэ в конце 1839 г. Тургенев писал об этом Вяземскому: «Дело вот как было: барон д'Андре, помнится, на вечеринке у Гогенлоэ спрашивает меня, правда ли, что Лермонтов в известной строфе своей бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина...?». ⁴⁹ Тургенев не помнил наизусть стихотворения и обратился непосредственно к Лермонтову, с которым незадолго до этого познакомился Гогенлоэ. ⁵⁰ В письме к Тургеневу Лермонтов переписал строфу, касающуюся Дантеса. ⁵¹

Обстоятельства, которые привели к этой дискуссии, неизвестны. Весь инцидент принято связывать с происшедшей несколько позже дуэлью Лермонтова с Барантом. Считается, что причиной дуэли была светская дама; так это объясняет и Гогенлоэ в своей депеше. Однако в рассказе Е. П. Ростопчиной упоминается, что «спор о смерти Пушкина был причиной столкновения между ним и г. де Барантом, сыном французского посланника; последствием спора была дуэль». ⁵² Ростопчина отождествляет эти два происшествия; может быть, их следует разделить. Спор о Пушкине мог происходить несколько раньше и иметь непосредственное отношение к вопросам секретаря французского посольства, барона д'Андре. Для такого спора были довольно веские причины. Эрнест Барант имел касательство к дуэли Пушкина: он одолжил секунданту Дантеса д'Аршиаку на время дуэли свои pistols. ⁵³ Поэтому известная реплика Лермонтова — «Je déteste ces chercheurs d'avantures. <Я ненавижу этих искателей приключений.> Эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины сыны» — может быть, имеет конкретный подтекст. ⁵⁴

⁴⁸ Diary of George Mifflin Dallas, p. 153—154.

⁴⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Под ред. и с прим. В. И. Саитова. т. IV, с. 112.

⁵⁰ Дневник А. И. Тургенева. ИРЛИ, ф. 319, л. 6—20.

⁵¹ Пахомов Н. Письмо Лермонтова к А. И. Тургеневу. — Литературное наследство, т. 45—46, с. 26—30.

⁵² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 284.

⁵³ В 1937 г. в Париже на выставке, посвященной столетию со дня смерти Пушкина, были экспонированы pistols, из которых стреляли участники дуэли. Они воспроизведены в серии открыток: Exposition Pouchkine. Reproductions exclusives des originaux inédits, 1937. Под номером первым значится следующая фотография: Les pistols du Baron E. de Barante, prêtés pour le duel de Pouchkine, au Vicomte d'Archiac, témoin du Baron d'Anthès. Library of Congress, Manuscript Division. Poushkin Society in America Archives.

⁵⁴ Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, т. IV, с. 320.

Мы отклонились и несколько забежали вперед от событий 1837 г., чтобы показать, что отрицательное отношение к иностранцам было для Гогенлоэ большим вопросом и он к нему неоднократно возвращался. В стихотворении Лермонтова его внимание привлекала главным образом пренебрежительная характеристика иностранца. Познакомившись с Лермонтовым лично, Гогенлоэ, возможно, хотел получить ответы на вопросы, которые его волновали в 1837 г., и сам завел разговор, подобный тому, который он имел с американским посланником. В том, что стихотворение Лермонтова было известно в салоне Елены Павловны, сомневаться не приходится: оно распространялось (без последних 16 строк) довольно широко, в том числе и в кругах, близких ко двору; знали его и Жуковский, и Вяземский, и родственник Лермонтова А. И. Философов, бывший адъютант великого князя Михаила Павловича. 14 февраля Философов уезжал к своему начальнику в Баден-Баден, и князь Вяземский торопился передать с ним письмо о смерти Пушкина великому князю.⁵⁵ К этому времени Философов был знаком со стихотворением «Смерть поэта».⁵⁶ Гогенлоэ, постоянно вращавшийся в этих кругах, находился в необыкновенно выгодном положении для наблюдения и собирания информации.

В депешах Гогенлоэ главным образом затронул вопрос об отношении к иностранцам непосредственно после дуэли Пушкина и сделал краткий намек на то, почему представители высшего общества относились к Пушкину враждебно. Этот вопрос также интересовал вюртембергского посланника, и он изложил свои объяснения подробно в «Заметке о Пушкине».

2. «Заметка о Пушкине»

Как и тексты депеш, текст «Заметки о Пушкине» был опубликован Щеголевым в первом издании книги о дуэли по-французски и в русском переводе. Оригинал он не видел и по некоторым вопросам мог делать только догадки, например расшифровывая имена, обозначенные в тексте заглавными буквами.

«Заметка о Пушкине» представляет собой беловую копию, писанную писарской рукой; за исключением одного или двух неправильно прочитанных слов и деталей орфографии этот текст идентичен с тем, который был послан Щеголеву из вюртембергского архива.⁵⁷

⁵⁵ 15 февраля Вяземский писал Булгакову: «Спасибо за доставленную копию с моего письма, которая пришла вчера очень вовремя и отдана отъезжающему вчера же генералу Философову, для сообщения великому князю» (Русский архив, 1879, № 6, с. 254).

⁵⁶ 27 февраля А. Г. Философова писала мужу: «Уже три дня, как он (Лермонтов, — А. Г.) переведен в армию <...> за стихи, которые он сочинил и которые ты знаешь» (Литературное наследство, т. 45—46, с. 672).

⁵⁷ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. — Пушкин и его современники, вып. XXV—XXVII. — Вместо «qui amuse la femme de Ru-

В «Заметке» Гогенлоэ продолжает свои наблюдения над противоречивым отношением общества к Пушкину. С этой целью собственно и написана вся «Заметка», в которой мы читаем:

«Pouschkin, poète remarquable, dont la réputation s'est accrue par tout ce que sa mort a eu de tragique, Pouschkin représentant d'opinions trop avancées, en égard aux institutions de son Pays, a été diversement jugé par ses compatriotes. A quoi faut-il attribuer cette différence de sentiments sur un homme dont la vie a toujours été publique! <...> La lecture des ouvrages de Pouschkin et sa biographie expliqueront clairement pourquoi cet écrivain est peu estimé d'une partie de l'Aristocratie, tandis que le reste de la société le porte aux nues et décerne à sa mémoire les honneurs de l'ovation».

Перевод:

Пушкин, замечательнейший поэт, молва о котором разнеслась особенно благодаря тому глубокому трагизму, который заключался в его смерти, Пушкин, представитель слишком передовых для строя своей родины взглядов, был на разные лады судим своими соотечественниками, чему следует приписать эту разницу в чувствах к человеку, жизнь которого всегда была общественной. <...> Чтение произведений Пушкина и его жизнь ясно указывают на то, почему этот писатель не пользовался уважением среди известной части аристократии, меж тем как все остальное общество превозносит его до небес и с восторгом и благоговением относится к его памяти.

В данном случае Гогенлоэ опять делит общество на две группы в зависимости от того, как оно воспринимало поэзию Пушкина.

Аристократическое общество относилось к Пушкину отрицательно, и причину этого, как уже указывал Гогенлоэ в депеше от 9/21 февраля, он видит в том, что «Пушкин напал на высокопоставленных лиц, касаясь их нравственности и политических взглядов». В «Заметке» он объясняет подробно, о ком идет речь:

«Des allusions piquantes et pleines d'esprit presque toujours adressées à des hauts personnages, dont il démasquait la malversation ou les vices ont suscité à Pouschkin de nombreux et puissants ennemis. Une épigramme sanglante contre Araktcheieff à propos d'une devise inscrite dans ses armes, une satire sur Ouvaroff — pièce qui sous le titre d'imitation de Catulle, endormit la prudence habituelle de la Censure et trouva place dans un journal littéraire, une réplique à Boulgarine où tout en se défendant du reproche d'Aristocratie qui lui était imputé Pouschkin à tort ou à raison s'attaquait aux premières maisons de la Russie, voilà les véritables crimes de Pouschkin, crimes autant plus énormes que ses antagonistes étaient plus haut placés, plus riches, alliés aux principales familles et entourés d'une clientèle nombreuse».

schkin» на с. 231 книги Щеголева в соответствии с подлинником следует читать «qui accuse la femme de Pouschkin», что очень существенно изменяет смысл фразы: обвиняет (вместо «развлекает») жену Пушкина.

Notes sur Pouchkine

Pouchkine, poète remarquable dont la réputation s'est accrue par tout ce que sa mort a eu de tragique. Pouchkine représentant d'opinions trop avancées, en regard aux institutions de son pays, a été diversement jugé par ses compatriotes. A quel faut-il attribuer cette différence de sentiments sur un homme dont la vie a toujours été publique? Cette question est facile à résoudre pour quiconque aura vu en Russie, pour celle surtout qui aura vu étudier les éléments divers dont se compose la société, ainsi que ses habitudes et ses préjugés. La lecture des ouvrages de Pouchkine et sa biographie expliquent clairement pourquoi cet écrivain est plus estimé d'une partie de l'aristocratie, tandis que le reste de la société le porte aux nues et décerne à sa mémoire les honneurs de l'ovation.

Des allusions piquantes et plinées d'esprit presque toujours adressées à des hauts personnages, dont et d'un grand la malversation ou les vices ont été attribués à Pouchkine de nombreux et puissants ennemis. M. Karamzine s'exprime contre Aratcheff à propos d'une devise inscrite dans ses armes.

Остроумные и язвительные намеки, направленные большей частью против высокопоставленных лиц, проступки и пороки которых изобличал Пушкин, создали поэту многочисленных и могущественных врагов. Бичующая эпиграмма против Аракчеева по поводу девиза, заключенного в его гербе, сатира на Уварова, усыпившая под названием подражания Катуллу обычную бдительность цензуры и помещенная в литературном журнале, ответ Булгарину, в котором, отражая упрёки аристократии, Пушкин с правом или без права нападал на самые высокопоставленные фамилии в России, — вот истинные преступления Пушкина, преступления тем более тяжкие, чем выше и богаче были его враги, чем теснее они были связаны с влиятельнейшими домами и окружены многочисленными приверженцами.

Эпиграмма на Аракчеева, «Моя родословная», «На выздоровление Лукулла» — вот те стихотворения, которые Гогенлоэ зашифровал в беглой заметке в депеше. «Моя родословная», которая при жизни Пушкина не печаталась, но была широко известна в многочисленных списках, сделала много врагов Пушкину. Именно на это стихотворение указывает в своих более поздних воспоминаниях П. П. Вяземский: «Распространение этих стихов <...> несомненно вооружило <...> против него при его кончине целую массу влиятельных семейств в Петербурге».⁵⁸ И. Боричевский посвятил обширную статью изучению лиц, затронутых в сатире Пушкина. Он же провел параллели со стихотворением Лермонтова «Смерть поэта» и прокомментировал последнюю строфу.⁵⁹

Как уже было замечено, Гогенлоэ писал свои наблюдения о русском обществе в те дни, когда он несомненно был уже знаком со стихотворением Лермонтова, и части депеши и «Заметки» как бы комментируют отдельные части этого произведения: строфы об убийце-иностранце и о придворной аристократии. Упоминание в депеше, что Пушкин нападал на нравственность высокопоставленных лиц, прямо конкретизируется замечанием о проступках и пороках, которые изображал Пушкин; речь идет о С. С. Уварове и стихотворении «На выздоровление Лукулла». Эта сатира, опубликованная в 1835 г. в «Московском наблюдателе», произвела много толков в обществе; все узнали в памфлете министра народного просвещения.⁶⁰ По этому поводу Пушкину пришлось объясняться с шефом жандармов.⁶¹

⁵⁸ Вяземский П. П. Собр. соч., СПб., 1893, с. 528. — Сам Пушкин признавался Бенкендорфу, что «стихи могут принять за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий»: Пушкин. Письма. Под ред. Л. Б. Модзалевского. Т. III, 1831—1833. М.—Л., 1935, с. 57.

⁵⁹ Боричевский И. Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией. — Литературное наследство, т. 45—46, с. 323—362.

⁶⁰ Петрунина Н. Н. «На выздоровление Лукулла». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974, с. 323—361.

⁶¹ Вацуро В. Э. и Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972, с. 187—188.

«Il ne lui fut pas difficile, — подчеркивает Гогенлоэ, — d'exciter la susceptibilité du pouvoir, car l'esprit et la tendance des écrits de Pouschkin ne donnaient que trop de prise aux dénonciations de ses ennemis. Voilà les vraies causes de l'antipathie qu'une partie de la noblesse (et surtout de cette portion qui possédait les premiers emplois de l'état) portait à Pouschkin pendant sa vie et que sa mort n'a point fait disparaître. Voilà qui peut aussi expliquer pourquoi, tout en paraissant jouir des graces de Souverain, Pouschkin n'en resta pas moins sous la main de la Police».

Перевод:

Пушкину не трудно было возбудить против себя недовольство власти, ибо дух и направление его произведений давали слишком много поводов для доносов врагов. Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в государстве) питала к Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло с его смертью. Этим же можно, по всей вероятности, объяснить тот факт, что, пользуясь, по-видимому, милостивым расположением государя, Пушкин тем не менее продолжал оставаться под надзором полиции.

Но в большей части русского общества Пушкин был любим и пользовался популярностью главным образом, считает Гогенлоэ, из-за своих свободолюбивых стихотворений:

«Après sa sortie du Lycée, Pouschkin fit son ode à la liberté et bientôt une serie de productions imprégnées du même esprit attirent sur lui l'attention publique et aussi plus tard celle du Gouvernement. La jeunesse russe applaudissait au contraire aux productions libérales malignes et parfois scandaleuses de cet Auteur, imprudent il est vrai, mais courageux et spirituel. Les employés surtout (chinovniks), classe nombreuse représentant en quelque sorte le Tiers-état, s'empressèrent de battre des mains; ils font aujourd'hui l'apothèose d'un homme dont les écrits sont l'expression de leurs propres sentiments. Dès l'origine et à son insu peut-être, Pouschkin fut considéré par eux at adopté comme type d'opposition».

Перевод:

По выходе из лицея Пушкин написал свою оду вольности и вскоре за тем целый ряд произведений, проникнутых тем же духом, привлекших к нему внимание общества, а впоследствии также и внимание правительства. Молодежь в России, наоборот, рукоплескала вольнолюбивым произведениям этого писателя, остроумным и временами непристойным, правда, неосторожным, но смелым и талантливым. Особенно спешили рукоплескать чиновники, многочисленный класс, являющийся в некотором роде третьим сословием в России; в настоящую минуту они создают апофеоз человеку, произведения которого являются выражением их собственных чувств. С самого начала и, быть может, без его ведома Пушкин рассматривался и призывался ими как представитель оппозиции.

Замечания Гогенлоэ о Пушкине как о политическом поэте крайне интересны. Составленное из собственных наблюдений и из информации, которую он получал от друзей поэта, мнение Гогенлоэ идет прямо против версии Жуковского и Вяземского, которые стремились умалить и загладить тот факт, что Пушкин воспринимался как политический поэт. «Какой он был политический деятель! — писал Вяземский великому князю. — Он прежде всего был поэт, и только поэт». ⁶² Гогенлоэ, напротив, подчеркивает, что правительство строго наблюдало за его деятельностью и что за ним был учрежден полицейский надзор. Даже назначение Пушкина историографом Гогенлоэ рассматривает как средство «связать его перо и отвратить его от поэзии, в которой каждый стих выражал чувства, мало соответствующие тем, какие хотели бы видеть у большинства нации» (черновик депеши от 9/21 февраля). «Правительство не должно особенно сожалеть о человеке, который в своих сочинениях непрестанно проповедовал свободу», — заканчивает он свои наблюдения.

Эти замечания вполне соответствуют той напряженной политической атмосфере, которая была создана полицейским надзором над квартирой поэта, его личными бумагами и действиями друзей и которая могла быть известна во всех деталях только человеку, который присутствовал при этих трагических событиях.

Несколько лет тому назад Н. Эйдельман опубликовал ценные новые материалы о дуэли и смерти Пушкина, полученные из нидерландских архивов. ⁶³ Среди этих материалов было опубликовано письмо поверенного нидерландского посольства барона И. К. Геверса нидерландскому министру иностранных дел Ферстолку Ван Суллему. ⁶⁴ Этот любопытный документ почти дословно совпадает с «Заметкой» Гогенлоэ. Проведя сравнительный анализ текстов и привлекая ряд косвенных данных, Н. Эйдельман пришел к выводу, что Геверс был и автором «Заметки». С этим заключением, однако, нельзя согласиться.

Геверс прибыл в Петербург 25 марта/6 апреля. К этому времени первое возбуждение, вызванное дуэлью, уже прошло; Дантес и Геккерен покинули Россию. Из депеши Гогенлоэ мы знаем, что уже к 9/21 февраля толки о дуэли в обществе утихли по желанию императора, «положившего конец всем разговорам на эту тему». Характерно также письмо Геверса Геккерену от 15/27 мая: «Здесь, г-н барон, нет никаких новостей сверх того, что я писал раньше; в свете не поднимают больше вопросов о смерти Пушкина. С первого дня моего приезда я избегал и прерывал всякий

⁶² Щеголев, 267.

⁶³ Эйдельман Н. О гибели Пушкина. (По новым материалам). — Новый мир, 1972, № 3, с. 201—226.

⁶⁴ Эйдельман Н. Я. Секретное донесение Геверса о Пушкине. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973, с. 5—26.

разговор на эту тему; вражда общества, исчерпав весь свой яд, наконец стихла. Император принял меня несколько дней тому назад в частной аудиенции: все, что касалось до этого дела, тщательно избегаемо». ⁶⁵ Едва ли Геверс придумывает предлог, чтобы уклониться от сообщения информации опальному дипломату. Положение Геверса было крайне незавидным, и вряд ли можно было рассчитывать, что он, как не замешанное в трагедии лицо, будет любезно встречен в обществе, которое поспешит сообщить ему сведения о Пушкине и о подробностях разыгравшейся трагедии. Отношение к Геккерену накануне приезда Геверса, даже в дипломатическом кругу, было крайне сдержанным. Тургенев писал об этом Булгакову: «Геккерн-отец отозван на 6 мес. Но, вероятно, сюда не возвратится. Я видел его и у Баранта, и у принца Гогенлога, но все сухи с ним». ⁶⁶ Вряд ли отношение к Геверсу было лучше, тем более что он занимал младший дипломатический пост и ни по возрасту, ни по чину, ни по связям, ни по материальному положению не имел свободного доступа в высшие круги Петербурга.

Жизнь молодого дипломата в Петербурге ярко охарактеризована в неопубликованном дневнике Джона Рандольфа Клея, секретаря, затем поверенного американского посольства. ⁶⁷ Не имея высокого дипломатического звания (т. е. министр, посланник, посол), он принужден был общаться с мелкими представителями посольств и, не имея свободного доступа в салоны, довольствовался чаще всего тем, что оставлял свою визитную карточку; приглашали его крайне редко. При аудиенции он вынужден был стоять и представляться с младшими членами дипломатического корпуса. Дипломатический этикет и ранг строго соблюдались и ревниво оспаривались. Об этом оставил свидетельство американский посланник Даллас: «На вчерашнем обеде у графа Нессельроде присутствовал весь дипломатический корпус за исключением Лерхенфельдта, из Баварии. Этикет, установленный для таких случаев, требует, чтобы послы и посланники занимали места за столом согласно давности их пребывания при дворе; послы, конечно, как высшие по положению, выше посланников. Я занял место сразу вслед за мистером Мильбэнком и позволил себе сесть выше графа Шиммельпеннинка. В течение вечера, уже после того как мы встали из-за стола, этот голландец сообщил мне, что он не согласен с правами мистера Мильбэнка на первенство, на которое тот претендует; что он уже сказал об этом графу Нессельроде и г. Бруннову и что оба эти джентльмена склонны согласиться с его мнением и обещали сообщить ему свое формальное решение по этому вопросу. Если решение будет не в пользу

⁶⁵ Щеголев, с. 351.

⁶⁶ Письма А. И. Тургенева Булгаковым, с. 215.

⁶⁷ Diary and letterbook of John Randolph Clay. Library of Congress, Manuscript Division.

британского представителя, оно коснется меня — в том смысле, что я сделаю еще один шаг по восходящей линии. Дело попросту вот в чем. Лорд Дерем был послом, и, покидая Россию, он оставил Мильбэнка поверенным в делах — назначение, которое было потом утверждено британским правительством. Как поверенный, оставленный в качестве посла, Мильбэнк соответствует полномочному представителю, и он получил эту должность еще до того, как я и граф Шиммельпенник прибыли сюда; однако он не чрезвычайный посланник — это наше отличительное чрезвычайно важное положение, и граф считает, что оно гораздо выше, нежели просто положение полномочного представителя, и таким образом дает нам право на первенство. Да и полномочный-то представитель Мильбэнк, кажется, больше по дипломатическому свидетельству, нежели по характеру его поручения, и собственное поведение его только подогревает охоту отодвинуть его немножко назад с места, которое он так смело занимает».⁶⁸

При такой ситуации Геверс, положение которого было к тому же крайне неловким, не мог чувствовать себя свободно ни в дипломатическом, ни в светском Петербурге. Донесение Геверса составлено молодым человеком, который приехал принимать в свое ведомство целое посольство — в то время, когда дела его были крайне запутаны.⁶⁹ Можно ли думать, что немногим более чем за три недели он успел собрать подробнейшую информацию о поэте, который вряд ли ему был хорошо известен, произведения которого его во всяком случае не интересовали? В письме к Ферстолку Геверс писал, что в своем донесении он «старался привести беспристрастный свод различных мнений», которые ему «удалось собрать на эту тему». Эти мнения он слышал в салонах столицы. В каких салонах мог Геверс получить такие подробные сведения о Пушкине, какие он сообщает в своем донесении? Ответ напрашивается сам: Геверс получил информацию в салоне Гогенлоэ. Даже более того, он получил текст, который можно было легко переделать в дипломатическое письмо.

На наш взгляд, дело с вышеупомянутыми документами обстоит так. «Заметка о Пушкине» составлена несомненно Гогенлоэ. Она является продолжением наблюдений, высказанных им в депешах, и образует с ними одно целое, являясь приложением к одной из них.

В пользу авторства Гогенлоэ говорят следующие факты. Он постоянно присутствовал в Петербурге. Как постоянный посетитель салона Елены Павловны он находился в курсе всей преддуэльной и последующей истории, получая информацию от самых близких Пушкину лиц: Жуковского, Вяземского, Тургенева и Виельгорского. Кроме того, как один из старейших членов дипломатического корпуса, он был лично знаком с версией траге-

⁶⁸ *Diary of George Mifflin Dallas*, p. 37—38.

⁶⁹ Щоголев, с. 350.

дин, рассказанной Геккереном, и с мнениями других дипломатов. Обладая обширнейшими связями в Петербурге среди русских и иностранцев, Гогенлоэ имел возможность наблюдать все перемены общественного мнения, связанные с дуэлью и смертью. Кроме того, восстанавливая общую картину, мы не должны забывать еще об одном очень важном лице: Екатерине Ивановне Голубовой-Гогенлоэ. Широкие родственные связи с русскими делали для вюртембергского посланника доступными те круги Петербурга и Москвы, которые находились вне обычной сферы общения дипломатов и иностранцев вообще. Русская жена посланника могла знакомить мужа с русской литературой и последними литературными новинками. На такое знакомство указывает часть «Заметки», посвященная произведениям Пушкина. Комментарии к произведениям сделаны человеком, который читал то, о чем он пишет, а не говорит об этом понаслышке. У Геверса этот отдел пропущен.

В самом тексте «Заметки» есть места, которые свидетельствуют о том, что документ, по всей вероятности, написан Гогенлоэ. «Руслан и Людмила» сравнивается с «Обероном» Виланда. Вряд ли это сходство пришло бы в голову молодому голландцу. Очень характерно упоминание в «Заметке» имени Державина, которому посвящена целая сноска, собственно имеющая мало отношения к делу. Упомянув стихотворение Пушкина «Воспоминания в Царском Селе», автор пишет: «Il fut à cette occasion salué poète par le vieux Derjavine, ancien Ministre dont les poésies lyriques sont placées par les Russes bien au dessus de celles de J. J. Rousseau». И продолжает в сноске: «Entre autres productions de Derjavine la plus célèbre est son ode à Dieu oeuvre sublime que l'Empereur de la Chine a fait traduire et placarder dans son palais afin de l'avoir continuellement sous les yeux».

Перевод:

По этому случаю его приветствовал в качестве поэта старик Державин, бывший министр, лирические произведения которого ценятся русскими гораздо выше таких же произведений Ж. Ж. Руссо. Среди других произведений Державина особенно славится его ода «Бог», величественное произведение, которое китайский император повелел перевести на китайский язык и вывесить на стене своего дворца, чтобы постоянно иметь его перед глазами. (Упоминание Ж. Ж. Руссо — ошибка в тексте: речь идет о Ж. Б. Руссо).

Такие пространные сведения крайне характерны для депеш Гогенлоэ, который иногда увлекается второстепенной информацией. Такие же подробные характеристики он приводит, например, в донесениях о восстании 14 декабря. Перечисляя фамилии арестованных, он иногда записывает подробности, которые, вероятно, интересуют в первую очередь его самого. Так, имя А. И. Якубовича имеет пояснение:

«Jakubowitch, lieut. d'un régiment de chasseur à cheval de l'armée, ci-devant dans la garde et transféré de la pour avoir assisté comme second à un duel où un lieut. Cheremetieff d. la garde à cheval fut tué». ⁷⁰

Перевод:

Якубович, лейтенант армейского конно-егерского полка, бывший в гвардии и переведенный оттуда за то, что участвовал в качестве секунданта в дуэли, где был убит лейтенант кавалергардского полка Шереметев.

Некоторые места «Заметки», по-видимому, основаны на личных воспоминаниях автора; таково упоминание о внешности и манере разговора Пушкина, о его характере. Любопытно описание разговора Николая с князем П. М. Волконским, относящегося, по-видимому, к осени 1826 г. В это время двор был в Москве; на время коронации Пушкин был вызван Николаем в Москву. Гогенлоэ также находился в Москве и как член дипломатического корпуса был знаком с министром императорского двора Волконским. Возможно, что первая встреча Гогенлоэ с Пушкиным относится к этому времени. Вюртембергский посланник жил во время коронации в доме Вяземского и был знаком с арзамасцами. Мнение, высказанное Волконским о Пушкине, известно только в передаче Гогенлоэ. ⁷¹

Наконец, интересны приведенные Гогенлоэ слова самого Пушкина, сказанные Жуковскому, убедившему его, что все уверены в невинности его жены:

«Eh! que m'importe <...> l'opinion de Me la Comtesse ou de Me la Princesse une telle sur l'innocence ou la culpabilité de ma femme! La seule opinion dont je fasse cas est celle de cette classe secondaire qui maintenant est le seule véritablement Russe et qui accuse la femme de Pouschkin».

Перевод:

Ах, какое мне дело до <...> мнения графини такой-то или княгини такой-то о виновности или невинности моей жены! Единственное мнение, которым я дорожу, есть мнение среднего класса, который в настоящее время является единственным истинно русским и обвиняет жену Пушкина.

Это высказывание Пушкина в разных вариантах приводит Вяземский в письмах к Д. В. Давыдову и Михаилу Павловичу. ⁷² От Вяземского и других друзей Гогенлоэ мог слышать, что Пушкин был «образцовым другом». Друзья поэта упоминаются неоднократно в депешах. Все это свидетельствует о том, что автор «Заметки» записывает свои личные впечатления или рассказ получен из первых рук. Во всех этих местах отсутствует любимое выражение Гогенлоэ «говорят».

⁷⁰ Е 72, Büchse 82, Nr. 59, 16/28 decembre 1825.

⁷¹ Об отношениях Пушкина с Волконским см.: Русская старина, 1883, т. 40, с. 654, 656, 657.

⁷² Русский архив, 1879, II, с. 250; Щеголев, с. 262.

Итак, при ближайшем рассмотрении личности Гогенлоэ, его положения и связей, а также психологических и стилистических особенностей документа мы считаем Гогенлоэ автором «Заметки о Пушкине». Донесение Геверса представляет собой редакцию «Заметки». В некоторых местах внесены исправления (так, указывалось, что родство с Ганнибалами шло по мужской линии — исправлено: по женской) и дополнения (например, имена вместо литер указаны полностью), в других — сокращения (важный отдел, посвященный произведениям поэта, пропущен, что несколько нарушает логическую композицию «Заметки»). Гогенлоэ был знаком с Геверсом, и его имя упоминается в депешах неоднократно. Желая помочь молодому дипломату, профессиональное положение которого было крайне затруднительно, он ему любезно предоставил документ, который, возможно, был составлен для министра иностранных дел Вюртемберга графа Берольдинген.⁷³ Дальнейшее изучение вюртембергского архива, возможно, даст дополнительные материалы, которые прольют свет на этот эпизод.

3. Письмо Пушкина Геккерену

Среди бумаг Гогенлоэ находятся копии двух документов, связанных с дуэлью Пушкина. Это письмо Пушкина к Геккерену от 26 января 1837 г. и перевод на французский язык постановления суда, напечатанного в «Северной пчеле».

История письма Пушкина Геккерену изучена подробно.⁷⁴ Текст его известен в двух вариантах: копии с несохранившегося оригинала, находящейся в военно-судном деле о дуэли, и так называемой автокопии. Автокопия также известна в списке Вяземского.⁷⁵ Копия Гогенлоэ сделана с оригинала и имеет разночтения в двух местах. В одном месте поставлено многоточие, а последнее слово во фразе «je ne reculerai pas» заменено более сильным — «jamais» (вместо «я не отступлю» — «я не отступлю ни за что»).

Копия письма, сделанная рукой самого Гогенлоэ, в общем никаких новых данных не дает, но так как другие копии, относящиеся ко времени дуэли, сейчас неизвестны, то, естественно, возникает вопрос: откуда Гогенлоэ мог взять текст письма, которое хранилось в военно-судной комиссии?

Дело в том, что оба варианта письма были довольно хорошо известны в разных кругах общества и, по-видимому, существовало большое количество копий, которые не сохранились.

До дуэли текст письма знали только в близком кругу друзей Геккерена и Дантеса. Об этом Геккерен писал голландскому ми-

⁷³ Щеголев, с. 388.

⁷⁴ См.: Пушкин. Письма последних лет (1834—1837). Л., 1969, с. 345—357.

⁷⁵ Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина, с. 83—85.

нистру иностранных дел барону Ферстолку: «... когда мы собирались на обед к графу Строганову <...> я получаю письмо от г. Пушкина. <...> я не хотел опереться только на мое личное мнение и посоветовался с графом Строгановым, моим другом. Так как он согласился со мной, то я показал письмо сыну...».⁷⁶ После этого письмо было показано секунданту Дантеса, секретарю французского посольства д'Аршиаку, который 27 января «настоятельно требовал удовлетворения оскорбленной чести Баронов Геккеренов».⁷⁷ 28 января Геккерен препроводил письмо Пушкина графу Нессельроде, который передал его в следственную комиссию.⁷⁸ В этот же день письмо стало известно во дворец. Воспитатель великого князя Константина Николаевича Ф. П. Литке записал в дневник: «Пушкин пишет ругательное письмо на Дантеса, но не к самому Дантесу, а к Геккерену (нидерландскому посланнику), усыновившему Дантеса. Государь, читавший это письмо, говорит, что оно ужасно и что если б он сам был Дантесом, то должен бы был стреляться».⁷⁹ Но Геккерен оставил себе копии письма.⁸⁰ Он, видимо, охотно рассказывал и показывал его как доказательство, что Пушкин оскорбил дипломатическое лицо и от поединка отказаться было невозможно.⁸¹ 29 января А. И. Тургенев писал А. И. Нефедьевой: «Я сейчас встретил отца Геккерена; он <...> рассказал содержание <...> письма П-а. Ужасно! Ужасно!».⁸²

Письмо читал Дантес, и у него также были свои копии. Одну из них он показывал уже будучи в Баден-Бадене А. Н. Карамзину, о чем тот писал в Петербург: «Он мне показывал копию с страшного пушкинского письма, протокол ответов в военном суде...».⁸³

Копия с оригинала была и у д'Аршиака. 31 января А. И. Тургенев писал своему брату Николаю в Париж: «... la provocation de Pouchkine a été terrible et M-r d'Archiac vous fera lire peut être la lettre qu'il a écrit au père de son antagoniste».⁸⁴

Перевод:

Вызов Пушкина был ужасен, и г. д'Аршиак, может быть, даст тебе прочесть письмо, которое Пушкин написал отцу своего противника.

⁷⁶ Щеголев, с. 325.

⁷⁷ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900. с. 133.

⁷⁸ Щеголев, с. 320.

⁷⁹ Литературное наследство, т. 58, с. 138—139.

⁸⁰ В письме барону Ферстолку от 30 января Геккерен предлагал представить копии письма (Щеголев, с. 325).

⁸¹ См. запись мнения прусского посланника барона Либермана в дневнике Тургенева: Щеголев, с. 299. — Ср. спор Лермонтова с Н. А. Столыпиным: Боричевский, с. 344—345.

⁸² Пушкин и его современники, вып. VI, с. 52.

⁸³ Пушкин в письмах Карамзинных. с. 404.

⁸⁴ Пушкин и его современники, вып. VI, с. 58.

Эти данные касаются распространения текста оригинала письма и исходят от Геккерена и Дантеса.

Автокопия стала известна только после дуэли, хотя можно предположить, что некоторые лица, посвященные в преддуэльные события, — А. Н. Гончарова, Е. Н. Вревская, — знали о письме.⁸⁵ Текст автокопии читал секундант Пушкина Данзас, о чем он сообщил военно-судной комиссии: «Пушкин, собственно, для моего сведения прочел и самое письмо, которое, вероятно, было уже известно секунданту г. Геккерена. Это была, по словам Данзаса, «собственноручная копия с письма, писанного им 26 января к министру Нидерландского двора».⁸⁶ Автокопия была найдена, как это обозначено в заметке Вяземского, после дуэли, в кармане сюртука раненого Пушкина.⁸⁷ 30 января она была у Тургенева. Об этом он писал в Москву: «Предо мною и копия, рукою самого Пушкина, письма его к отцу (Геккерену, — А. Г.); но — об этом письме после».⁸⁸

Собственно, судьба автокопии нас в данном случае не интересует: Гогенлоэ сделал копию с текста подлинника. Но необходимо заметить, что копий с автокопии было сделано немало. Тургенев послал письмо в Париж с просьбой: «Письма Пушкина к Геккерену не должно всем показывать и не давать копий, иначе могут напечатать».⁸⁹ Однако письмо было известно в кругу А. О. Смирновой в Париже.⁹⁰ Известия в Москву Тургенев послал А. Я. Булгакову, который должен был делать копии и пересылать их родственникам и знакомым Тургенева. Личность Булгакова и его страсть к распространению писем и новостей хорошо известны. Известен также сам ритуал распространения писем в первой трети XIX в., и особенно в кругу людей, упомянутых выше.

Из всего этого видно, что письмо Пушкина Геккерену хорошо было известно в обществе и что первоначальных источников было два: Геккерен и близкие друзья Пушкина.

Письмо стало широко известно 29—30 января; именно к этим датам восходит большинство современных упоминаний. В эти дни Геккерен побывал у своих знакомых и показывал письмо. Во всяком случае, он обошел весь дипломатический корпус. К 30 января относятся самые ранние депеши о дуэли и смерти Пушкина. Все они, в большей или меньшей мере, ссылаются на письмо и перефразируют его.⁹¹ В эти же дни известия о письме

⁸⁵ Там же, с. 50, 92.

⁸⁶ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном, с. 62—63, 124.

⁸⁷ Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина, с. 83—84.

⁸⁸ Пушкин и его современники, вып. VI, с. 58.

⁸⁹ Там же, с. 91.

⁹⁰ «Нам прислали копию с письма Пушкина к Геккерену, и оно прекрасно определяет вину этого злосчастного господина»: Смирнова, т. 2, с. 24.

⁹¹ Щеголев, с. 383—384, 387, 397, 403.

распространяют друзья поэта. Через Тургенева содержание письма стало известно в салоне Карамзиных.⁹² 30 января С. Н. Карамзина писала брату о письме Пушкина: «...оскорбительное сверх всякой меры, он называл его, отца, старой сводней (то в самом деле исполнял такую роль), а сына — подлецом, трусом...».⁹³

В этот же день Гогенлоэ пишет первую депешу о Пушкине:

«Pour provoquer le duel, Monsieur de Pouschkin a écrit une lettre des plus offensantes au Baron de Heeckeren, Ministre des Pays-Bas, père adoptif du jeune homme, dans laquelle il se sert de termes que la décence ne permet pas de répéter et où il outrage ce Ministre de toutes les manières possibles, de sorte qu'il était de toute impossibilité de raccomoder les adversaires».

Перевод:

С целью вызвать эту дуэль г. Пушкин написал оскорбительнейшее письмо нидерландскому послу барону Геккерену, приемному отцу молодого человека, где он употребляет выражения, которые благопристойность не позволяет повторить, и где он всячески оскорбляет посла, так что примирить противников было невозможно.

В черновике письмо было характеризовано как «une lettre très forte et très incendiante» («письмо очень сильное и подстрекательское»), после исправлено на «insolente» («дерзкое»), «où il outrage ce Ministre de toutes les manières possibles même en le blâmant» («где он оскорбляет посла всеми возможными способами, даже ругая его»).

Как уже было замечено выше, точная датировка приложений к депешам затрудняется нарушением последовательности документации, и трудно определить, является ли письмо приложением к одной из депеш или к «Заметке». В «Заметке» ссылка на письмо делается, чтобы охарактеризовать состояние Пушкина в дни непосредственно перед дуэлью:

«... afin de bien juger son caractère, il n'est pas indifférent peut-être de lire sa lettre au Père de Heeckeren, lettre qui rendit tout accommodement impossible. Elle est rempli d'expressions qui montrent combien Pouschkin devait être ulcéré. On a peine à reconnaître l'écrivain pur et presque toujours décent dans les termes peu mesurés que la colère impose a ce caractère de feu. L'Océan a rompu ses digues, rien ne saurait l'arrêter».

Перевод:

... чтобы вернее понять его нрав, небесполезно, быть может, прочесть его письмо к отцу Геккерену, письмо, сделавшее немислимым всякое

⁹² Там же, с. 291 (дневник Тургенева, запись 29 января): «...вечер у Карамзиной. „La justice distributive“ — обо мне Софья Николаевна, отвечал ей это. О вчерашней встрече моей с отцом Геккерена». См. также запись от 30 января (там же).

⁹³ Пушкин в письмах Карамзиных, с. 167.

примирение. Оно полно выражений, свидетельствующих о том, насколько Пушкин должен был быть уязвлен. Трудно узнать чистого и почти всегда пристойного писателя в необдуманных словах, внушенных этому огненному темпераменту гневом. Океан прорвал плотину, ничто не в силах его остановить.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод. Письмо Геккерену, как и перевод постановления военного суда, являются приложениями к «Заметке о Пушкине». Эти приложения также говорят в пользу Гогенлоэ как автора «Заметки». Письма Пушкина Геверс не посылает, и само упоминание об этом письме не несет у него той логической нагрузки, которая имеется у Гогенлоэ. Сообщение в «Пчеле» появилось раньше, чем в немецкой газете, которую прилагает Геверс. По-видимому, он русского языка не знал и получал сведения из французских и немецких газет. Копию с письма Пушкина Гогенлоэ мог легко получить от разных знакомых, особенно дипломатов: самого Геккерена, французского посла Баранта, который мог иметь копию от д'Аршиака, и др. Все же этот круг можно несколько сузить. Информацию о Пушкине Гогенлоэ получал, как мы видели, в салоне Елены Павловны, непосредственно от ближайших друзей Пушкина. Известна еще одна копия письма с оригинала, сделанная Вяземским и приложенная к письму от 14 февраля к Михаилу Павловичу.⁹⁴ Откуда мог Вяземский достать копию с оригинала, который находился в военно-судной комиссии? Можно предположить, что обе копии письма — и Вяземского и Гогенлоэ — имеют один и тот же источник. В Михайловском дворце иметь такую копию вряд ли составляло трудность, тем более что одна копия была послана мужу великой княгини, другая — дяде в Вюртемберг.

* * *

Материалы Гогенлоэ о дуэли и смерти Пушкина, просмотренные заново, дают некоторую дополнительную информацию, касающуюся в основном известных событий. Не изменяя в целом уже сложившейся картины, они уточняют ряд деталей в истории последовательных дней Пушкина и расширяют круг действующих лиц, до сих пор изученный недостаточно; в числе этих лиц — Гогенлоэ, его дипломатические знакомые, а также великая княгиня Елена Павловна и ее окружение.

⁹⁴ Щеголев, с. 258.

С. А. РЕЙСЕР

ПУШКИН В САЛОНЕ ФИКЕЛЬМОН (1829—1837)

1

В мае 1784 г. Екатерина II начала раздавать для застройки недавно осушенный участок Петербурга, расположенный по набережной Невы, между Лебяжьим каналом и Мраморным дворцом (до служебного корпуса, ныне Северо-Западного заочного политехнического института).

Владельцы обязаны были построить свои участки в течение пяти лет: в противном случае они отбирались.

Первый участок (считая от Летнего сада к Мраморному дворцу) был отдан любимцу Екатерины II, И. И. Бецкому, второй — статс-секретарю П. А. Соймонову, остаток (теперь Суворовская площадь) — А. Р. Воронцову. П. А. Соймонов через три года от участка отказался, еще раньше отказался Воронцов, и оба участка были соединены.¹

В 1784—1788 гг. прославленный архитектор Джакомо Кваренги (1744—1814) построил по заказу купца Ф. И. Гротена дом, нерушимо стоящий до сих пор. Его нынешний адрес: ул. Халтурина, 3 — Дворцовая набережная, 4 — Суворовская площадь, 2. С 1925 года в нем помещается Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской.

Непосредственно к дому примыкал сад (бывший участок Воронцова), существовавший приблизительно с 1796 до 1818 г. В 1820-х гг. дом был частично перестроен К. Росси.² Затем в те-

¹ Здесь и дальше использованы данные, впервые установленные в ценной неизданной работе А. Н. Петрова «Дом Салтыковых. Историческая справка» (1953), хранящейся в архиве Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда. Ср. также мою статью «Дворцовая набережная, 4» (Ленинградский гос. библиотечный институт имени Н. К. Крупской. Труды, т. I, 1958, с. 33—47). — Это малотиражное издание (1000 экз.) в литературе почти не использовано. Страницы 37—41 настоящей статьи представляют собою дополненный и переработанный вариант части этой работы.

² Коршунова М. Ф. Джакомо Кваренги. Л., 1977, с. 65—66.

чение десятилетий особняк надстраивался, в глухой западной стене (брандмауэре) были частично пробиты окна и пр. Вероятно, только со стороны Невы фасад остался прежним,³ в остальном Кваренги не узнал бы своего творения.

Дом не раз менял своих владельцев. По неизвестным нам причинам Ф. И. Гротен новым домом не воспользовался. В 1790 г. дом перешел к Т. Т. Сиверсу, в 1793 г. — к кн. Е. П. Барятинской, но уже в 1796 г. Екатерина II купила дом и подарила его тогда графу, а с 1814 г. светлейшему князю Н. И. Салтыкову в благодарность за воспитание любимого внука — великого князя Константина. Во владении Салтыковых дом оставался до Великой Октябрьской социалистической революции.

После смерти Н. И. Салтыкова в 1816 г. дом перешел к его слепорожденному сыну Дмитрию (1767—1826), а потом к старшему сыну последнего Ивану (1796—1832).

Материальные дела семьи пошатнулись, и приблизительно в августе 1828 г. дом был Салтыковыми сдан в аренду посольству Австрии «со всей мебелью, бронзами, мраморами и прочими украшениями».⁴

Послом Австрии в России в январе 1829 г. был назначен граф Карл Людвиг Фикельмон (Fisquelmont, 1777—1857), характеристика которого уже не раз давалась в пушкиноведческой литературе.⁵

В 1821 г. Фикельмон женился на внучке Кутузова Дарье (Долли) Федоровне Тизенгаузен (1804—1863).⁶ И Фикельмон, и его жена были издавна поклонниками таланта Пушкина. Экзальтированно обожала поэта и поселившаяся в 1831 г. вместе с ними мать Долли — Елизавета Михайловна (по второму браку Хитрово, 1783—1839), и ее старшая дочь — Екатерина Федоровна Тизенгаузен (ок. 1803—1888).

Фикельмоны поселились в заново отделанном для них доме 12 сентября (вероятно, старого стиля) 1829 г.⁷

2

Приблизительно с октября двери дома на Дворцовой набережной гостеприимно распахнулись для официальных приемов посла и еще больше — для дружеских встреч в салонах его жены и тещи.

³ Фасад воспроизведен в статье: Гримм Г. Г. Джакомо Кваренги. (По материалам выставки в музее Академии художеств). — Архитектура Ленинграда, 1938, № 4, с. 66.

⁴ Санктпетербургские ведомости, 1828, 10 августа, № 64, первое представление, с. 903; повторено 14 и 17 августа.

⁵ Последняя по времени: Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976.

⁶ Подробно см.: там же.

⁷ Раевский Н. А. Указ. соч., с. 309.

«В летописях петербургского общежития, — пишет друг Пушкина П. А. Вяземский, — имя «Е. М. Хитрово» осталось так же незаменимо, как оно было привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех полудни) и вечера ее дочери, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в память тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имели верные отголоски в этих двух родственных салонах. «В них» можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского и английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи <...>. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах. Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений. Это был мирный обмен мнений, воззрений, оценок, система free trade «свободной торговли», приложенная к разговору».⁸

Вяземский называет салон Фикельмонов европейско-русским и пишет, что «в нем дипломаты и Пушкин были дома».⁹ И в самом деле: дом австрийского посла был для Пушкина важным звеном и источником постоянной и правдивой информации о жизни Западной Европы. В условиях последекабристского террора заграничные связи были ослаблены. О политической осведомленности Фикельмонов свидетельствует, например, тот факт, что они знали о таком значительном документе, как «Философические письма» П. Я. Чаадаева, а отчасти и содействовали его распространению; во всяком случае, им были известны третье, шестое и седьмое письма, увидевшие свет лишь в советское время.¹⁰

Именем Пушкина освящен для нас дом на Дворцовой набережной, 4.¹¹

⁸ Вяземский П. А. Сочинения, т. 8. СПб., 1883, с. 493—494. — О том, как Вяземский в доме Фикельмон «сливался с Петербургом», он писал жене 29 декабря 1831 г. (Звенья, т. 9, М., 1951, с. 23). Подробный анализ сложных отношений П. А. Вяземского и Д. Ф. Фикельмон см. в названной выше книге Н. А. Раевского (с. 157 и след.).

⁹ Вяземский П. А. Сочинения, т. 8, с. 226.

¹⁰ Гиллельсон М. И. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 25—28.

¹¹ Ряд новых материалов, касающихся Пушкина и семьи Фикельмонов, стал известен с опубликованием дневников Д. Ф. Фикельмон. Вся история обнаружения новых пушкинских материалов исследована и увлекательно рассказана в книге Н. А. Раевского «Портреты заговорили». Более подробные публикации и анализ дневников см.: Флоровский А. В. 1) Дневник графини Д. Ф. Фикельмон. Из материалов по истории русского общества тридцатых годов XIX века. — Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd VII, 1959, с. 49—100; 2) Пушкин на страницах дневника гр. Д. Ф. Фикельмон. — Slavia, 1959, № 4, с. 555—578. Ср. также: Хмельская Е. М. Из дневника графини Фикельмон. Пушкин. Исследования и материалы. М.—Л., 1956, с. 349—350. — Кроме того, существенно важный материал находится в книге: Kauchtschischwili Nina. Il diario di Dar'ja

Собрание сочинений Пушкина, дневники, письма и мемуары современников позволяют установить факты частого посещения Пушкиным любезного ему дома. Он познакомился с Фикельмонами скорее всего 10 декабря 1829 г. (с Е. М. Хитрово в 1828 г.), и вскоре это знакомство превратилось в дружбу. О близости Пушкина ко всей семье свидетельствует написанное в 1830 г. для старшей сестры Д. Ф. Фикельмон — Е. Ф. Тизенгаузен стихотворение «Циклоп»; оно было ею прочитано на костюмированном балу в Аничковом дворце 4 января.

Фикельмоны, общительные и веселые люди, охотно принимали участие в светских удовольствиях Петербурга. Официальные приемы, балы до пяти-шести часов утра, маскарады, музыкальные вечера, рауты, т. е. балы без танцев, сменяли друг друга. Так, из письма Д. Ф. Фикельмон Пушкину видно, что 12 февраля 1830 г. поэт принимал участие в маскарадном выезде вместе с Фикельмонами, а потом у них ужинал.

«Крайне жестоко с вашей стороны быть такой любезной и заставлять меня так сильно испытывать скорбь от того, что я удален от вашего салона», — писал Пушкин (по-французски) Д. Ф. Фикельмон из Москвы 25 апреля 1830 г.

Скорее после этого, возвратившись в Петербург, Пушкин 21 мая 1831 г. впервые был у Фикельмонов с женой; справедливости ради заметим, что это был, видимо, официальный визит и близкой дому она никогда не стала. 25 октября Н. Н. Пушкина снова была с мужем на большом приеме. 15 ноября П. А. Вяземский через Пушкина передает «австрийскому дому... нежное почтение». В августе 1832 г. супруги Пушкины были на обеде в посольстве, в узком кругу друзей.¹²

В конце января или в начале февраля и 21 ноября 1832 г., 24 июля¹³ и 24 ноября 1833 г.,¹⁴ 28 февраля, 15 марта, 6 апреля, в начале мая, 11 июля 1834 г.¹⁵ в дневниках и письмах Пушкина Fedorovna Ficquelmont. Milano, 1968 (ср.: Гиллельсон М. И. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон, с. 14—33). — Изложение и цитации всех материалов: Измайлов в Н. В. Пушкин в дневнике графини Д. Ф. Фикельмон. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.—Л., 1963, с. 32—37. — Отзывы Д. Ф. Фикельмон о Пушкине собраны в издании: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 140—146 (подготовка текста, вступительные заметки и примечания Я. Л. Левкович).

¹² Акад., XIV, 65, 240; XV, 8; XVI, 429—430 и др.

¹³ Письмо П. А. Вяземского жене от 25 июля 1833 г. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, с. 807.

¹⁴ XII, 314.

¹⁵ XII, 320, 324; XV 143, 178. — Бал 28 февраля 1834 г. фрейлина А. С. Шереметева в письме к матери описывает так: «блестящий и оживленный, танцевали в двух комнатах, а после ужина танцевали поупурри и галоп почти до пяти часов утра» (Архив села Михайловского, т. 2, вып. 1. СПб., 1902, с. 34). Ср. еще отзыв о бале 9 февраля (там же, с. 32). На этом балу присутствовали царь и царица. В неизданном «Камер-фурьерском журнале» за 28 февраля 1834 г. записано: «20-ть минут 10-го часа вечера ее величество с фрейлиною Шереметевою выезд имела в карете к проживающему на Суворовской площади в доме Салтыкова

(или его современников) зафиксированы посещения им (иногда с женою) дома австрийского посла. Само собою разумеется, что в действительности визитов было значительно больше: Пушкин был частым гостем в этой гостеприимной и культурной семье, с которой его соединила старая приязнь и дружба с матерью, обеими дочерьми и мужем одной из них.

Отношения быстро потеряли характер официальности; в апреле 1830 г. Пушкин представил Е. М. Хитрово своего брата Льва, а в январе 1832 г. Д. Ф. Фикельмон познакомилась с братом жены поэта Иваном Гончаровым.

Салон Фикельмонов Пушкин ценил не только из-за хозяев: на балах и раутах в этом доме бывал, по словам поэта, «весь город». ¹⁶ 29 апреля 1832 г. Пушкин обедал у Фикельмонов вместе с П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым, статс-секретарем Царства Польского гр. С. Ф. Грабовским и военным историком генерал-лейтенантом А. И. Михайловским-Данилевским. 24 ноября 1833 г. Пушкин был обрадован неожиданной встречей в доме Фикельмонов со старым кишиневским приятелем — князем Михаилом Суццо. ¹⁷ Вскоре по приезде в Петербург (т. е. после 8 сентября 1833 г.) здесь стал бывать и Дантес.

Через Фикельмона, пользуясь его дипломатическим иммунитетом, Пушкин получал и некоторые запрещенные к ввозу в Россию книги. Так, 27 апреля посол прислал ему французское издание Гейне. ¹⁸

Наконец, парадные комнаты посольства (т. е. теперешние 301—307 аудитории) были свидетелями важных эпизодов предсмертной трагедии великого поэта.

16 ноября 1836 г. во время обеда у вдовы историка Карамзина Пушкин обратился к писателю гр. В. А. Соллогубу с просьбой быть его секундантом и на следующий день передать вызов Дантесу: «условьтесь с ним <виконтом д'Аршиаком, секундантом Дантеса> только насчет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше». ¹⁹

Вечером того же дня был большой раут у Фикельмонов. ²⁰ По словам Соллогуба, «Пушкин приехал поздно, казался очень встре-

австрийскому послу гр. Фикельмону, куда также 10 минут 11-го часа отсутствовал один в карете и его величество. По прибытии в дом к послу их величества присутствовали у него на бале и потом кушали за вечерним столом, после того возвратились в одной карете в Зимний дворец 35-ть минут 5-го часа утра» (ЦГИА, ф. 516, оп. 120/2322, д. 92, л. 50—50 об.).

¹⁶ XII, 324.

¹⁷ Там же, с. 314; Русская литература, 1964, № I, с. 128; Аммосов А. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов <...> К. К. Данзаса. СПб., 1863, с. 5—6.

¹⁸ XII, 369.

¹⁹ Соллогуб В. А. Воспоминания. Ред., предисл. и примеч. С. П. Шестерикова. М.—Л., 1931, с. 362—363.

²⁰ При дворе был объявлен траур по случаю смерти бывшего французского короля Карла X. Поэтому мог состояться раут, но не бал.

вожен». Заметив, что его свояченица Екатерина Николаевна Гончарова беседует с Дантесом, он запретил ей продолжать разговор, а «самоу Дантесу сказал несколько более чем грубых слов».²¹

На следующий день Соллогуб вел переговоры о дуэли. Так как Дантес как раз в это время сделал Екатерине Николаевне предложение, Пушкину пришлось взять вызов обратно. Свадьба состоялась 10 января 1837 г., но примирение не наступило. Через семнадцать дней дуэль все же произошла.

Пушкин посетил своих друзей 6 января 1837 г. «Два дня тому назад мы провели восхитительный вечер у австрийского посланника <...>. Образовался маленький кружок, состоявший из французского посла Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского посла «Либермана» и вашего покорного слуги <...> Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса <...> Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины», — писал Александр Тургенев А. Я. Булгакову 9 января 1837 г.²²

В последний раз Пушкин и его жена совместно были у Фикельмонов 21 января 1837 г., т. е. за шесть дней до роковой дуэли.²³ В этот день у посла был большой бал (свыше 400 гостей), и едва ли на нем происходили какие-либо содержательные беседы.

А через несколько дней Фикельмоны присутствовали на отпевании тела поэта. Е. М. Хитрово приезжала проститься с поэтом 28 января 1837 г.²⁴

«Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы! И какая печальная и мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, сияющий светоч, которому как будто предназначено было все сильнее и сильнее освещать все, что его окружало, и который, казалось, имел перед собой еще долгие годы...», — записала Долли (по-французски) в своем дневнике 29 января 1837 г.

3

В 1971 г. Н. А. Раевский в статье «Особняк на Дворцовой набережной» (журнал «Простор», Алма-Ата, № 12, с. 88—94) остроумно и убедительно обосновал гипотезу, что, изображая в «Пиковой даме» (1833) единственное посещение Германном гра-

²¹ Соллогуб В. А. Указ. соч., с. 363.

²² Кошкина Е. Н. Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову. — Московский пушкинист, вып. 1, М., 1927, с. 34—36; Дневник А. И. Тургенева в кн.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, с. 284; Флоровский А. В. Пушкин на страницах дневника гр. Д. Ф. Фикельмон. — Slavia, 1959, № 4, с. 572; Письма Александра Ивановича Тургенева Булгаковым. М., 1939, с. 203—204.

²³ Письма Александра Ивановича Тургенева Булгаковым, с. 206, 208. — Дневник А. И. Тургенева см.: Щеголев П. Е., указ. соч., с. 288.

²⁴ Яшин Михаил. Последние часы Пушкина. — Нева, 1971, № 2, с. 196.

ффи и Лизы, Пушкин со значительной степенью точности воспроизвел расположение комнат, лестниц и коридоров дома Салтыковых. Н. А. Раевский тем самым верит в правдивость записанного П. И. Бартевым рассказа П. В. Нащокина, что Пушкин сам однажды проделал этот путь во время интимного посещения Д. Ф. Фикельмон между 1832 и 1833 гг. Это предположение Н. А. Раевский развил и уточнил в шести изданиях своей книги «Портреты заговорили» (1974—1980). Во всяком случае, не считаться с этой тщательной и серьезной аргументацией невозможно.²⁵

В дополнение к соображениям Н. А. Раевского добавлю, что комнату Лизы, которая жила этажом выше графини («спустился вниз по винтовой лестнице и вошел опять в спальню к графине»), следует «поместить» на месте нынешней 407-й аудитории — в настоящее время сняты перегородки, и комната за счет соседних значительно увеличилась в площади.

Хорошо известно, что в образе графини Пушкин изобразил престарелую княгиню Н. П. Голицыну (1741—1837). В ее особняке (ныне — улица Гоголя, 10, угол улицы Дзержинского) Пушкин в 1830-х гг. бывал.²⁶ Однако, нанося официальные визиты 90-летней старухе, Пушкин, конечно, нигде, кроме парадных зал, быть не мог и расположение личных покоев, вроде спальни, не знал. А в особняке Салтыковых Пушкин с конца 1820-х гг. бывал многократно в самых разных частях дома — у посла, у «посольши», у ее сестры, у их матери — и, понятно, хорошо знал топографию дома.

Разумеется, не исключено, что строки, посвященные описанию дома, в котором жили графиня и Лиза («в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры»), имеют в виду дом Голицыной. Однако сколько-нибудь точные приметы дома и улицы у Пушкина отсутствуют.

4

История дома Салтыковых на Дворцовой набережной, 4 в данном случае интересует нас в связи с именем Пушкина.²⁷

Завершить рассказ о нем кажется уместным сообщением о находке, дающей некоторое представление о внутреннем убранстве посольского дома.

²⁵ К сожалению, Юрий Раков традиционно и некритически считает, что не только снаружи, но и в интерьерах Пушкин описывает дом кн. Н. П. Голицыной, — см.: Раков Ю. Дом Пиковой дамы. — В кн.: Белые ночи. Очерки. Зарисовки. Документы. Воспоминания. Л., 1971, с. 160—165; Раков Ю. По следам литературных героев. М., 1974, с. 54—61; Литературная Россия, 1977, 25 ноября, № 48 (776), с. 16.

²⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 105.

²⁷ История дома в полном виде изложена мною в статье, названной в примеч. 1.

Никакие изображения интерьера австрийского посольства до сих пор известны не были.

Тем большее значение приобретает недавно обнаруженная проф. Сильвией Островской (ЧССР) картина, относящаяся к этому дому (см. илл. на с. 48—49).

Картина принадлежит кисти художника Сотеры и в течение многих лет находилась в замке Вельтрусы. Она несомненно была у Фикельмонов и входила в состав их Теплицкого собрания.

Картина датируется временем, когда Фикельмон был послом Австрии и жил в доме на Дворцовой набережной, т. е. временем от сентября 1829 и до 1840 г. Трудно предположить, чтобы художник изображал гостиную дома, когда Фикельмоны в нем уже не жили. На одном из диванов, возле второго окна, сидит девочка, читающая книгу. Это может быть дочь Фикельмонов Елизавета-Александра (Элизалекс), родившаяся в 1825 г. Можно предположить, что ей 10—12 лет; в таком случае картина должна быть датирована временем около 1835—1837 гг. Пушкин несомненно не раз бывал в этой гостиной.

На картине изображен один из салонов посольства. Ныне это 307-я аудитория Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской. В этом нас убеждает число окон, место камина и расположение дверей. Одна из них находится справа, у самого окна, у стены, нарушая симметрию других дверей в других залах, создающих в анфиладе впечатление перспективы. Вторая дверь расположена почти точно против третьего окна. Никакое другое помещение в здании института не подходит ближе к этой картине.

Правда, на картине изображен полусводчатый потолок с росписью и идущий несколько ниже карниз, так что создается впечатление, что потолок на него опирается. В настоящее время — перед нами обычная зала с ровным потолком и без всякого карниза.

Когда были произведены эта перестройка и «упрощение» комнаты, сказать трудно. После отъезда Фикельмонов в здании несколько раз происходили зафиксированные в архивном деле²⁸ ремонты: в 1844 г., 1873—1875, 1881, 1909, 1926—1928 гг. и др. Есть некоторые основания думать, что наиболее существенные изменения были внесены французским архитектором Г. И. Боссе в 1844 г.

²⁸ Ленинградский государственный исторический архив, ф. 513, оп. 102, № 87.

К. КРИЖОВА, С. ОСТРОВСКАЯ

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ НАХОДКИ

Во втором издании своей книги «Портреты заговорили», обогащающей наши представления о ближайшем пушкинском окружении последних лет жизни поэта, Н. А. Раевский, касаясь вопроса об иконографии Д. Ф. Фикельмон, делает следующее характерное примечание: «Многочисленные картины и портреты, украшавшие покои Теплицкого замка, по-видимому, сохранились, но вывезены отсюда и сейчас фактически недоступны для изучения...».¹

Теплице упоминается здесь не случайно: после брака с князем Эдмундом Клари-Альдрингеном в 1841 г. в его родовом поместье поселилась дочь Д. Ф. Фикельмон Елизавета-Александра, и сюда впоследствии перешла значительная часть коллекций Фикельмонов. Напомним, что уже в начале XIX в. Теплице был всемирно известным курортом. Кроме источника минеральных вод, славившись и роскошный теплицкий парк, и ряд архитектурных памятников, самый древний из которых восходил к XII в. Упоминается Теплице и в исторических хрониках нового времени: здесь в 1813 г. располагалась главная квартира русского, австрийского и прусского монархов, в 1835 г. в Теплице прибыл Николай I, пытавшийся восстановить пресловутый Священный союз. Гостями Теплице были многие выдающиеся деятели культуры: Гете, Бетховен, Лист, Вагнер.

Справедливым в 1976 г. было и замечание Н. А. Раевского о бедности иконографии Долли Фикельмон, хотя за последние годы пробел этот отчасти восполнен. Наряду с известным шаржированным рисунком Пушкина в черновиках поэмы «Медный всадник» и маловыразительным акварельным портретом Т. Уинса, хранящимся во Всесоюзном музее Пушкина, в книге Н. А. Раевского при нашем содействии была опубликована фотография Д. Ф. Фикельмон конца 1850-х гг. В 1978 г. в журнале «Огонек» появился очерк И. Бочарова и Ю. Глушаковой «Венецианская Пушкиниана» с цветным воспроизведением коллекции портретов из венецианского Палаццо Клари, в том числе и портретов Долли

¹ Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976, с. 414.

работы художников К. Агриколы и Й. Крихубера (последний — по цветной фотоконии).² Наконец, в 1979 г. И. Б. Чижова опубликовала прелестный акварельный портрет Д. Ф. Фикельмон работы П. Ф. Соколова (1837).³

Несколько раньше последней публикации в чехословацких журналах «100+1» и «Květy» напечатаны иллюстрированные статьи, принадлежащие авторам этих строк и проливающие свет на судьбу коллекции Теплицкого замка.⁴

Заняться поисками картин из Теплице нас побудил очерк И. Бочарова и Ю. Глушаковой, которые поставили вопрос о нынешнем местонахождении подлинников портретов Д. Ф. Фикельмон и ее отца, Ф. И. Тизенгаузена, цветные фотографии с которых хранятся в Палаццо Клари. По документам архива Государственного института охраны памятников и защиты природы в Праге удалось выяснить, что после национализации Теплицкого замка его коллекции попали в различные чешские и моравские замки, причем самая большая и ценная часть — в замок Вельтруссы.⁵ Далее при содействии районного центра Государственного управления памятников культуры в Средней Чехии и дирекции Вельтрусского замка мы обнаружили множество исключительно ценных экспонатов из Теплицкого замка.

Нам удалось найти большой портрет Д. Ф. Фикельмон (масло, 120×96) работы К. Агриколы (1795—1857)⁶ — в платье античного покроя, сидящей на фоне римского Форума и столпа Траяна (вероятно, таким образом была подчеркнута ее известная увлеченность античностью). Особенно выразителен на портрете меланхолический и целеустремленный взгляд пытливых глаз Долли, известной в высшем обществе под именем Сивиллы. Можно предположить что портрет выполнен в 1824 г., когда Фикельмон с супругой побывал в Риме, — в таком случае это наиболее ранний из известных нам портретов Д. Ф. Фикельмон (см. илл. на с. 48—49).

² См.: Бочаров И., Глушакова Ю. Венецианская Пушкиниана. — Огонек, 1978, № 7, с. 22—24.

³ См.: Чижова И. Женские портреты пушкинской поры. Работы П. Ф. Соколова. — Искусство, 1979, № 6, с. 65; Чижова И. Возвращение портрета. — Советская Россия, 1979, 26 декабря, с. 4.

⁴ Křížová K., Ostrovská S. Neznámé portréty Kutuzovových portoklu. — 100+1. Zahraniční zajímavosti, 1978, N 15, s. 44—45 (статья эта летом 1978 г. была передана авторами в Пушкинский кабинет ИРЛИ АН СССР); Křížová K., Ostrovská S. Unikátní objev. — Květy, 1979, N 1, s. 18—19. — Эти статьи были известны Л. С. Кишкину, который в юбилейные пушкинские дни опубликовал в ряде советских газет (иногда с пометой «Публикуется впервые») некоторые из портретов Теплицкой коллекции Фикельмонов. См.: Литературная Россия, 1979, 18 мая, с. 19; Правда, 1979, 29 мая, с. 6; Комсомольская правда, 1979, 6 июня, с. 4.

⁵ Коллекции из Теплице хранятся также в замках Фридлант, Сихров, Кинжварт, Наход, Лидоховице, Вранов и др.

⁶ Авторство К. Агриколы подтверждается корреспонденцией супругов Фикельмон, хранящейся в Дечине (первое письмо с упоминанием о художнике написано К. Л. Фикельмоном к Долли 28 октября 1824 г.).

Портрет К. Л. Фикельмона работы К. Агриколы.
Ок. 1819 г.

Портрета Д. Ф. Фикельмон, воспроизведенного по фотоконии в журнале «Огонек», мы в Вельтрусах не обнаружили, но зато нашли два несомненных варианта этого портрета, запечатлевших один и тот же иконографический тип, — на всех трех портретах (принадлежащих, по-видимому, кисти Й. Крихубера и относящихся к 1840-м гг.) мы находим одну и ту же позу, одно и то же выражение: нежную улыбку все еще красивого лица Долли, изображенной в чепце, с жемчужным ожерельем (оно, между прочим, упоминается в ее письмах) и с камеей; однако на одном из вельтрусских портретов (масло, овал, 73×63) ленты чепца распущены и накидка не кружевная (как на венецианском портрете), а из плотной материи, отделанной мехом; второй вельтрусский портрет (масло, круг, 55) — не поясной, а погрудный.

Бюст К. Л. Фикельмона работы И. Фракароли. 1848 г.

В Вельтрусах мы нашли также фотографию 1860-х гг., на которой Д. Ф. Фикельмон изображена со своей дочерью Елизаветой-Александрой и внучкой Едме. Отметим попутно, что направленная нами Н. А. Раевскому и опубликованная в его книге фотография трех женщин, одна из которых определялась как Долли Фикельмон, является, как теперь точно установлено, групповым портретом сестер князя Эдмунда Клари.

Сохранившаяся в Вельтрусах коллекция позволяет пополнить иконографию некоторых других лиц пушкинского окружения. Это и портрет матери Долли, любимой дочери Кутузова, Е. М. Хитрово

(масло, 58×48); неизвестный русский художник 1820-х гг. изобразил ее в горностаевой накидке на фоне драпировки с деталью ампирной постройки, которую можно предположительно идентифицировать со знаменитым московским домом Пашкова. Это и несколько портретов мужа Долли, австрийского посланника в Петербурге К. Л. Фикельмона, работы художников К. Агриколы (ок. 1819, цветной карандаш, 51×40), Й. Цумсаанда (копия с портрета Й. Крихубера,⁷ цветной карандаш, 31×26), А. Айнсле (масло, 80×63) и его же скульптурный портрет работы И. Фракарони (1848, 88 см). Следует упомянуть также о портрете отца Долли, Ф. И. Тизенгаузена (миниатюра на слоновой кости работы неизвестного художника), который был воспроизведен в журнале «Огонек» по цветной фотокопии в альбоме Клари-Альдрингенов.⁸

Но, может быть, самой замечательной находкой в Вельтрусах является акварель работы художника Сотеры. На ней — гостиня австрийского посольства в Петербурге в доме Салтыкова. Здесь же мы различаем дочь посла, Елизавету-Александру, будущую кн. Клари-Альдринген.⁹ (См. об этом подробнее в статье С. А. Рейсера, на с. 43). Таким образом, мы можем сейчас воочию представить себе салон, где на приемах у «посольши» Долли Фикельмон по вторникам и пятницам в течение нескольких лет бывал Пушкин.¹⁰

Исследование чехословацкой пушкинианы продолжается.

⁷ Вероятно, оригинал этого портрета (из частной коллекции) воспроизведен в кн. Раевского «Портреты заговорили».

⁸ Акварельная копия той же миниатюры работы художника П. Э. Рокштула имеется в Ленинграде. См.: Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея XVIII—начала XX веков. Изд. 2-е. Л., 1979, с. 124.

⁹ В Вельтрусах хранятся также два акварельных портрета кн. Е.-А. Клари-Альдринген работы художников М. Даффингера и Й. Крихубера.

¹⁰ При посещении одним из авторов этих строк в 1978 г. Ленинграда проф. С. А. Рейсер любезно провел экскурсию по Институту культуры имени Крупской (бывший дом Салтыкова). При помощи имевшегося у нас слайда акварели удалось точно установить, что гостиня Д. Фикельмон занимала помещение нынешней аудитории 307. Нельзя не пожелать восстановления интерьера этого помещения на основе обнаруженной ныне акварели. Прибавим к этому, что картины из гостиной Фикельмон, по-видимому, сохранились; по крайней мере одну из них (портрет женщины в белом чепце, XVI в.) мы обнаружили в Вельтрусах.

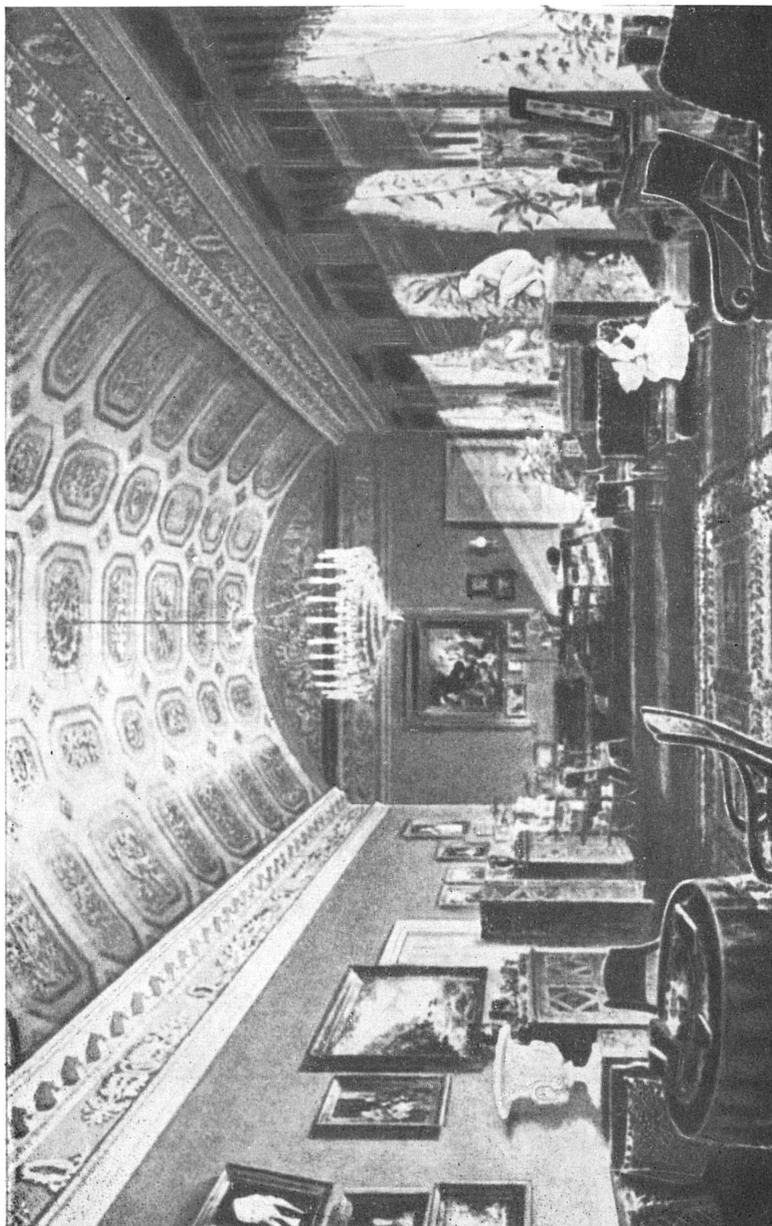
Портрет Д. Ф. Фикельмон работы К. Агриколы. 1824 г. (?).

Портрет Д. Ф. Фикельмон, по-видимому работы И. Крихубера.
1840-е годы.

Портрет Е. М. Хитрово работы неизвестного художника. 1820-е годы.

Салон Фикельмонов в Петербурге в 1835—1837 гг. Акварель работы художника Сотеры,

С. А. ФОМИЧЕВ

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОЭМЫ «ДОМИК В КОЛОМНЕ»

(Наблюдения над рукописью)

Черновики поэмы «Домик в Коломне» не сохранилось. Единственный рукописный источник текста произведения представлен так называемым «Беловым автографом с поправками» (ПД, ф. 244, оп. 1, № 905). Он выполнен на листах большого формата, сложенных вдвое. Первый из этих листов сохранил два стихотворных фрагмента, обладающих самостоятельным значением вне полного текста поэмы.

Один из них выделен в большом академическом собрании сочинений Пушкина (см. V, 372—375). Другой же фрагмент, предназначенный Пушкиным для публикации, до сих пор оставался незамеченным.

Проследим процесс работы поэта над «Беловым автографом с поправками».

Первоначально сюда заносятся пять октав, пронумерованных римскими цифрами:

- I. Четырехстопный ямб мне надоел...
- II. А чтоб им путь открыть широкий, вольный...
- III. Не стану их надменно браковать...
- IV. Нет, мудрено (я взял уловку лисью...
- V. Но возвратиться все ж я не хочу...

Однако после этого поэт возвращается к теме, намеченной в третьей октаве, и записывает на полях лицевой страницы одну, а на обороте — две следующие октавы, пока не нумеруя их:

У нас война. Гвардейцы затяжные...
Поэты Юга, вымыслов отцы...
Ну, женские и мужские слоги!..

Две предыдущие же октавы (первоначально IV и V) обводятся слева охватывающей чертой, что означает знак переноса. По смыслу они теперь следовали за вновь внесенными строфами.

Дальше работа продолжается на третьей странице (в начале и в конце ее, очевидно, без предварительного черновика). Записанные здесь три октавы после соответствующих исправлений следуют в таком порядке:

Он вынынчен был мамкою не дурой...
От школы прежней он уж далеко...
О что б сказал поэт законодатель...

Перевернув страницу, поэт записывает еще одну октаву:

У нас его недавно стали гнать... —

после которой ставит дату «5 окт<ября>» и делает характерный росчерк, обозначающий окончание работы.

По-видимому, к этому времени стихотворение еще не предполагало поэмого развития: посвященное судьбе александрийского стиха, оно предназначалось, судя по смыслу, в качестве вступления к какому-то иному стихотворному произведению.¹

Однако работа над октавами стимулировала творческое воображение поэта, предопределив до некоторой степени очертания сюжета шутильной поэмы.²

На следующем двойном листе он начинает переписывать дальнейшие строфы поэмы, оставив четвертую страницу не заполненной до конца. Только позже под датой и росчерком (частично поверх его) поэт записывает новую октаву:

Как весело стихи свои вестн... —

и выделяет арабскими цифрами из всего записанного на первом двойном листе связный текст, опуская из него тему александрийского стиха.³ Вполне очевидно оформление нового стихотворного

¹ Заметим, что 26 сентября Пушкин написал уже александринами «Ответ анониму», а 10 октября начал писать стихотворение «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...». Допустимо также предположение, что именно эти октавы предназначались Пушкиным в качестве вступления к «Драматическим сценам» (маленьким трагедиям), — ср. список, набросанный на обороте пушкинского проекта обложки к этому циклу: I. Окт<авы>. II. Скупой. III. Салиери. IV. Д.<он> Г<уан>. V. Plague (Рукую Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 278). Если это предположение верно, октавы эти должны были быть дополнены новыми строфами, объясняющими, почему в «сценах» вместо классического трагедийного александрийского стиха употреблен белый пятистопный ямб. В 1833 г. Пушкин вновь вернется к намеченной в октавах теме («Французских рифмачей суровый судья»).

² Только после строки «Ну, женские и мужские слоги», очевидно, появился эпиграф из Овидия «*Modo vir, modo femina*», открывающий «Беловой автограф», но записанный явно позже первых октав.

³ Впрочем, предыдущий фрагмент еще не потерял своего самостоятельного значения. Позже арабской нумерации (отчасти включая ее) закончена

фрагмента, который приобретает окончательный вид после записи на той же странице следующей октавы, отделенной от предыдущей черточкой:

И там себе мы возимся в грязи...

После этого в конце страницы ставятся три черты (знак окончания!), а сбоку появляется запись: «Сии октавы служили вступлением к шуточной поэме, уже уничтоженной».⁴ Последняя октава осталась непрономерованной, так как на следующем листе были уже записаны предваряющие ее октавы, которые дополняют пронумерованный арабскими цифрами фрагмент. В целом виде он выглядит так:

1

Четырехстопный ямб мне надоел,
Им пишет всякой. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием; пушусь на славу:
Ведь рифмы запросто со мной живут,
Две придут сами, третью приведут.

2

А чтоб им путь открыть широкий, вольной,
Глаголы тотчас им я разрешу
(Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы: отчего, спрошу?
Так писывал «Языков» малосольный,
Так пишет «Дельвиг»,⁵ так и я пишу.
К чему, скажите? Уж и так мы голы).
Отныне в рифмы буду брать глаголы.

3

Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, дождавшихся увечья,
Иль лошадей, за шерсть их или стать,
А подбирать союзы да наречья.

Пушкиным римская нумерация фрагмента, посвященного александрийскому стиху.

⁴ В большом академическом издании запись эта отнесена к первому стихотворному фрагменту из 12 октав, что неверно (см. V, 377 — ср. с фотокопией рукописи).

⁵ Так расшифрована фамилия в большом академическом издании (V, 374). Это позволяет предположить, что в предыдущей строке Пушкин имел в виду именно Языкова (малосольного!). В печатном тексте поэмы упоминание о Дельвиге опущено, а в предыдущей строке вспоминается «Шихматов богомольный» (в 1830 г. С. А. Ширинский-Шихматов постригся в монахи).

Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сберець я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат.
Все годны в строй. У нас ведь не парад.

4

У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (по хрип⁶ ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?⁷
Уж люди! мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк.
Всяк с ревом так и лезет в бой кровавый.
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

5

Поэты Юга, вымыслов отцы
Каких чудес с октавой не творили!
Но мы, ленивцы, робкие певцы,
На мелочах мы рифмы заморили.
Могучие нам чужды образцы.
Мы новых стран себе не покорили.
И наших дней изнеженный поэт
Чуть смыслит свой уравнивать куплет.

⁶ По словам Вяземского, великий князь Константин Павлович, который «обогастил гвардейский язык многими новыми словами и выражениями», был между прочим и автором слова «хрип», что «означало какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипlostью голоса» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Пб., 1883, с. 139—140). Несколько иначе толкует это слово Булгарин: «Офицеров, которые употребляли всегда французский язык вместо отечественного и старались отличиться светскою ловкостью и утонченностью обычаев, у нас называли хрипунами оттого, что они старались подражать парижанам в произношении буквы г (grasseyer)» (Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846, с. 140—141). По всей вероятности, с этой кличкой связывалось все-таки понятие о гусарстве как особом стиле поведения части русского офицерства. Ср. в «Воине и мире» Л. Толстого: «Денисов был маленький человек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмаченными усами и волосами. На нем был расстегнутый ментик, спущенные, в складках широкие чикчиры, а на затылке была надетая мягкая гусарская шапочка. Он мрачно, опустив голову, приближался к крыльцу.

— Лавг'ушка, — кричал он картавя на р, громко и сердито <...>

— Вот так! А я пг'одулся, бг'ат, вчег'а, как сукин сын...»

(Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 9. М.—Л., 1930, с. 156). Ср. также известную характеристику Скалозуба («Хрипун, удушенный, фэгот»).

⁷ Ширванский полк отличился особо в битве при Ахалдике. Командиром полка (с октября 1828 г.) был Н. И. Кошкарев, переведенный на Кавказ после заключения в крепости по делу Семеновского полка. По воспоминаниям А. С. Гангелова, Кошкарев всегда окружал себя ссыльными декабристами (см.: Гангелов. Воспоминания. М., 1888, с. 171—172).

Чувствую себя вдали от вас
 (Как будто в пустыне и Тельмана
 Вспомню и востановлю на груди
 Ваш рисунок, востановлю дух
 Да и востановлю и востановлю
 Востановлю ~~востановлю~~ востановлю востановлю
 До востановлю востановлю востановлю
 востановлю востановлю востановлю

500

~~500~~

7) Как вечно ~~спрашивать~~ ^{вспоминать} в востановлю
 Над востановлю, в востановлю, в востановлю
 Не востановлю в востановлю в востановлю
 Как востановлю, в востановлю в востановлю
 Мы востановлю в востановлю в востановлю
 Мы востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю

в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю
 в востановлю в востановлю в востановлю

в востановлю в востановлю в востановлю

А. С. Пушкин. Автограф. «Домик в Коломне».

Ну, женские и мужские слоги!
 Благославясь, попробуем: слушай!
 Равняйтесь, вытягивайте ноги
 И по три в ряд в октаву заезжай!
 Не бойтесь — мы не будем слишком строги,
 Держись вольней и только не плошай,
 А там уже привыкнем, слава богу,
 И выедем на ровную дорогу.

7

Как весело стихи свои вести
 Под цифрами, в порядке, строй за строем,
 Не позволять им в сторону брести,
 Как войску, в пух рассыпленному боем!
 Тут каждый слог замечен и в чести,
 Тут каждый стих глядит себе Героем.
 А стихотворец, о, с кем равен он?
 Он Гамерлан или Наполеон.

8

Немного отдохнем на этой точке...
 Что? перестать? или пустить на пе?
 Признаться вам, я в пятистопной строчке
 Люблю цезуру на второй стопе —
 Стих без того то в яме, то на кочке.
 И хоть лежу теперь на канаве,
 Все кажется мне, будто на телеге
 По мерзлой пашне мчусь я в тряском беге.

9

Что за беда?.. не все ж гулять пешком
 По невскому Граниту — или на бале
 Лощить паркет — или скакать верхом
 В степи киргизской, поплетусь-ка дале
 Со станции на станцию шажком,
 Как говорят о том оригинале,
 Который от Москвы к Неве-реке
 Приехал, не кормя, на рысаке.

10

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
 Его не обогнал бы. Но Пегас
 Стар; зуб уж нет. Им вырытый колодец
 Иссох. Порос крапивою Парнас.
 В отставке Феб живет, а хороводец
 Старушек Муз уж не прельщает нас.⁸

⁸ А. А. Ахматова сближала десятую строфу с эпиграммой Э. Лебрена «Новый Парнас» (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 33).

И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

11

И там себе мы возимся в грязи,⁹
Торгуемся, бранимся — так что любо —
Кто в одиночку, кто с другим в связи,
Кто просто врет, кто врет сугубо —¹⁰
Но, Муза, никому здесь не грози —
Не то тебя прижмут довольно грубо —
И вместо лестной, общей похвалы
Поставят в угол Северной пчелы —
Сии октавы служили вступлением к
шуточной поэме, уже уничтоженной —

Поэма, к счастью, не была уничтожена. Вчерне к этому времени Пушкин ее дописал и отчасти перенес в беловик. К такому выводу приводит пушкинская помета — подсчет стихов в конце четвертой страницы:

57
8
56
40
456

Окончательный итог подсчета — 456 — повторен еще раз и записан раньше, нежели октава «И там себе мы возимся в грязи...». О том, что все записанные на четырех первых страницах октавы шли пока в счет, свидетельствует число «160», поставленное в конце шестой страницы, после октавы «Тогда давай бог ноги... Потому-то...», двадцатой по общему порядку строф.

Таким образом, к 9 октября 1830 г.¹¹ поэма включала пятьдесят семь октав (вместе со всеми описанными выше, а также

⁹ Еще в марте 1823 г. Пушкин писал из Кишинева Вяземскому: «Не знаю, подвержены ли писатели военному суду, но общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства... Соединиться тайно, но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервой соврал, когда утверждает que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre <что это самое подлое ремесло. Не подлее других>. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне — на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом <...> я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает, когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна» (XIII, 59—60).

¹⁰ Пушкин начал перерабатывать эту октаву (ввел тему толкучего рынка, отсутствующую в аналогичной строфе, записанной на соседней странице), но доработку не довел до конца.

¹¹ В конце беловика стоит помета «Болдино. 9 октября.» $5\frac{3}{4}$ часов «вечера», которая несомненно перенесена из первоначальной, черновой рукописи. Дело в том, что в конце страницы с датированной 10 октября

с вычеркнутыми позже на с. 7—8 октавами «А вероятно, не заметят нас...» и «Сварил его у господина» Копа...»). Однако в автографе всего насчитывается лишь 56 октав. По всей вероятности, в первоначальном пушкинском подсчете учитывалась строфа, раньше (в не дошедшем до нас черновике) следовавшая за 36-й, по окончательному счету, октавой и не включенная в беловик, в связи с чем 36-я октава подверглась некоторой деформации. Выдерживая строгое чередование мужских и женских рифм на границах строф, поэт опустил здесь шестую строку, изменив соответственно две заключительные строки, получившие теперь мужские рифмы:

Пред зеркальцем Параша, важно сидя,
Кухарка брилась — что с моей вдовой?
«Ах! Ах!» — и шлепнулась. Ее увидя,
Та, второпях, с намыленной щекой
Через старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

Переписав поэму до конца, Пушкин пронумеровал октавы (цифры по большей части отпечатались на смежных страницах), общим числом 48. В письме к Погодину он упоминал «повесть, писанную октавами (стихов 400),¹² которую выдадим Анопуше» (XIV, 133). Сокращение текста до 40 октав было произведено, очевидно, при подготовке поэмы к печати. Тогда же появилось и заглавие «Домик в Коломне», в беловике отсутствующее.

Такова внешняя сторона творческой истории поэмы «Домик в Коломне».

Обратимся к содержанию выделенного Пушкиным фрагмента, который приведен нами выше.

В сущности, это антикритика на болгаринский отзыв о седьмой главе «Евгения Онегина». Булгарин в конце марта 1830 г. писал в «Северной пчеле»: «Итак, надежды наши исчезли! Мы думали, что автор „Руслана и Людмилы“ устремился на Кавказ, чтобы напиться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбуждают гений наших поэтов — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... Сердцу больно, когда глядишь на эту бесцветную картину!»¹³

рукописью стихотворения «Рифма» (ПД, ф. 244, оп. 1, № 133) мы находим черновую обработку двух последних строк 25-й (по окончательной нумерации) октавы, представленных в беловике поэмы верхним слоем (см. V, 372).

¹² Точнее, 383 стиха (48×8 — 1).

¹³ Северная пчела, 1830, № 34.

Развернутая метафора война — поэзия издевательски переосмыслила совет Булгарина воспеть «великие события на Востоке». Булгарин вспоминал саркастическое надеждинское сравнение Пушкина с Наполеоном¹⁴ — поэт шутливо обосновывает это уподобление: «А стихотворец, о, с кем равен он? || Он Тамерлан или Наполеон». Булгарин отчитывает поэта за то, что тот искажает смысл в угоду рифме, Пушкин вроде бы простодушно соглашается: «Мне рифмы нужны, все готов сбережечь я» — и виртуозно играет рифмой (тройной к тому же). Булгарин предваряет свою рецензию эпиграфом из «Онегина»:

Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка,

негодует на сниженное описание Москвы в романе и подытоживает: «Больно и жалко, но должно сказать правду. Мы видели с радостью подоблачный полет певца „Руслана и Людмилы“ и теперь с сожалением видим *печальный поход его Онегина, тихим шагом, по большой дороге нашей словесности*» (курсив наш, — С. Ф.). Пушкин откликается на это:

поплетусь-ка дале
Со станции на станцию шажком,
Как говорят о том оригинале,
Который от Москвы к Неве-реке
Приехал, не кормя, на рысаке.

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
Его не обогнал бы. . .

Стихотворная антикритика не была все же Пушкиным напечатана — вероятно потому, что показалась ему слишком мягкой. Он выступил против Булгарина в «Телескопе» на следующий год (№ 13 и 15) в уничижительных статьях «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», в которых между прочим в пародийно булгаринских выражениях обвинил Булгарина и его соиздателя Греча в «странной ненависти» «противу первопрестольного града» (т. е. в том, в чем обвинял Булгарин седьмую главу «Онегина»).

¹⁴ Позже Надеждин писал по этому поводу так: «Нам тоже без всяких обиняков говорено было, что и на Наполеона была мода, которая также кончилась. Мода — на Наполеона! . . . О стыд разума человеческого! . . . Я весьма далек от того, чтобы сравнивать Пушкина с Наполеоном иначе, как только в шутку, и очень жалею, что позволил себе однажды это ироническое сравнение (см.: «Вестник Европы», 1830, № 2, с. 164), которое теперь переиначивают так некстати и не у места. Несмотря на то, я нахожусь теперь вынужденным сказать, что достоинство Пушкина, точно как и Наполеона — не должно и не может зависеть от прихотей моды! . . . Мода может быть на „Телеграф“, на „Ивана Выжигина“ <...> на „Дмитрия Самозванца“ — да и то разве в провинциях! . . . Но стихотворческий талант Пушкина есть сокровище неподдельное, с которого цена никогда спастись не может» («Вестник Европы», 1830, № 7, с. 199—200).

М. Г. АЛЬБРЕХТ

**К СТИХОТВОРЕНИЮ ПУШКИНА
«КТО ИЗ БОГОВ МНЕ ВОЗВРАТИЛ...»**

В своей обстоятельной книге о Горации в русской литературе В. Буш¹ на основании трудов М. М. Покровского и других исследователей² дал новые комментарии к стихотворению Пушкина «Кто из богов мне возвратил...» в сопоставлении с оригиналом Горация. Напомним прежде всего текст этого стихотворения:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно броса щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился

¹ Busch W. Horaz in Rußland. (Forum Slavicum, hrsg. v. D. Tschizewskij, 2). München, 1964, 159—160.

² Покровский М. М. Пушкин и Гораций. — Докл. АН СССР, 1930, сер. Б, с. 233—238. Ср. также: Варнеке Б. Пушкин о Горации. — Ученые записки Одесского педагогического института, 1939, т. I, с. 7—16; Gregoire H. Horace et Pouchkine. — Les Etudes Classiques, 1937, VI, 525—535; Суздальский Ю. П. Античный мир в изображении А. С. Пушкина. — В кн.: Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974, с. 3—33.

В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалей

Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь не кстати воздержанье,
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

(Акад., III, 389, 975)

Во-первых, Пушкин, в 1825 г. как бы укрытый в Михайловском богом-покровителем поэтов, ввел в это стихотворение целый ряд автобиографических мотивов.³

Во-вторых, Буш указывает на то, что в отрывке, начинающемся со слов «Цезарь путешествовал...»,⁴ Пушкин приписывает Петронию мнение, что Гораций при Филиппах «вовсе не вел себя как трус, а хотел этой подробностью рассмешить Августа и Мекената» (VIII, 387), сознательно искажая свои военные заслуги. (Прибавим, что «трус Гораций» занимал Пушкина уже в лицейские годы).

В-третьих, В. Буш считает, что пиры, о которых сообщается в оде, происходили еще во время пребывания молодого Горация в Афинах, когда он завершал там свое образование, Пушкин же переносит их в походные шатры. Нужно, однако, прибавить, что интерпретация Пушкина отражает мнение ученых его времени, как показывает превосходный комментарий к Горацию Дилленбургера (Бонн, 1881). Отметим также, что об Афинах у Горация не сказано ни слова, а замечание В. Буша о плюще и ароматических веществах, будто бы неуместных в солдатских палатках, не выдерживает критики, так как Гораций пользовался привилегиями начальствующих лиц. Наконец, атрибут «morantem» (diem) никак не подходит к студенческой жизни в Афинах, а скорее характеризует лагерные условия, в которых в пору бездеятельности время течет медленно.

В-четвертых, В. Буш объясняет добавления Пушкина к Горацию — те строчки, в которых подчеркнуто скептическое отношение поэта к возможности завоевания республиканских свобод, — стремлением Пушкина оттенить желание Горация угодить Августу. Как мы сейчас увидим, это толкование неправдоподобно.

Наконец, В. Буш справедливо отметил те средства, которыми Пушкин оживляет заключительную часть стихотворения,

³ В 1825 г. пострадали декабристы, Пушкина спасла ссылка. Ср. отрывок 1836 г. «Вновь я посетил...» и там же в черновой рукописи «Поэзия, как ангел утешитель, спасла меня». См.: Покровский М. М. Пушкин и античность. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, № 4—5, М.—Л., 1939, с. 44.

⁴ VIII, 387.

а также указал на то, что он отказывается от поэтических и риторических приемов, слишком резко бросающихся в глаза.

В. Буш, как мы видим, ограничился отдельными наблюдениями и не рассмотрел оба стихотворения в целом. Следовательно, новый разбор этих стихотворений вполне правомерен. Попытаемся путем сравнения их найти руководящую нить пушкинского стихотворения, которое В. Буш, несмотря на первый пункт своих замечаний, трактует все же как перевод.⁵

В первой строфе Пушкин изменил порядок мыслей и образов латинского подлинника. Ода Горация начинается с обращения к Помпею и воспоминаний о совместной военной службе у Брута, а затем уже следует удивленный вопрос поэта, кто же возвратил «италийскому небу и отеческим богам» теперь уже разоруженного штатского (Quiritem). Отметим, что Гораций прямо обращается к другу в первой строке (знаменательно первое слово: междометие «о»), а также, что у римского поэта все построено на противопоставлении прежней дружбы времени военных походов и теперешней.⁶ Изменился внешний облик друзей, и не только облик: их дружба переносится в новую обстановку, и еще неизвестно, как перемена внешних условий отразится на ней. В отличие от Горация Пушкин начинает с вопроса «Кто из богов мне возвратил || Того...», т. е. отказывается от прямого обращения к другу и не подчеркивает разницы между прежней боевой и нынешней мирной атмосферой; у него также нет намека и на «превращение» друга из военного в штатского и на вызванное этим чувство некоторой отчужденности в первый момент.

Зато Пушкин, слегка отступая от буквального смысла слов Горация, опуская строчку, в которой упомянуты «боги родины», удачно вводит образ богов как представителей судьбы и виновников теперешней встречи. С другой стороны, Пушкин углубляет эмоциональную окраску воспоминаний — «Браней ужас» (у Горация менее патетично, но не менее резко — «tempus in ultimum» «в крайней опасности»); словами «за призраком свободы» Пушкин выделяет основную мысль, не высказанную Горацием прямо, — разочарование в возможности осуществления свободы. «Брут отчаянный» — прилагательное передает не только настроение Брута, но и настроение самого автора. Таким образом, ослабляется эмоциональность прямого обращения к другу, но зато усиливается выражение субъективного участия при воспоминании о былом.

У Горация вторая строфа заканчивается картиной мирного пиршества друзей (как думал Пушкин, во время войны), увенчанных и умащенных сирийскими благовониями. Характерно вы-

⁵ «Перевод из Горация или оригинальное произведение Пушкина в горацянском духе», — так характеризует это стихотворение Белинский (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1955, т. VII, с. 288).

⁶ Это намек на амнистию, которая вернула Помпею гражданские права.

ражение «Cum quo morantem . . . diem . . . fregi» «с которым я убивал бесконечно длившийся день». Пушкин подчеркивает контраст повторения мотива «тревог боевых», которым противопоставляется время досуга «в шатрах». Порядок мыслей здесь близок к оригиналу: «С кем я тревоги боевые || В шатре за чашей забывал, || И кудри, плющем увитые || Сирийским мирром умащал?».

Характерно, что у Горация первая строфа начинается междометием «о», а вторая — звательным падежом «Rompe!». Начало третьей строфы также прямо обращено к другу — «tecum». У Пушкина в стихах, соответствующих первым двум строфам Горация, второе лицо не встречается (первоначально Пушкин хотел сохранить «о»), слова же Горация «teogum prime sodalium» уточняются: «с кем первые походы < . . . > я делил». Таким образом, в этом месте первенствующая роль друга менее подчеркнута у Пушкина. Странно, что после слова «умащал» Пушкиным поставлен вопросительный знак,⁷ хотя построение всего стихотворения указывает на то, что повторяющееся слово «кем» — не вопросительное, а относительное местоимение.

Воспоминания о битве при Филиппах получают у Пушкина иную окраску, чем у Горация: исчезают гордые слова «cum fracta virtus et minaces || turpe solum tetigere mento». Пушкин (вероятно, под влиянием французского перевода,⁸ который в этом месте двусмыслен — «quand la valeur fut terrassée», — но отнюдь не исключительно поэтому) подчеркивает не героическую гибель республиканцев, а боязливое настроение Горация во время битвы. «Ты помнишь час ужасный битвы» — эмоциональное прилагательное прибавлено Пушкиным подобно тому, как он и в первой строфе пользовался родственным словом «ужас». При этом он усиливает насмешку над самим собой, называя себя «трепетным квиритом», т. е. переносит это прозвище с друга на самого поэта. Эффект тем самым усиливается: друг лишь теперь, по окончании войны, оказывается «штатским», тогда как Гораций вел себя как таковой уже во время самой битвы.⁹ Два слова Горация «seletem fugam» разъясняются более подробно и более лично — Пушкин пользуется первым лицом («я . . . бежал . . . как я боялся, как бежал!»). Выражение Горация «sensi» гораздо более нейтрально и менее компрометирует поэта. У Пушкина эмоциональная окраска становится ярче и благодаря уточнению эмоционального выражения «поп bene» — «нечестно». В данном случае французский

⁷ Искренне благодарю академика М. П. Алексеева и его сотрудников за предоставленную мне возможность работать в Пушкинском Доме, сверить текст стихотворения с автографом Пушкина и с находившимися в его библиотеке переводами из Горация.

⁸ См. ниже.

⁹ Пушкин, принимая участие в военных действиях против турок, не сменил фрака на мундир (Setchkareff V. A. Puschkin. Wiesbaden, 1963, p. 27).

перевод («hopneur») шел навстречу концепции самого автора. Действительно, Пушкин настаивает на трусости, подчеркивает бесчестное поведение римского поэта, заменяя равнодушную улыбку Горация самобичующим признанием и вообще более острой иронией по отношению к понятиям храбрости и чести. Во всяком случае, здесь можно заметить особую эмоциональную напряженность, указывающую на непримиренное разногласие чувств в душе Пушкина. Он, с одной стороны, иронизировал над устаревшими понятиями чести, с другой стороны, сам пал на дуэли жертвой такого их понимания. Любопытно, что у Пушкина поэт «бежал <...> твоя обеты и молитвы». В стихотворении подмечено обращение к религии в минуту крайней опасности, и подано оно не без некоторого комизма. Реалист Пушкин сознательно пользуется этим мотивом, подчеркивая самоунижение беглеца. Добродушная улыбка Горация превращается здесь в язвительную усмешку. Кроме того, упоминание об «обетах» и «молитвах» как бы подготавливает то вмешательство божества в судьбу поэта, о котором пойдет речь в следующей строфе.

Таким образом, добавления и изменения, вносимые Пушкиным, подчеркивают психологическое единство стихотворения, оттеняют его основное настроение, уточняют мотивировку.

Спасение поэта Меркурием у Пушкина описано несколько подробнее, чем у Горация, — «Но Эрмий сам незапной тучей||Меня покрыл и вдаль умчал||И спас от смерти неминучей». Последние слова соответствуют латинскому «sustulit». Представление о смертельной опасности — одно из главных в оде Горация, однако оно не раскрыто им с полной отчетливостью; у Пушкина же этот мотив выделен и подчеркнут.

Отличаются оба поэта и своей лексикой: тонким выбором слов и выражений Гораций как бы бережно «завуалировал» события, стремясь скрыть их за своеобразной поэтической дымкой, Пушкин же как бы срывает эту вуаль, резко обнажая истину.

Добавим, что Гораций упоминает об обетах лишь при новой встрече друзей после восстановления мира, призывая друга принести Юпитеру обещанную благодарственную жертву. Он как бы заботится о восстановлении морального равновесия во вселенной, связанного для римлян с представлением о мире с богами (и на это указывают слова «obligatam» и «reddere»), тогда как у Пушкина «обеты» и «молитвы» характеризуют поведение человека лишь в момент крайней опасности. Таким образом, для поэта нового времени мотив «рах deorum» (мира с богами) потерял свою связь с закономерностями устройства вселенной, характерную для римлянина Горация. Еще более любопытно, может быть, то обстоятельство, что у Горация ощущение страха вызывается не столько опасностью битвы, сколько чудом внезапного спасения, осуществляемого божеством: «Sed me per hostes Mercurius celer||denso paventem sustulit aere». Испуг, таким образом, у обоих авторов вызван разными причинами.

После рассказа о спасении беглеца Эрмием Пушкин делает паузу (вторая его строфа кончена). Гораций же, продолжая свои воспоминания в четвертой строфе, являющейся центром всей оды, противопоставляет судьбы обоих друзей, подчеркивая их различие словесно антитезой «sed me <...> sustulit; te <...> tulit». Контраст участи подчеркнут и выбором образного материала: поэта спасает туман — он чудесным воздушным путем уносится с поля боя, а друг его вновь поглощается бурными волнами войны. Для Горация важен символический характер воды и воздуха. Воздух связан с безмятежной сферой, в которой обитают боги, бурные волны — прообраз хаоса в природе и человеческой жизни.

Пушкин не передает этой антитезы. В его стихотворении исчезает величественная картина разбушевавшейся стихии — «А ты, любимец первый мой, || Ты снова в битвах очутился». Отказ от пафоса компенсируется углублением этоса, т. е. простого сердечного чувства, выраженного без прикрас. Именно сюда русский поэт удачно переставил ласковое¹⁰ обращение к другу, которое есть у Горация в начале стихотворения (см. ст. 5). Следовательно, можно заметить, что та сдержанность тона, которая характерна для начала пушкинского стихотворения, умышленна. Автор хочет развить и углубить выражение своей личной привязанности к другу постепенно, на протяжении всего стихотворения. Так же неприхотлив и задушевен тон следующей фразы, уточняющей обстоятельства, в сущности уже известные читателю и поэтому опущенные Горацием. «И ныне в Рим ты возвратился, || В мой домик темный и простой». Здесь подчеркнут частный характер встречи. Вместо Юпитера, бога вселенной и государства (упоминаемого Горацием в связи с восстановлением гражданских прав друга), Пушкин говорит в этом месте о домашних богах — Пенатах. Отказываясь от горадианского призыва к другу воздать долг всевышнему, Пушкин, как мы уже подчеркивали, заменяет «официальную» обстановку личной, интимной. Он не считает себя обязанным, в отличие от Горация, следить за тем, чтобы его друзья выполняли столь важные для римлянина сакральные обеты. Для римского поэта характерно, что встреча друзей не только дается в политическом обрамлении, но и поставлена в связь с некими объективными закономерностями, господствующими во вселенной. Так, даже в оде, обращенной к своему другу, проявляются элементы, типичные для горадианской лирики, — в ней всегда соблюдается равновесие между личными, общественными и космическими элементами. У Пушкина же в политической сфере мы видим трагическую раздвоенность между идеалами, в осуществлении которых он отчаялся, и угнетающей

¹⁰ У Горация *primo* надо понимать в хронологическом смысле (первый — один из самых ранних друзей). Иное толкование см.: Maister K. — В кн.: ΕΡΜΗΝΕΙΑ (Festschrift O. Regenbogen). Heidelberg, 1952, S. 127—134.

реальностью. Богам, олицетворяющим силы этой реальности, он не собирается приносить никаких жертв. И о богах, и о политике у него может идти речь только с разочарованием и иронией. Однако отказ от официального пафоса и вынужденная концентрация на сфере личных чувств не лишают стихотворение той обличительной правдивости, которая проявляется в выборе простых, непосредственных слов и выражений, придающих лирической поэзии Пушкина свойственный ей предметный и объективный характер, отличающийся от сложной, насыщенной религиозно-философскими представлениями лирики Горация.

Мотив усталости от долгой военной службы и приглашение к отдыху тесно связаны с противопоставлением движения и покоя, которое определяет у Горация структуру оды. Приглашение к отдыху мотивируется в пятой строфе усталостью друга. Пушкин опускает эту мотивировку. Лирический поэт нового времени, в отличие от античного, не придает значения тому естественному ритму человеческой жизни, необходимость которого часто подчеркивали древние.

Гораций приглашает друга возлечь под лавровое дерево. Даже если это просто италийский лавр, обычный для римского сада, который рос и в саду сабинского имения Горация (толкование Пушкина, однако, совпадает с толкованием Kiessling-Heinze: «am Hause in Rom» — «у дома в Риме»), то римский читатель все равно не мог отрешиться при чтении этих строк от всех тех высоких представлений, военных и поэтических, которые были связаны в античности с лавром. Не противопоставлял ли скрыто Гораций в этом месте лавровый венок поэта лавровому венку римского триумфатора?

Пушкин ничего не говорит обо всем этом. Он как бы нарочито приглашает друга лишь в свой «темный и простой» домик. Во всей заключительной части стихотворения русский поэт сокращает и упрощает изложение, сохраняя, однако, наиболее существенные черты и даже оттеняя их самой краткостью слога. Исчезают атрибуты вина (*oblivioso*), чаш (*levia*) и раковин для духов (*sarapibus*), а также названия растений, из которых вьются венки, и определение сорта вина. Ничего не говорится и о выборе председателя пиршества путем метания игральными костями, так как этот обычай был чужд русским читателям стихотворения Пушкина. Парадный стиль вопросительного предложения («*quis udo || depergere aris coronas || curatve myrto?*») не передается русским поэтом. Он заменяет эти строчки простым утверждением: «венки готовы». Приказание «Мальчик! лей» также кратко. (Мальчика здесь у Горация нет, по этот образ часто встречается в других одах).

Несмотря на то что Пушкин исключает ряд реальных деталей, вся эта часть стихотворения у него более энергична, чем у Горация, более ярка и выпукла. Это впечатление создается благодаря соединению лаконичной формы с употреблением слов в их точном значении, тогда как Гораций достигает впечатления на-

сыщенности, используя слова в их переносном значении и неожиданно вставляя конкретные и точные названия всякого рода «реалий» (сортов вин, географических мест, исторических лиц).

Конец стихотворения разработан у Пушкина подробнее, чем у Горация. Вступлением к финалу является новое предложение: «Теперь некстати воздержанье». Этим как бы подготавливается развертывающаяся дальше неожиданная картина (non ego sapius bacchabor Edonis), резкость которой еще ярче оттеняется Пушкиным: «как дикий скиф хочу я пить». Автор не только заменяет мистических фракийцев дикими скифами, но и, говоря о пирушке, отказывается от вакхических образов, употребляя простой глагол «пить» в отличие от «bacchabor» у Горация. Пушкин подчеркивает не культовый вакхический характер сцены, а народную стихию разгула и веселья.

Гораций заканчивает оду строкой, как бы замкнутой в своеобразную раму, которую образуют отделенные друг от друга, но логически связанные причастие («гесерто») и существительное («amico»). Пушкин, стремившийся первоначально передать эту тонкость, отказался в конце концов от этого и поставил две фразы одну за другой: «Я с другом праздную свиданье. Я рад рассудок утопить». Любопытно, что Пушкин пользуется в этом месте метафорой, выражаясь на этот раз менее определенно, чем Гораций. Он уточняет французский перевод «j'aime à perdre la raison», заменяя бледное слово «perdre» более образным. Римлянин подчеркивает как бы сверхъестественный характер опьянения, Пушкин же остается в рамках уже набросанной им картины. Рифма «пить—утопить» идет в этом же направлении. Стихотворение заканчивается эпиграмматически заостренными строками, как бы подытоживающими все изображение пиршества, но лишенными какой-либо религиозной окраски.¹¹

Рассмотрим наконец оба стихотворения в целом. Ода Горация от первой до третьей строфы обращена к другу (см. первые слова: «O...; Pompei...; tecum...»); средняя строфа противопоставляет спасение Горация и возвращение друга к военным действиям; последние три — содержат приглашение к совместному пиршеству.

У Пушкина было несколько иное представление о построении оды. Он выделил рассказ о битве при Филиппах как самостоятельную часть, поставив цезуру посреди средней строфы Горация.

Следовательно, вся вторая половина оды Горация соответствует последней трети стихотворения Пушкина. Теперь нам становится понятно, почему Пушкин так сильно сократил и сгустил именно эту часть. Так как построение пушкинского стихотворения, точно следуя смысловому содержанию оды, не повторяет ее художественной композиции, можно заключить, что русский поэт

¹¹ Дистанция у Пушкина более заметна, см. стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума...».

пользовался не только оригиналом, но и его переводом в прозе, т. е. вероятно французским изданием на двух языках. При проверке библиотеки Пушкина это предположение оправдалось полностью. Экземпляр стихотворного перевода на французский, принадлежавший Пушкину, не разрезан.¹² Из двух переводов в прозе, экземпляры которых принадлежали поэту, один¹³ особенно близок к тексту его стихотворения. Эта книга не только разрезана, но и переплетена. Другой прозаический перевод¹⁴ разрезан именно в том месте, где находится интересующая нас ода. Любопытно, что в обоих изданиях текст расположен одинаково: читателю приходится переворачивать страницу в одном и том же месте, а именно там, где Пушкин поставил «романтическое» многоточие. Та часть, которая находится на второй странице, Пушкиным сильно сокращена. Следовательно, Пушкин придал художественный смысл чисто техническим особенностям изданий, которыми он пользовался.

Важно, однако, отметить, что своеобразие использованных книг не является причиной пушкинских переделок, а лишь одним из факторов, определяющих их, и даже не самым главным. Пушкин не создает перевод, а пишет нечто новое.

Что касается содержания, то Пушкин, во-первых, усиливает эмоциональную окраску воспоминаний о прошлом, подчеркивая, с одной стороны, тщетность и отчаянность попытки Брута, с другой стороны — страх поэта, изображенного отнюдь не героически.

Во-вторых, он сильно изменяет роль богов; с одной стороны, связывает возвращение друга с их вмешательством, удачно выделяя этим центральное событие стихотворения, с другой стороны, вытесняет на протяжении всего стихотворения религиозно-метафизические элементы, упоминая об обетах и молитвах лишь для психологической характеристики, заменяя римский религиозный страх перед божественным спасением более реальной боязнью смерти и совсем опуская совет другу исполнить свой обет Юпитеру. Он устраняет также культовые вакхические элементы, присутствующие в оригинале.

В-третьих, Пушкин выдвигает на первый план мотив смертельной опасности, являющийся одним из главных и у Горация, но не названный им прямо.

В-четвертых, Пушкин и в отношении реальных подробностей двояко изменяет свой образец. С одной стороны, он опускает слишком конкретные детали, слишком специальные названия, ничего не говорящие русскому читателю (избегая во многих случаях *pars pro toto*); с другой стороны, отказываясь от горацян-

¹² Œuvres complètes d'Horace traduites en vers par P. Daru. Paris, 1816.

¹³ Traduction des œuvres d'Horace par M. René Binet. Paris, 1816, vol. I, 92 ss. «Livre II, V» (sic!).

¹⁴ Horace, œuvres lyriques (Bibliothèque latine-française, publ. par C. L. F. Panckoucke, Paris, 1831). (Перевод рассматриваемого стихотворения: Leon Halevy).

ского вуалирующего и тем самым возвышающего предмет слога, он пользуется простыми, наиболее точно обозначающими предмет словами, вскрывая и оттеняя главное.

Наконец, обратим внимание на то, что у Горация индивидуум, общественный строй и вселенная являются тремя одинаково важными сферами реальности, уравновешенными между собой.

В отличие от Горация Пушкин в этом стихотворении не примирился с крушением своих политических надежд и не готов кадить представителям тогдашнего государственного строя и их идолам. Следовательно, гармонии между богами, государством и личностью в его стихотворении быть не может; господствует разногласие между поэтом и общественным строем; соответственно и ощущение вселенной и действующих в ней сил в данном произведении Пушкина как бы отступает на задний план. Интересна и разница в отношении обоих поэтов к богам. Гораций их именами обозначает силы, действующие в природе, государстве и в личной жизни человека. Пушкин ограничивается представлением о божестве, проявляющем свою мощь лишь в человеческой судьбе (см. начало стихотворения), т. е. в данном случае — в судьбе поэта, призванного воспевать свободу в «жестокий век». Так объясняются важнейшие детали пушкинской переработки оды Горация: настроение отчаяния, отказ от официальных божеств и сам язык, не маскирующий противоречий светской улыбкой, а прямой, обличающий, разоблачающий — «глагол, жгущий сердца людей».

Стало быть, смысл всех «отступлений» Пушкина от Горация один и тот же. Он тесно связан с пушкинским пониманием задач лирического поэта. В сущности у Пушкина вышел не перевод, а нечто новое, свое, пушкинское. Образ «бессмертного труса Горация» не напрасно занимал русского поэта всю жизнь.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Перевод R. Binet (1816)

Vous, près de qui je marchai plus d'une fois au trépas sous les étendards de Brutus, quel bienfait vous rend aux Dieux de vos pères, et renvoie à l'Italie le Romain qu'elle avait perdu, cher Pompée, le premier de tous mes amis, avec qui j'ai souvent abrégé les longs jours, la coupe à la main, la couronne de fleurs sur la tête, et les cheveux enbaumés des parfums les plus exquis de la Syrie? Avec vous je vis les champs de Philippes, et sans trop écouter l'honneur, je laissai mon bouclier pour mieux fuir, quand la valeur fut terrassée, et que nos braves eurent mordu la poussière. Pour moi, Mercure volant à mon secours, m'enleva tout tremblant dans un nuage à travers les ennemis. Et vous, le flot vous reporta encore au milieu des mers orageuses, et vous replongea dans nos funestes guerres. Acquitez-vous donc du festin que vous devez à Jupiter; venez à l'ombre de mon laurier reposer vos membres épuisés par tant de travaux et de combats. N'épargnez point les tonneaux qui vous sont destinés. Buvez à pleine coupe ce Massique divin qui fait oublier les maux. Versez de ces larges conques les essences qu'elles contiennent. A-t-on soin de nous faire à l'instant des couronnes d'ache ou de

mÿrte? Venus, qui nommeras-tu roi de la table? Je veux fêter Bacchus à la façon des Thraces. J'aime à perdre la raison, quand je retrouve un ami.

Во многих местах Пушкин ближе к переводу Binet, чем к переводу L. Halevy (ed. Panckoucke):

Гораций	Panckoucke	Binet	П. (ран. ред.)	П.
1. tempus... ultimum	ta derniere heure	trépas	гибель	ужас
3. quis	qui	quel bien-fait	о кто ж	кто из богов
3. Quiritem	citoyen	le Romain	—	—
7. nitentis	brillans	enbaumés		умащал
9. fugam	fuite	pour mieux fuir		бежал
14. paventem	tout tremblant	tout tremblant	дрожал	(бежал)
15. in bellum	vers les combats	dans nos... guerres		в битвах
19. sub lauru	sous mon laurier	à l'ombre de mon laurier		под сень
26. non... sanius	pas plus sage quo...	à la façon		как
28. dulce mihi est	il m'est doux	j'aime		я рад

Кроме того, Пушкину был известен перевод Тучкова, примечания к которому являются источником пушкинского толкования «трусости» Горация (последнее указание мне было дано Ю. П. Суздальским).

В. М. ФАЙБИСОВИЧ

К ИСТОЧНИКУ ПЕРЕВОДА ПУШКИНА «ИЗ КАТУЛЛА»

Среди переводов Пушкина из римских поэтов стихотворение «Мальчику. (Из Катутлла)» выделяется своей законченностью¹ и близостью к оригиналу² — катутлловскому «Minister vetuli puer Falerni...» (carmen XXVII):

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников пойте:
Чистый нам любезен Бахус.

(Анад., III, 283)

Первое представление о Катутлле сложилось у Пушкина, по-видимому, под влиянием «легкой поэзии» Франции,³ которой он зачитывался в детстве, — в России Катутлл был известен в основ-

¹ Переводы из Горация «Царей потомок Меценат...» (III, 299) и из Ювенала «От западных морей до самых врат восточных...» (III, 429) остались незавершенными.

² В числе 26 «точных переводов» Пушкина Г. Д. Владимирский называет лишь один перевод с латинского — «Из Катутлла» (Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, с. 318). Отмечая, что другие исследователи далеко не всегда согласны с классификацией Г. Д. Владимирского, Я. Л. Левкович констатирует, что к точным переводам без сомнения относят лишь 8 пушкинских стихотворений; но и в такой краткий список входит «Мальчику. (Из Катутлла)» (см.: Левкович Я. Л. Переводы Пушкина из Мицкевича. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VII. Л., 1974, с. 166). Близость к оригиналу отличает перевод из Катутлла от другого законченного произведения Пушкина — «Кто из богов мне возвратил...», плода творческого обращения поэта к Горацию.

³ Элегии Бертена, по замечанию Б. В. Томашевского, превращаются иногда в «комбинацию цитат из Катутлла, Пропердия и Тибулла» (Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 147).

ном по французским переводам и подражаниям.⁴ В годы царско-сельского учения знакомство с латинским лириком продолжилось на уроках П. Е. Георгиевского и Н. Ф. Кошанского.

Лекция П. Е. Георгиевского «История оды» содержит панегирическую характеристику римского поэта, в которой легко угадывается сокращенный перевод очерка о Катутле из Лагарпова «Лицея»: лектор умалчивает о суровом приговоре, который Лагарп вынес «непристойным» эпиграммам поэта, пренебрегавшего, по мнению критика, требованиями «хорошего вкуса».⁵ Пушкин читал Лагарпа, но с подобным суждением он был знаком, вероятно, и по другому источнику: как и автор «Лицея», в общем весьма благосклонный к Катутле Н. Ф. Кошанский находил в его творениях «следы испорченного вкуса: ибо часто в стихах своих он оскорбляет благоприличие и скромность».⁶ Благодаря восторженному превозношению Георгиевским «прелести стихов Катутлы»⁷ и несмотря на порицание Лагарпом и Кошанским их фривольности, едва ли способной смутить юных лицеистов,⁸ поэзия Катутлы привлекла внимание трех выпускников Лицея: Илличевского,⁹ Дельвига¹⁰ и Пушкина.¹¹ Пушкинское наследие сохранило многочисленные свидетельства неослабевающего интереса поэта к римскому лирику — от юношеского наброска

⁴ В России Катутл не приобрел той популярности, которой пользовались поэты эпохи Августа — Вергилий и Гораций. Немногочисленные русские подражания Катутле, проникнутые духом «*Robis fugitive*», интересны более для изучения французской, но не римской традиции в русской литературе. Исключение составляет талантливое подражание катутловскому стихотворению о воровке Лесбии А. Х. Востокова (Востоков А. Х. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах, ч. II. СПб., 1806, с. 62, стихотв. XXIV).

⁵ Ср.: Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова). — В кн.: Красный архив, 1937, № 1, с. 158; *Luce, ou Cours de littérature ancienne et moderne*, par J. F. Laharpe, t. II. Paris, 1798—1805, p. 189.

⁶ Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским, т. I. СПб., 1816, с. 411.

⁷ Георгиевский П. Е. История оды. Лицейские лекции. — В кн.: Красный архив, 1937, № 1, с. 158.

⁸ Не без юмора констатируя «наблюдение строгой благопристойности» в первой главе «Евгения Онегина», Пушкин называет Катутлу в числе авторов, которые «далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу» (VI, 528). Быть может, ирония поэта воздает здесь дань строгому суду «грозного Аристарха» Лагарпа (I, 99) и «трезвого Аристарха» Кошанского (I, 152).

⁹ А. Д. Илличевскому принадлежит стихотворение «Катутл своей любовной», написанное, возможно, еще в лицейские годы (Илличевский А. Д. Опыты в антологическом роде. СПб., 1827, с. 113).

¹⁰ Как и стихотворение А. Х. Востокова, дельвиговское «На смерть собачки Амики» (1821) подражает стихам Катутлы о воровке Лесбии (Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959, с. 155).

¹¹ Первое обращение Пушкина к Катутле датируется 1818 г.: «Торжество Вакха» (II, 53) обнаруживает связь с LXIV эпиллием латинского поэта. См.: Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 114.

«Оставь, о Лезбия, лампаду...» (II, 466; 1819) до написанного незадолго до гибели «Путешествия В. Л. П.» (XII, 93; 1836): Пушкин хорошо знал и высоко ценил Катулла.¹² В контексте этих свидетельств становится более понятным то гениальное проникновение в природу поэзии неповторимо своеобразного лирика античности, которое Пушкин в полном блеске явил в своем переводе.

Автограф стихотворения «Мальчику» помечен 18 февраля 1832 г. (III, 1235).¹³ В это время Пушкин находился в Петербурге, и под рукою у него были книги его библиотеки, в которой Катулл был представлен превосходным двухтомным парижским изданием с переводами и комментариями Ф. Ноэля (1806)¹⁴ и скромным сборником оригиналов Катулла, Тибулла и Проперция, выпущенным в Лейпциге К. Таухницем (1812).¹⁵

В научной литературе уже неоднократно отмечалась посредническая роль французских переводов при обращении Пушкина к римским классикам: они позволяли поэту уяснить смысл подлинника.¹⁶ Цель приобретения Пушкиным двухтом-

¹² Имя Катулла можно встретить в черновиках к «Евгению Онегину» (VI, 219, 528), в очерках «Бестужев предполагает...» (XI, 25, 298) и «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов...» (XI, 430). В повести «Цезарь путешествовал...» рассказчик замечает, что Петроний, автор «Сатирикона», писал стихи «не хуже Катулла» (VIII, 388, 935). Обращаясь в «Путешествии В. Л. П.» к тем, «которые любят Катулла, Гресега и Вольтера», Пушкин видел единомышленников в тех, для кого «искренность драгоценна в поэте» (XII, 93).

¹³ Шестью годами ранее, 20 февраля 1826 г., в письме к Дельвигу Пушкин процитировал рефрен брачной песни (*carmen* LXI) Катулла: «Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Гименеем

Io hymen Нуменаеe io,
Io hymen Нуменаеe!

т. е. чорт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чорт побери» (XIII, 262). 18 февраля 1832 г. Пушкин отметил первую годовщину своей свадьбы, и, может быть, сама дата напомнила ему о Катулле. Пиршественные мотивы всегда были созвучны пушкинской лире, а вакхическая песнь римского поэта могла найти отклик в воспоминаниях Пушкина о последнем «мальчишнике», устроенном у него накануне свадьбы, 17 февраля 1831 г. (см.: Пушкинский календарь. JL., 1937, с. 156).

¹⁴ Catulle. Traduction complète des Poésies de Catulle, suivie des Poésies de Gallus et de la Veillée des Fêtes de Vénus; Avec des Notes grammaticales, critiques, littéraires, historiques et mythologiques, les Parodies des Poètes latins modernes, et les meilleures Imitations des Poètes Français; avec figures. Par François Noel, Auteur du Dictionnaire de la Fabre. Paris, 1806, t. I—II. См.: Модзалевский и Б. Л. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, с. 186, кн. № 713.

¹⁵ Catullus, Tibullus, Propertius. Ad optimorum librorum fidem accurate editi. Lipsiae. Sumtibus et typis Caroli Tauchnitzii. 1812. См.: Модзалевский и Б. Л. Указ. соч., с. 186, кн. № 714.

¹⁶ См.: Гельдт Г. Г. По поводу замечаний Пушкина на «Анналы» Тацита. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVI. 1923, с. 62; Смирин В. М. К пушкинскому наброску перевода оды Горация к Меценату. — Вестник Древней истории, 1969, № 4, с. 123 и др.

ника ¹⁷ Ноэля состояла, по-видимому, именно во французских переводах латинских оригиналов и комментариев ¹⁸ к ним, а это позволяет предположить, что источником пушкинского перевода было парижское издание.

Такое предположение подтверждается сопоставлением трех текстов: оригинала Катулла, перевода Ноэля и стихотворения Пушкина.

Параллельно с латинскими стихами в книге Ноэля помещен их прозаический перевод.

AD PUERUM SUUM

MINISTER vetuli puer Falerni,
Inger mî calices amariores,
Ut lex Posthumiae iubet magistrae,
Ebriosâ acinâ ebriosioris.
At vos, quo lubet, hinc abite, lymphae,
Vini pernicies, et ad severos
Migrate: hic merus est Thyonianus.¹⁹

A SON ESCLAVE

Esclave, verse-nous le vieux Falerne. Je veux le boire à longs traits, selon les statuts de la bacchante Posthumia, législatrice des orgies. Coule à grands flots, vin délicieux, et vous, ennemies de la joie, eaux insipides, fuyez, allez abreuver nos Catons. Ici l'on se garde bien de corrompre les dons de Bacchus. Ici Bacchus réprouve ce perfide mélange.²⁰

¹⁷ Второй том составляют комментарии. О претензиях этого издания на всеобъемлющую полноту можно судить, в частности, по тому, что в нем приводится «план дома Катулла».

¹⁸ К тому времени, как издание Ноэля попало на книжную полку Пушкина, на ней, вероятно, уже стоял сборник Таухница, подаренный поэту А. Тургеневым «в лицейские годы или несколько позже» (Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 126).

¹⁹ Catulle. Traduction complète... par F. Noel, p. 48. — Приводим дословный перевод: «К своему рабу. Мальчик-прислужник, наполни мне чашу старым фалернским, что погорче, как предписывает закон председательницы Постумии, которая пьянее пьяной ягоды. Вы же, воды, удаляйтесь отсюда куда угодно, губители вина, и отправляйтесь к аскетам: здесь чист Тيونеец».

²⁰ Там же, p. 49. — Дословный перевод: «К своему рабу. Раб, налей нам старого фалернского, я хочу пить его долгими глотками, по правилам, установленным вакханкой Постумией, законодательницей оргий. Лейши широкими потоками, превосходное вино, а вы, противники веселья, пресные воды, теките, поите наших Катонов. Здесь тщательно избегают того, чтобы испортить дары Бахуса. Здесь Бахус отвергает эту кощунственную смесь». Латинское «puer» может быть переведено и как «мальчик», и как «раб». Заглавие «Ad puerum suum» мы перевели, руководствуясь нозлевским «esclave». В сборнике К. Таухница стихотворение озаглавлено «Ad rosillatorem puerum» — «К мальчику-виночерпию».

Нетрудно установить, что перевод Ф. Ноэля весьма волен и не отличается лаконизмом. И тем не менее он наложил свой отпечаток на стихотворение Пушкина.

Постумию Катулл называет одним словом «magistrae», т. е. «председательница». Ноэль, верно передающий катулловское *magistrae* французским *législatrice*, вводит в свой перевод дополнение, отсутствующее в латинском оригинале: «*législatrice des orgies*» — «законодательница оргий». Вслед за ним слово «оргия» вносит в перевод из Катулла и Пушкин: «Так Постумия велела, || Председательница оргий».²¹

Следует отметить и то, что, «прогоняя» воды, Катулл лишь отсылает их к аскетам (*ad severos migrate*); Ноэль и Пушкин, кроме того, иронически рекомендуют им *poivre* трезвенников. Ср.: «*allez abreuver*» и «Строгих постников пойте».²²

Но наиболее знаменательная особенность пушкинского перевода заключается в том, что он не передает четвертой катулловской строки: *Ebriosâ acinâ ebriosioris*.²³ Истолкование этого стиха представляет известные трудности²⁴ — особенно для человека, владеющего латинским в той мере, в какой знал его Пушкин («ни

²¹ В оригинальных стихотворениях Пушкина — и это весьма показательно — русские эквиваленты латинского *magistrae* употреблялись им без каких-либо дополнений:

Я люблю вечерний пир,
Где Веселье *председатель*,
А Свобода, мой кумир,
За столом *законодатель*...

(II, 100. Курсив мой, — В. Ф.)

²² Заметим, что этот совет содержится и в другом варианте:

5 Ты же прочь, речная влага
7 Строгих постников *довольствуй*.

(III, 882. Курсив мой, — В. Ф.)

Вариант «речная влага» обусловлен, быть может, ноэлевским «*eaux insipides*» («пресные воды»).

²³ Г. Д. Владимирский объясняет это тем, что «в своих переводах поэт <...> оставляет без передачи всякую игру слов, воспроизведение которой потребовало бы „переводного острословия“» (В л а д и м и р с к и й Г. Д. Пушкин-переводчик, с. 312). С этим нельзя согласиться: перевод «*ebriosa... ebriosioris*» требует не «переводного острословия» (тем более, что в русском языке существует аналогичное «пьяным пьяна»), но передачи определенной грамматической конструкции. Эту задачу успешно решают переводчики-латинисты.

²⁴ Прозаический перевод, помещенный в комментариях к пушкинскому изданию Л. Поливанова, — «... Постумии, которая жаднее до вина, чем впитывающая сок ягода» (Пушкин. Соч. Изд. Л. Поливанова в 5-ти т., т. I, М., 1887, с. 380) — неточен. А. И. Малейн, первым указавший на это, предложил свой вариант: «... Постумии, более налитой виноградным соком, чем хранящая его ягода» (М а л е й н А. И. Мелкие заметки к Пушкину. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXVIII. 1917, с. 102). Но и этот перевод трудно признать удовлетворительным.

одним языком, кроме французского, он не владел с достаточной уверенностью, которая позволяла бы так же свободно передавать в русских стихах текст подлинника».²⁵

Издание Нозля не могло разрешить затруднений в понимании «одного из замечательнейших стихов по смелости, сжатости и образности сравнения»,²⁶ о пропуске которого в пушкинском переводе так сожалел А. А. Фет: Нозль *выпустил этот стих* в переводе с латинского на французский. Молчание Пушкина тем более красноречиво, что о пропущенной им вслед за Нозлем строке не сказано ни слова и в его пространных комментариях.

Различия в передаче оригинала между «*A son esclave*» и «*Мальчику*»,²⁷ в равной мере определяемые многословием Нозля и лаконизмом Пушкина,²⁸ не дают повода усомниться в значении французского перевода в прозе для появления русского перевода в стихах.

Следуя своей поразительной интуиции — «чувству древности»,²⁹ — Пушкин избегает смешения «пьяной горечи» латинской песни с «широкими потоками» французского красноречия. Он оставляет без перевода предложения «*Je veux le boire à longs traits*» («Я хочу пить его долгими глотками»); «*Coule à grands flots, vin délicieux*» («Лейся широкими потоками, превосходное вино»); «*Ici l'on se garde bien de corrompre les dons de Bacchus. Ici Bacchus gérouve ce perfide mélange*» («Здесь тщательно избегают того, чтобы испортить дары Бахуса. Здесь Бахус отвергает эту кощунственную смесь».³⁰ Поэт переводит катулловское «*amariiores*» («погорчье»), отсутствующее у Нозля,³¹ но отбрасывает нозлевское «*bacchante*» и «*nos Catons*», чего нет у Катулла.

Лишенные поздних «украшений», катулловские стихи вновь предстают в пушкинском переводе в той покоряющей безыскус-

²⁵ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 79.

²⁶ Фет А. А. (Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. 2-е изд. СПб., 1899, с. 50.)

²⁷ Сопоставлять название пушкинского стихотворения с заглавиями Нозля или Таухница, по-видимому, не имеет смысла; вероятнее всего, оно не зависело от них. Античная традиция обращения к мальчику-виночерпию была известна лицеистам с юных лет; в этом убеждает «К Диону» А. А. Дельвига (1814). Известно, что в стихотворение Дельвига «К мальчику» (1819) Пушкин внес свои поправки (см.: Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959, с. 153).

²⁸ Шесть стихов катулловского одиннадцатисложника Пушкин передал восьмью четырехстопными хорейческими стихами. Его перевод короче подлинника.

²⁹ Алексеев М. П. К источникам «Подражаний древним» Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 1962. М.—Л., 1963, с. 25.

³⁰ «*Nic merus est Thyonianus*» Катулла Пушкин перевел, без сомнения, непосредственно с оригинала: «Чистый нам любезен Бахус».

³¹ Перевод этого слова есть в комментариях.

ственной непосредственности, которая отличает Катулла от поэтов эпохи принципата.³²

Пушкинский перевод сыграл, таким образом, в русской культуре особую и значительную роль: Пушкин, в сущности, «открыл» им Катулла для русского читателя. Опубликованное в посмертном издании 1841 г.,³³ стихотворение «Мальчику» вызвало широкий интерес к поэзии прославленного римского лирика и обусловило те многочисленные переводы из Катулла (Л. Мея, А. Фета, А. Пиотровского, И. Сельвинского, Ф. Петровского и др.), которые сделали его известным в нашей стране.

В комментариях к Пушкину заслуживает упоминания и имя Франсуа Нозля,³⁴ оказавшегося причастным к одному из замечательных пушкинских произведений.

³² А. А. Дельвиг не сумел передать в своих стихах своеобразия Катулла. «Подражание Дельвига, — пишет исследователь, — моложе Катулла воробья на добрые полстолетия. Оно вводит нас в поэзию августовского периода. Этот период высокого расцвета римской поэзии был наиболее ценным и знаком Дельвигу. И это явление, характерное для эпохи. Поэты золотого периода и на первом месте Гораций влияли больше всего на русских романтических классиков <...> Это влияние золотого периода определенно сказалось и в пьесе „На смерть собачки Амики“. В стиле Дельвига мы уже не обнаруживаем черт поэтического примитива» (Шервинский С. В. «In mortem passeris Lesbiae» и «На смерть собачки Амики». — Русский архив, 1915, № 11—12, с. 312).

³³ Возможно, Пушкин не печатал перевод «Из Катулла», намереваясь использовать его в повести из римской жизни.

³⁴ Франсуа Нозль (1755—1841) был весьма примечательной личностью. Выдвинувшийся во время революции 1789 года, он занимал ответственные посты в министерстве иностранных дел республики. После 18 брюмера он сохранил и упрочил свое положение, получив должность префекта Верхнего Рейна, а затем — главного инспектора учебных заведений. С исполнением обязанностей дипломата и администратора Ф. Нозль сочетал широкую просветительскую деятельность, снискав известность неутомимого компилятора, популяризатора и издателя. См. о нем: *Grand Dictionnaire universel par Pierre Larousse*, t. 11. Paris, [1865], p. 1048.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1977 ГОДА

- Абрамович Г. Л. Проблема искусства и народа в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе. Сборник трудов. М., 1977, с. 20—30. (М-во просвещения РСФСР. — Моск. обл. пед. ин-т им. Крупской).
- Абрамович С. Л., Голлер Н. И. 250 лет жизни дома на Мойке. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М., «Наука», 1977, с. 346—356.
- Абрамович С. Л., Голлер Н. И. Из истории создания Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке (1922—1927 гг.). — В кн.: Музейное дело в СССР. Труды. М., 1977, с. 131—141. (М-во культуры СССР. Центр. музей революции СССР).
- Актуальные проблемы деятельности литературных музеев. Сост. А. К. Ломунова. М., 1977, 141 с. (Труды Науч.-исслед. ин-та культуры, т. 60).
С. 98—108: Э. Лебедева. Экскурсионный рассказ и экспозиционное решение темы. (На примере экспозиции Всесоюзного музея А. С. Пушкина). С. 118—121; Г. Балог. Из опыта комплектования Советского отдела во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. С. 122—130; Н. Нечаева. Зал «Пушкин и наше время» в экспозиции Государственного музея А. С. Пушкина.
- Алещенко С. В. Об итальянских переводах повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». — В кн.: Тетради переводчика. Вып. 14. М., «Международ. отношения», 1977, с. 80—86.
- Аникин В. П. Лиро-эпическая структура поэмы «Руслан и Людмила» и фольклор. — В кн.: Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та. 1977, с. 34—46.
- Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки. Сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. Л., «Сов. писатель», 1977. 318 с., 1 л. портр.
Содерж.: Статьи. I. Слово о Пушкине. [Впервые: Звезда. 1962, № 2, с. 171—172]; Последняя сказка Пушкина. [Впервые: Звезда. 1933, № 1, с. 161—176]; «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой...». Комментарий. [Впервые в кн.: Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг. Комментарий. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., ГИХЛ, 1939, с. 23—26]; «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина. [Впервые в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1. М.—Л., 1936, с. 91—114]; «Каменный гость» Пушкина. [Впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.—Л., 1958, с. 171—186]. — II. Гибель Пушкина. [Впервые: Вопр. лит., 1973, № 3, с. 207—236]; Александрина. [Впервые: Звезда, 1973, № 2, с. 207—215]; Пушкин и Невское взморье. [Впервые в альм.: Прометей. Т. 10, М.,

1974, с. 226—235]. — Заметки. «Каменный гость» Пушкина. Дополнения 1958—1959 годов и заметки для новой редакции. [Вставки 1, 3, 4, 6, 8, 9 впервые: Вопр. лит., 1970, № 1, с. 160—166]; Александрина. Наброски 1964—1965 годов для окончания. [Впервые: Звезда, 1973, № 2, с. 213—214]; Болдинская осень (8-я глава «Онегина»). [Заметки 3, 6, 7—12, 16—18 впервые: Вопр. лит., 1970, № 1, с. 167—176]; Две новые повести Пушкина. [Впервые, в сокращении: Вопр. лит., 1970, № 1, с. 176—183]; Пушкин в 1828 году. [Впервые: Вопр. лит., 1970, № 1, с. 195—206, кроме № 8]. — Примечания. — Послесловие.

Рец.:

Мушина И. — Звезда, 1977, № 12, с. 213—214.

Балашов Владимир. После лицея. — В кн. Б.: После лицея. Преображенцы. Пьесы. Свердловск, Средне-Урал. кн. изд-во, 1977, с. 5—119.

Баранская Наталья. Дом на Кропоткинской. [Московский музей А. С. Пушкина]. — История одного портрета. — В кн.: Литература и мы. Вып. 6. М., «Мол. гвардия», 1977, с. 97—100, 100—111.

Баранская Наталья. Цвет темного меду. Повесть [о Н. Н. Пушкиной]. — Сибирь, 1977, № 3, с. 30—63.

Белосов А. А. С. Пушкин и бурятская литература. — В кн. Б.: В семье единой. Рус.-бурят. лит. связи и взаимообщения. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1977, с. 3—14.

Бенюк Михай. В пушкинских краях. — В кн.: На меридианах дружбы. М., «Сов. Россия», 1977, с. 222—230.

Пер. с рум. М. Фридман.

Бенюк Михай. Пушкинские края. — В кн.: Я видел будущее. Писатели и деятели культуры зарубеж. стран о СССР. Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн. 2. М., «Прогресс», 1977, с. 437—440.

Впервые: Иностр. лит., 1976, № 11.

Благой Д. Д. Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. М., «Сов. писатель», 1977. 544 с., 1 л. портр.

Содерж.: От автора. — I. Шагами великана. (Пушкин в развитии мировой литературы). [Впервые, под загл.: Пушкин в развитии мировой литературы. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1974, т. 33, № 5, с. 394—406; № 6, с. 491—507; 1975, т. 34, № 3, с. 228—247]; II gran' padre (Пушкин и Данте). [Впервые в кн.: Дантовские чтения. 1973. М., 1973, с. 9—64]. — II. Союз волшебных звуков, чувств и дум. [Впервые, сокр., под загл.: Мысль и звук в поэзии. — В кн.: Славянские литературы. VII междунар. съезд славистов. М., 1973, с. 99—139]. — III. Великий гражданин великого народа. (Пушкин в освободительном движении своего времени); Погибельное счастье. (Женитьба, дуэль, смерть). [Впервые в кн.: Ободовская И., Демментьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975, с. 5—63]; Главою непокорной. (Ключ к последнему произведению Пушкина). [Впервые: Новый мир, 1974, № 6, с. 233—247]. — IV. Достоевский и Пушкин. [Впервые в кн.: Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. Т. 1. М., 1972, с. 447—501].

Рец.:

Дычко Дора. Мир Пушкина, мир исследования. — Нов. мир, 1978, № 2, с. 271—273.

Иезуитова Р. В. Заветная лира. — Лит. в школе, 1978, № 1, с. 92—94.

Кедров К. Неюбилейный Пушкин. — Вопр. лит., 1978, № 2, с. 274—279.

Нуйкин Андрей. Живой в творениях своих. — Октябрь, 1978, № 2, с. 222—224.

Самойлова Д. — Лит. обозрение, 1978, № 2, с. 93.

Сахаров В. Думы о Пушкине. — Москва, 1978, № 2, с. 211—213.

Фридман Н. В. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1978, т. 37, № 1, с. 70—72.

Пайтанов И. Право на воображение. — Наш современник, 1978, № 6, с. 183—186.

Бозырев В. По Пушкинскому заповеднику. Изд. 5-е. М., Профиздат, 1977. 160 с. с ил.

Путеводитель.

Бозырев В. С. Пушкинский заповедник. — В кн.: Достопримечательности Псковской области. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., Лениздат, 1977, с. 172—212.

Болдинские чтения. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. 159 с. (Музей-заповедник А. С. Пушкина (Б. Болдино). — Горьк. ун-т им. Лобачевского).

Содерж.: Поэтика Пушкина и проблемы изучения текста. В. А. Грехнев. Лирический сюжет в поэзии Пушкина; Е. С. Хаев. О стиле поэмы «Домик в Коломне»; Л. С. Сидяков. О роли образа автора в поэме «Домик в Коломне»; Г. Л. Гуменная. Заметки об авторской иронии в «Евгении Онегине»; А. Е. Тархов. Три примечания Пушкина к поэме «Медный всадник»; Н. И. Клейман. О тексте пушкинского наброска «Когда порой воспоминанье...»; Н. А. Рябина. К проблеме литературных источников поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». — Пушкин и русская литература. Г. В. Краснов. Поэма «Медный всадник» и ее традиции в русской поэзии; Ю. Н. Чумаков. К историко-типологической характеристике романа в стихах («Евгений Онегин» и «Спекторский»); В. А. Викторovich, Н. В. Живолупова. Литературная судьба «Бесов» (Пушкин и Достоевский); Н. М. Фортунатов. Толстой о пушкинских традициях в прозе Чехова; Н. И. Михайлова. Болдинские повести Пушкина и пародии Сенковского; Ю. И. Левина. О рисунках Пушкина на рукописи «Гробовщика» (атрибуция одного портрета).

Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература. (Первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 207 с.

С. 89—106: Гл. 5. Гофман и Пушкин. (Полемиическая форма творческих связей). [Впервые, в измененной ред., под загл.: Пушкин и Гофман. — В кн.: Пушкин и его современники. Псков, 1970, с. 148—160].

Боровиков Григорий. Народная тропа. — Волга, 1977, № 1, с. 172—177. Рассказ о Михайловском.

Будагов Р. А. Как рассказала Марина Цветаева о жене А. С. Пушкина [в книге «Мой Пушкин»]. — Рус. речь, 1977, № 2, с. 19—23.

Бушин В. Досадные промахи серьезного издания. — Дон, 1977, № 1, с. 187—189.

Рец. на кн.: Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 1—7. М., «Худож. лит.», 1974—1976.

Васильев Н. Л. Принципы использования научных терминов в произведениях А. С. Пушкина. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1977. Филология. Новосибирск, 1977, с. 91—101. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Новосиб. ун-т).

Винникова Галина. Пушкинские торжества [1880 г.]. — В кн. В.: Тургенев и Россия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Сов. Россия», 1977, с. 394—397.

Вишняков Б. Пушкин в пути. — В кн. В.: Высокое назначение искусства. Сборник статей. Л., «Художник РСФСР», 1977, с. 211—214.

Написано в 1974 г.

Открытие памятника Пушкину работы О. Комова в Калинин. Вольперт Л. И. Бомарше в трагедии «Мопарт и Сальери». — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1977, т. 36, № 3, с. 244—251.

Воронин Иван. Неузнанные встречи А. С. Пушкина. — В кн.: Край мордовский. Лит.-худож. сборник. № 1. Саранск, Морд. кн. изд-во, 1977, с. 197—204.

Пушкин и Е. И. Голицына.

Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., «Наука», 1977. 187 с. с ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

Содерж.: Предисловие. I. Материалы и сообщения. Р. Е. Теренина. Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина; Н. И. Мацкевич. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника. 1. Александр II о Пушкине. 2. В. А. Жуковский о Пушкине; В. Э. Вадуро. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург». — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1974 года. — III. Мелкие заметки. Ю. М. Лотман. Три заметки к пушкинским текстам; М. Ф. Мурьянов. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре; Л. А. Черейский. Московская квартира Пушкина; М. П. Алексеев. Заметки на полях. 2. Эпиграф из Бёрка в «Евгении Онегине». 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча; В. В. Пугачев. «Движенья» Пушкина и «Нечто о баршине» Н. И. Тургенева; Б. М. Гаспаров. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя»; С. Н. Азбелев. Пушкин и «побоище Мамаева»; И. В. Зборовец. «Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта; Ю. Д. Левин. Об одной параллели к «Гробовщику»; Д. М. Шарыкин. «Пиковая дама» и повесть Мармонтеля «Окно»; Н. И. Грановская. Друзья Пушкина в портретах крепостного художника Акима Арефова-Багаева; Л. С. Кишкин. Книжное собрание А. Ф. Смирдина в Праге. — IV. Хроника. М. П. Алексеев. Б. П. Городецкий. Некролог. Библиографический перечень важнейших печатных работ Б. П. Городецкого об А. С. Пушкине; А. И. Минина. Всесоюзный музей А. С. Пушкина; Н. Г. Винокур. Государственный музей А. С. Пушкина (Москва); Д. И. Белкин. Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока; Юбилейная Пушкинская конференция в Киеве; Л. И. Вольперт. Пушкинский юбилей в Пскове; Пушкинские дни на нижегородской земле; Пушкинские дни в памятных местах Верхневолжья; Полотняный Завод; Историко-художественный музей «Приютино»; «Домик няни» в Кобрино; Дом Ганнибалов в Петровском; Ю. М. Еганян. Пушкинские дни в Армении; Р. Н. Поддубная. Пушкинская конференция в Познани; Памятная пушкинская медаль в Венгрии; Сенегал. — Список иллюстраций.

Галин Г. Первая русская «Литературная газета». — В кн.: Литература и ты. Вып. 6. М., «Мол. гвардия», 1977, с. 190—202.

Гейченко С. С. У лукоморья. Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника. Изд. 3-е, доп. Л., Лениздат, 1977. 384 с. с ил.

Рец.:

Трифонов Ник. — Лит. обозрение, 1979, № 7, с. 83—84.

Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л., «Наука», 1977. 200 с. (АН СССР. Серия «Из истории мировой культуры»).

Рец.:

Френкель В. Пушкин и писатели его круга. — Нева, 1978, № 6, с. 197.

Радченко Ю. — Звезда, 1979, № 2, с. 220—221.

Фризман Л. Вокруг Пушкина. — Вопр. лит., 1979, № 2, с. 271—275.

Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л., «Просвещение», 1977. 192 с.

Рец.:

Беленький Г. О «Капитанской дочке» Пушкина. — Лит. в школе, 1979, № 2, с. 65—68.

Гладышева Л. А. Общациональное достояние. (Интернациональная сущность крылатых слов А. С. Пушкина). — Рус. яз. в нац. школе, 1977, № 1, с. 2—8.

Глуценко Е. К. Углубление восприятия лирических стихотворений

- А. С. Пушкина учащимися-производственниками на экскурсии в Пушкинские Горы. — В кн.: Преподавание литературы в школе. Опыт работы по новым программам. Вып. 2. Сборник трудов. М., 1977, с. 148—152. (М-во просвещения РСФСР. — Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Голлер Н. Последняя квартира А. С. Пушкина. — Рус. яз. за рубежом, 1977, № 1, с. 103—106.
- Гордин Я. Судьба среди судеб. — Вопр. лит., 1977, № 9, с. 265—271.
Рец. на кн.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.
- Грачева Алла Даниловна. История проникновения и восприятия творчества А. С. Пушкина в Туркмении. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1977. 23 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).
- Грачева А. Д. Пушкинский семинар на факультете русской филологии. — Рус. яз. и лит. в туркм. школе, 1977, № 1, с. 59—70.
В Туркменском университете.
- Грибушин И. И. Жанр и метр. (Фольклорный хорейский дольник в песенных стихах Пушкина). — В кн.: Проблемы метода и жанра. Вып. 5. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1977, с. 21—24.
- Гурвич И. А. Явление неопределенности в романе Пушкина «Евгений Онегин». — Сборник науч. трудов Ташк. пед. ин-та. Т. 196. Проблемы литературоведения и преподавания литературы. Ташкент, 1977, с. 38—58.
- Гуревич А. М. Пушкинская концепция романтизма. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1977, т. 36, № 3, с. 235—243.
- Данелиа С. И. «Моцарт и Сальери». — В кн. Д.: Философские исследования. Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1977, с. 400—429.
Впервые в кн.: Данелиа С. И. Статьи о русской литературе. Тбилиси, 1956, с. 36—59.
- Даттель Е. «Евгений Онегин» С. Прокофьева (неосуществленный музыкально-драматический спектакль в Камерном театре). — В кн.: Музыкальный современник. Сборник статей. Вып. 2. М., «Сов. композитор», 1977, с. 6—36.
- Джанумов С. Новаторство А. С. Пушкина в изображении драматических характеров (трагедия «Моцарт и Сальери»). — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе. Сборник трудов. М., 1977, с. 31—50. (М-во просвещения РСФСР. — Моск. обл. пед. ин-т им. Крупской).
- Дмитровский А. З. Историческое время в статьях Белинского о Пушкине. — В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Межвуз. сборник. Вып. 3. Калининград, 1977, с. 117—125. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Калининград. ун-т).
- Дугин Лев. Лицей. Роман. М., «Сов. писатель», 1977. 254 с., 1 л. портр.
- Елкин В. Г. Опыты логико-диалектического анализа художественного произведения. (Спецкурс). Владимир, 1977. 88 с. (М-во просвещения РСФСР. Владимир. пед. ин-т им. Лебедева-Полянского).
С. 3—23: Лекция VI. «Презренной прозой говоря...» («Граф Нулин»). С. 24—40: Лекция VII. «... Мне грустно и легко; печаль моя светла...» («На холмах Грузии...»). С. 41—66: Лекция VIII. Еще о двух романах, «в которых отразился век и современнейший человек» («Евгений Онегин» и «Герой нашего времени»).
- Енишерлов В. Колыбель поэта. — Огонек, 1977, № 6, с. 12—13 с фото. Село Захарово.
- Енишерлов В. Эти милые края. — Огонек, 1977, № 2, с. 24.
Рец. на кн.: Керцелли Л. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976.
- Жижина А. Д. Пушкинское послание декабристам (анализ и методические рекомендации). — Рус. яз. в казах. школе, 1977, № 8, с. 29—38.
- Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт срав-

нительно-стилистического исследования. — В кн. Ж.: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., «Наука», 1977, с. 142—204.

Впервые: отд. изд. Пб., 1922.

Жолковский А. К. Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил...». — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1977, т. 36, № 3, с. 252—263.

Завадская Евгения. Юрий Керцелли. [Художник пушкинист. 1923—1975]. — Декоративное искусство СССР, 1977, № 2, с. 32—33.

Замысел, труд, воплощение... [Сборник статей, посвященный д-ру филол. наук, проф. С. М. Бонди]. Под ред. проф. В. И. Кулешова. М., Изд. МГУ, 1977. 240 с., 1 л. портр.

Список печатных работ С. М. Бонди: с. 231—238. (88 назв.).

Содерж.: И. Л. Андроников. Выдающийся пушкинист; В. А. Звегинцев. О значениях и значимостях в поэзии; В. С. Краснуковский. О своеобразии арзамасского «наречия»; В. И. Кулешов. О сюжетосложении в гражданской лирике; С. Д. Селиванова. Пояски героя. (По рукописям «Кавказского пленника»); Д. Д. Благой. Об одной необычной пушкинской датировке; Б. С. Мейлах. К изучению историко-социальных интересов Пушкина. (Пушкин и Джамбатиста Вико); Т. Г. Цявловская. Первая статья Пушкина для «Московского вестника»; А. А. Илюшин. К истории Онегинской строфы; Н. Я. Соловей. Из истории работы А. С. Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина». (Альбом Онегина); Л. С. Сидяков. «Евгений Онегин» и замысел «светской повести» 30-х годов XIX в. (К характеристике Онегина в седьмой главе романа); Н. В. Измайлов. Забытая страница. (Из наблюдений над текстом «Медного Всадника»); Н. И. Михайлова. Образ Сильвио в повести А. С. Пушкина «Выстрел»; И. В. Семибратова. Фантастическое в творчестве Пушкина; А. В. Чичерин. Эпитет у Баратынского; А. И. Журавлева. Стихотворение Тютчева «Silentium!». (К проблеме «Тютчев и Пушкин»); В. Н. Турбин. О литературных источниках одного эпизода поэмы Гоголя «Мертвые души».

Записки краеведов. Очерки. Воспоминания. Статьи. Документы. Хроника. 1977. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. 160 с.

С. 120—147: Болдинские чтения. А. Г. Исаев. Альбом Остафьева; В. В. Ниякий. Остафьевы; С. А. Орлов. На болдинской земле. Комментарии к фотографиям на вклейке; П. В. Еремеев. Пушкин в Арзамасе; Н. И. Куприянова. Пушкинские места в Н. Новгороде (Гостиница Деулина. Нижегородский архив); Н. Ф. Филатов. Нижний Новгород пушкинских времен.

Зельдович М. Г. Эпизод из истории пушкиноведения. (А. В. Станкевич о поэте). — В кн.: Освободительное движение в России. Межвуз. науч. сборник. Вып. 6. Саратов, 1977, с. 31—34.

О статье А. В. Станкевича «Сочинения Пушкина. Седьмой, дополнительный том». (Атеней, 1858, ч. 1, № 2, январь).

Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время. Ист. повествование. Вступ. статья П. А. Николаева. Изд. 2-е, испр. М., «Мол. гвардия», 1977. 446 с. с ил.; 17 л. ил. и портр.

Ивлев Н. П. Верненцы — Пушкину. — В кн. И.: Находки краеведа. Алмата, «Казахстан», 1977, с. 65—74.

Дело «О приглашении к пожертвованию на сооружение памятника А. С. Пушкину», обнаруженное в Гос. архиве Казахской ССР.

Иова И. Страницы жизни А. С. Пушкина на юге. — Кодры, 1977, № 2, с. 144—147.

Карпов А. А. [Рец. на кн.:] Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. (1830—1833). Л., «Худож. лит.», 1974. 374 с. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1977, т. 36, № 1, с. 83—85.

Керцелли Лариса. А. П. Ермолов рукою Пушкина. — Огонек, 1977, № 8, с. 20—21 с ил.

- Кишкин Л. Альбом из Бродзян. — Огонек, 1977, № 6, с. 13—15 с фото.
Впервые публикуются фотографии детей Пушкина.
- Корнилова А. К живому Пушкину. — Знание — сила, 1977, № 12, с. 46—47 с ил.
Н. В. Кузьмин — иллюстратор Пушкина.
- Кошчанов М. Н. Пушкин и узбекская литература. — Обществ. науки в Узбекистане, Ташкент, 1977, № 7, с. 31—36.
Доклад, прочитанный на научной сессии, посвященной значению пушкинского творческого наследия в развитии узбекской литературы (10 июня 1977 г.).
- Крюкова А. Александр Сергеевич Пушкин. — В кн.: Русские писатели в Москве. [Сборник]. Переизд. М., «Моск. рабочий», 1977, с. 238—264.
- Кузовлева О. «Имею честь покорнейше просить...». К истории сооружения памятника А. С. Пушкину в Москве. — Строительство и архитектура Москвы, 1977, № 4, с. 30.
- Кузьмин Борис. Пушкин-критик. — В кн. К.: О Голдсмите, о Байроне, о Блоке... Статьи о литературе. М., «Худож. лит.», 1977, с. 266—275.
Впервые: Лит. обозрение, 1937, № 2.
- Куранов Юрий. Там, в Михайловском. — В кн. К.: Сердце ключей. Короткие рассказы, эссе, миниатюры. М., «Сов. писатель», 1977, с. 109—192.
- Лазарчук Р. М. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. (К проблеме композиции). — В кн.: Вопросы поэтики литературных жанров. Сборник науч. трудов. Вып. 2. Л., 1977, с. 11—21. (М-во просвещения РСФСР. — Ленингр. пед. ин-т им. Герцена).
- Лазня В. В. Воспроизведение автобиографических моментов в англоязычных переводах «Евгения Онегина». — В кн.: Исследования по романской и германской филологии. Киев, «Вища школа», 1977, с. 143—145. (М-во высш. и средн. спец. образования УССР. — Киев. ун-т им. Шевченко).
- Ласунский О. [Рец. на кн.:] Веленгурин Николай. Дорога к лукоморью. От Пушкина до Горького. Краснодар, 1976. — Лит. обозрение, 1977, № 6, с. 75—76.
- Левкович Я. Л. [Рец. на кн.:] «... И назовет меня всяк сущий в ней язык...» Ереван, 1975. — Звезда, 1977, № 3, с. 220—221.
- Ленков Григор. Приближаясь к Пушкину. — Иностр. лит., 1977, № 12, с. 226—228.
Болгарский поэт о своей работе над переводом «Евгения Онегина».
- Ленобль Г. История и литература. Изд. 2-е. М., «Худож. лит.», 1977. 302 с.
С. 7—49: У истоков «Полтавы». [Впервые: Новый мир, 1959, № 10, с. 235—250]. С. 50—82: К истории создания «Медного всадника». [Впервые: Ленингр. альманах, 1957, июнь, кн. 12, с. 321—337]. С. 253—255: Герой и автор [«Капитанская дочка»].
- Линдер И. Шахматная пушкиниана. Размышления над фактами. — 64. Еженедельное прил. к газ. «Сов. спорт», 1977, № 6, 11—17 февр., с. 10—11.
- Литературные связи. Т. 2. Рус.-арм. лит. связи. Исследования и материалы. Ереван, 1977. 335 с. (Ереван. ун-т).
С. 205—223: «Вечная слава Пушкину...» (Материалы из армянской периодической печати за 1899 год). Вступ. статья и публ. А. В. Калашян.
- Лурье И. М. Работа учащихся с мемуарами и письмами при изучении творчества Пушкина в VIII классе. — Лит. в школе, 1977, № 4, с. 36—44.
- Маймина Е. Французская речь в письмах Пушкина к Вяземскому. — В кн.: Сборник трудов СНО филологического факультета. Русская филология. Вып. 5. Тарту, 1977, с. 22—32. (Тарт. ун-т).
- Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л., «Худож. лит.», 1977. 110 с. (Массовая ист.-лит. б-ка).

Рец.:

- Беленький Г. О «Капитанской дочке» Пушкина. — Лит. в школе, 1979, № 2, с. 65—68.
- Малышкина Л. Музей-заповедник А. С. Пушкина Болдино. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. 127 с. с ил.
- Фотографии Г. Петренко. Оформл. и макет худож. В. Кременецкого.
- Мануйлов В., Холшевникова Е. О романе «Дубровский». — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Л., «Дет. лит.», 1977, с. 87—94.
- Марков П. А. Образ поэта. — В кн. М.: О театре. В 4-х т. Т. 4. Дневник театрального критика 1930—1976. М., «Искусство», 1977, с. 224—226. Впервые: Лит. газ., 1950, 18 апр.
- Якут — исполнитель роли Пушкина в пьесе А. Глобы «Пушкин» (Театр им. Ермоловой, 1949 г.).
- Мастерство перевода. Сб. 11. 1976. М., «Сов. писатель», 1977. 558 с. С. 66—121: раздел «Пушкин на языках народов Советского Союза». М. Бажан. Великая задача. [Из вступительного слова на заседании Совета по художественному переводу Правления СП СССР в октябре 1974 г.]. — М. Новикова. Гений, парадоксов друг. — С. Иванов. «Евгений Онегин» на языках народов Средней Азии. — Е. Егоров а. Максим Рыльский — переводчик Пушкина.
- Медриш Д. Н. «Все в безомвии чудесном...» (Паралингвистический элемент в структуре пушкинской сказки). — В кн.: Язык и стиль. Метод, жанр, поэтика. Волгоград, 1977, с. 50—59. (Волгоград. пед. ин-т им. Серафимовича).
- Михайлов Олег. Еще раз о «праве брать себе Пушкина в наслаждение». — Мол. гвардия, 1977, № 8, с. 301—304.
- Рец. на кн.: Смоленский Яков. В союзе звуков, чувств и дум. Еще одно прочтение А. С. Пушкина. М., «Сов. Россия», 1976.
- Михайлова Н. Шестые Болдинские чтения. — Вопр. лит., 1977, № 4, с. 311—313.
- Изложение докладов, прочитанных на научной конференции, посвященной изучению болдинских произведений Пушкина.
- Муравьева О. С. «Пиковая дама» в исследованиях последнего десятилетия. — Рус. лит., 1977, № 3, с. 219—228.
- Назарова Л. [Рец. на кн.:] Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975. — Звезда, 1977, № 3, с. 221—222.
- Непомнящий В. Конференция пушкинистов в Грузии. — Вопр. лит., 1977, № 10, с. 312—315. Подпись: В. Н.
- Изложение докладов.
- Ободовская И., Дементьев М. Пушкин в Яропольце. — Москва, 1977, № 3, с. 179—193.
- Образцова Н. К вопросу о традиции Пушкина в раннем творчестве Достоевского. — В кн.: Сборник трудов СНО филологического факультета. Русская филология. Вып. 5. Тарту, 1977, с. 32—39. (Тарт. ун-т).
- Озеров Лев. О «Маленьких трагедиях». — В кн.: Пушкин А. С. Маленькие трагедии. М., «Дет. лит.», 1977, с. 112—124.
- Осетров Евгений. Шкатулка Арины Родионовны. — В кн.: Осетров Евгений. Золотой ключ. Этюды о книгах и книжниках. М., «Книга», 1977, с. 45—48.
- Впервые, под загл.: Няня Пушкина. — В кн. О.: Поиски, находки, тайны. М., 1964, с. 16—23.
- Осовская В. Е. Лингвистический анализ стихотворения Н. П. Огарева «На смерть поэта (по перечтении „Евгения Онегина“»). — В кн.: Вопросы языкознания. Вып. 3. (Опыт лингв. анализа наследия Н. П. Огарева). Саранск, 1977, с. 122—138. (М-во вып. и средн. спец. образования РСФСР. — Морд. ун-т им. Огарева).
- Паперно И. А. Переписка Пушкина как целостный текст. (Май—октябрь 1831 г.). — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1977, вып. 420. Труды по метрике и поэтике, № 2, с. 71—81.

- Петров С. М. Литературно-эстетические взгляды А. С. Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин о литературе. Избранное. Для ст. возраста. М., «Дет. лит.», 1977, с. 3—16.
- Платонов Андрей. Пушкин — наш товарищ. — В кн. П.: Мастерская. М., «Сов. Россия», 1977, с. 7—25.
Впервые: Лит. критик, 1937, № 1, с. 46—61.
- Попов Сергей. Из подорожной книжки Пушкина. — Урал, 1977, № 4, с. 149—152.
О поездке Пушкина в Оренбургский край в 1833 г. Предлагается читать запись «В Берде Пуг(ачев) жил в доме Конст(антина) Ситникова».
- Портнова Н. А. Сочинительные связи и союз и в поэзии Пушкина. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1977, № 4, с. 107—111.
- Прийма Ф. Я. Пушкин и Белинский. — Рус. лит., 1977, № 1, с. 30—46.
- Прокушев Юрий. Подвиг Пушкина. — В кн. П.: Россия — моя поэзия. Раздумья критика. М., Воениздат, 1977, с. 7—52.
- Прянишников Н. Александр Сергеевич Пушкин. — В кн. П.: Писатели — классики в Оренбургском крае. Изд. 4-е. Челябинск, Южно-Урал. кн. изд-во, 1977, с. 35—54.
- Пугачев В. В. Из истории политической мысли декабристов (тайное общество и политическая лирика А. С. Пушкина в 1818—1820 гг.). — В кн.: Вопросы истории государства и права. Межвуз. науч. сборник. Вып. 1. Саратов. Изд-во Сарат. ун-та, 1977, с. 37—54. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Сарат. юридич. ин-т им. Д. И. Курского).
- Пумпянский Л. Об оде А. Пушкина «Памятник». Публ. Н. Николаева. — Вопр. лит., 1977, № 8, с. 135—151.
- Пушкина Н. О. Письма Надежды Осиповны Пушкиной. (Автографы, обнаруженные в ЦГВИА СССР). [1825 г. Пер. с франц. Публ. и предисл. А. Е. Шнейдера]. — Сов. архивы, 1977, № 2, с. 82—86.
- Пушкинские места Москвы и Подмосковья. Туристская схема. Авт. текста Н. М. Волович. М., Гл. упр-ние геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1977. 1 л. карт.
- Пушкинский сборник. Сборник науч. трудов. Ред. Е. А. Маймин. Л., 1977. 155 с. (Ленингр. пед. ин-т им. Герцена).
Содерж.: Э. В. Слингина. Лирический цикл А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)». — В. С. Белькинд. Время и пространство в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка». — Н. Я. Соловей. О рукописях стихотворения А. С. Пушкина «Вновь я посетил...». — Л. И. Вольперт. Дружеская переписка Пушкина михайловского периода (сентябрь 1824 г.—декабрь 1825 г.). — Н. Л. Вершинина. Традиции «Евгения Онегина» в «Воине и мире» Л. Н. Толстого. — Э. В. Слингина. «Пророк» Пушкина и образ поэта в лирике Заболоцкого. — Н. В. Питолина. Пушкин в «Московском наблюдателе». — Л. И. Вольперт. Пушкин и Бомарше. — Я. С. Билинкис. Пушкин и судьбы русской критики. — Ю. И. Ореховацкий. Пушкинское подражание Ронсару (к вопросу о французских стихах Пушкина). — Е. М. Таборисская. «Маленькие трагедии» Пушкина как цикл (некоторые аспекты поэтики). — Е. В. Петровская. Дневник пушкинской поры (авторское «я» в отношениях с художественной литературой).
- Раевский Николай. Портреты заговорили. [Изд. 2-е]. Алма-Ата, «Жазушы», 1977. 430 с., 17 л. ил.
- Рассадин Ст. Драматург Пушкин. Поэтика. Идеи. Эволюция. М., «Искусство», 1977. 359 с.
Содерж.: I. Два самозванца. II. Невольник чести. III. «Друг Сальери». IV. Чужая лирика. V. Наказание без преступления. VI. «... Еще не ясно различал». VII. Последняя сказка,

Рец.:

- Гордин Я. История и нравственность в драматургии Пушкина. — Вопр. лит., 1978, № 5, с. 274—281.
- Бахнов Л. Пушкин и драма. — Юность, 1979, № 3, с. 96—97.
- Герман В. Непрочитанный Пушкин. — Лит. обозрение, 1979, № 6, с. 59—62.
- Чумаков Ю. В глубь пушкинской строки. — Там же, с. 56—58.
- Рассадин Ст. Нежданная комедия. — Кодры, 1977, № 2, с. 134—143.
- К истории создания фельетона Пушкина «Альманашник».
- Ревякин А. И. История русской литературы XIX века. Первая половина. [Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов]. М., «Просвещение», 1977. 559 с.
- С. 198—289: Гл. 9. А. С. Пушкин.
- Рост Владар. «Борис Годунов» — 462-й спектакль со дня первой постановки. — В кн. Р.: Наш Большой. Один день из жизни театра. М., 1977, с. 49—60.
- Саблина Алла. Новая работа о Н. Н. Пушкиной. — Волга, 1977, № 7, с. 174—176.
- Рец. на кн.: Федотов Л. Наталья Николаевна Пушкина. — Сиб. огни, 1976, № 3, с. 167—185; № 4, с. 166—178; № 5, с. 164—177; № 6, с. 172—192.
- Сайтанов В. А. Пушкин и Кольридж. 1835. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1977, т. 36. № 2, с. 153—164.
- Селиванова Светлана Даниловна. К вопросу о проблематике текстологического анализа (по рукописям Пушкина). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1977. 19 с. (Моск. ун-т им. Ломоносова. Каф. истории рус. лит.).
- Симанович Давид. Подорожная Александра Пушкина. Очерки. Минск, «Маст. лит.», 1977. 159 с.
- С. 7—29: «Подорожная Александра Пушкина».
- Скатов Николай. Праздник Пушкина. — В кн. С.: Русские поэты. Очерки. М., «Правда», 1977, с. 3—15. (Б-ка «Огонек», № 18).
- Сорокин Ю. С. О поэтическом диалоге. Из стилистических комментариев к пушкинским поэтическим текстам («Анчар»). — В кн.: Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. Межвуз. темат. сборник. Калинин, 1977, с. 38—61. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Калинин. ун-т).
- Степаненко И. [Рец. на кн.:] Суржок А. И. Пушкин и калмыки. Элиста, 1975. — Дон, 1977, № 6, с. 180—182.
- Степанов Л. А. Пушкин и теория комического в русской эстетике первой трети XIX века. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Кн. 2. Краснодар, 1977, с. 19—41. (Науч. труды Кубан. ун-та, вып. 230).
- Тамарченко Н. Д. Целостность как проблема этики и формы в произведениях русской литературы XIX века. Учеб. пособие по спецкурсу. Кемерово, 1977. 93 с. (Кемеровский ун-т).
- С. 12—26: Гл. 1. Тип целого в творчестве А. С. Пушкина («Цыганы»).
- Тархов А. Повесть о петербургском Иове. — Наука и религия, 1977, № 2, с. 62—64.
- К творческой истории поэмы Пушкина «Медный всадник».
- Томашевский Б. О шестистопном ямбе у Пушкина. Публ. Л. С. Сялякова. Предисл. («Неизвестная статья Б. В. Томашевского», с. 99—102) и примеч. Д. Д. Ивлева и Л. С. Сялякова. — Труды по знаковым системам. 9. Тарту, 1977, с. 99—112. (Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 422).
- Томашевский и Московский лингвистический кружок. — Труды по знаковым системам. 9. Тарту, 1977, с. 113—132. (Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 422).

Содерж.: От публикатора. — И. Б. В. Томашевский. «Наукооб-

разные». (Опыты подхода к изучению ритма художественной речи). — II. Протокол заседания Московского лингвистического кружка 8 июня 1919 г. [Доклад Б. В. Томашевского «О пятистопном ямбе Пушкина». Прения]. — III. «Программа доклада Томашевского о ритме прозы». — IV. Протокол заседания Московского лингвистического кружка. Доклад Б. В. Томашевского «Буало и Пушкин». [Прения]. — V. Протокол заседания Московского лингвистического кружка 15 февраля 1920 г. Прения по докладу Б. В. Томашевского «О ритме пушкинской прозы».

Томашевский Ю. Как работал Михаил Зощенко, что думал о Пушкине и какие имел взгляды на оплату литературного труда. Вступит. заметка и публ. Ю. Томашевского. — Вопр. лит., 1977, № 3, с. 296—307.

С. 299: М. Зощенко. Анкета о Пушкине. [Впервые: Лит. совр., 1937, № 1]. С. 306: М. Зощенко. Мелочи жизни. 5. Пушкин.

Турков А. «Тайна» Пушкина. — В кн. Т.: Высокое небо. Четыре портрета. М., «Дет. лит.», 1977, с. 7—76.

Тынянов Ю. Избранное. Вступ. статья («Драма истории и ее герой», с. 3—20) и примеч. Б. Костелянца. Кишинев, «Литература артистикэ», 1977. 735 с.

Содерж.: Кюхля. — Пушкин. — Примечания.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., «Наука», 1977. 574 с.

С. 52—77: «О композиции „Евгения Онегина“». [Впервые полностью в кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 121—140]. С. 78—92: «Мнимый Пушкин» [публикуется впервые].

Уварова И. В. Об эстетических взглядах и художественной концепции А. С. Пушкина. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Кн. 2. Краснодар, 1977, с. 42—56. (Науч. труды Кубан. ун-та, вып. 230).

Уварова И. В. Пушкинская лирика 10-х—20-х годов и эстетические взгляды поэта. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1977. 20 с. (АН УССР. Ин-т литературы им. Шевченко).

Ульянов В., Пилат И. Исторические места и памятники Молдавии. Изд. 2-е, доп. Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 1977. 224 с. с ил.

С. 181—188: «Пушкинские места в Молдавии».

Федотов Л. [Рец. на кн.:] Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., «Наука», 1976. — Сиб. огни, 1977, № 11, с. 189—190.

Цветков Д. Старица и окрестности. М., «Моск. рабочий», 1977. 168 с. С. 116—132: «Памятные имена. Пушкин Александр Сергеевич».

Чумаков Ю. Н. «День Онегина» и «день автора». — В кн.: Вопросы поэтики литературных жанров. Сборник науч. трудов. Вып. 2. Л., 1977, с. 3—10. (М-во просвещения РСФСР. — Ленингр. пед. ин-т им. Герцена).

Шагинян Р., Сырцов И. О диалогически-контрапунктическом строении «Египетских ночей». (К проблеме: Пушкин и Достоевский). — В кн.: Филологические и педагогические науки. Самарканд, 1977, с. 28—39. (М-во высш. и средн. спец. образования УзССР. — Самарканд. ун-т им. Навои).

Шамшури Валерий. Родник в Лучиннике. [Болдино] — Волга, 1977, № 12, с. 155—161 с ил.

Шариф Азиз. Прекрасный цветок на могилу Пушкина. К 140-летию со дня смерти А. С. Пушкина. — Лит. Азербайджан, 1977, № 1, с. 123—130.

О судьбе элегии Ахундова на смерть Пушкина.

Шестакова Л. Л. Лингвистический анализ стихотворения А. С. Пушкина «Пророк». — Рус. яз. в школе, 1977, № 3, с. 77—84.

Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977. 272 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

С. 51—61: Гл. II. Александр Сергеевич Пушкин.

Штейн А. Пушкин и Шекспир. — В кн.: Шекспировские чтения. 1976. Под ред. А. А. Аникста. М., «Наука», 1977, с. 149—175.

Эйделъман Н. Я. «Придет ли час моей свободы?». — Звезда, 1977, № 2, с. 171—191.

Пушкин и декабристы.

Энгель Сусанна. За строками «Пиковой дамы». — Огонек, 1977, № 6, с. 15.

Рус. речь, 1977, № 3.

С. 12—20: Е. А. Левашов. Пушкин и академические толковые словари. С. 21—26: Советские писатели об А. С. Пушкине. «И называет меня всяк сущий в ней язык...» [Г. Абашидзе, М. Рьльский, С. Капутикян и др.]. С. 27—33: Н. К. Гей. Гармония пушкинского стиля. С. 33—38: Е. П. Ходакова. Словесная игра у Пушкина. С. 39—42: Л. А. Гладышева. «...Печаль моя светла...». С. 43—49: И. Б. Голуб. Образное слово Пушкина. С. 50—55: Ю. Г. Русакова. Заметки о языке романа «Евгений Онегин» (попытка целостного анализа). С. 56—60: М. А. Галманова. Новые материалы о Пушкине. [Рец. на кн.: Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975].

III. ЗАМЕТКИ

К ПРОБЛЕМЕ «ДАНТЕ И ПУШКИН»

Тема «Данте и Пушкин» неоднократно рассматривалась как в общих работах по связям итальянского поэта с русской литературой, так и в специальных исследованиях.¹ Настоящая заметка преследует скромную цель несколько расширить список дантовских цитат у Пушкина.

1. *Те и та.*

На юге, в Кишиневе и Каменке, Пушкин попал в атмосферу конспиративных встреч и разговоров. В тайных и полутайных беседах (конспирация Союза Благоденствия носила весьма относительный характер) не только обсуждались политические вопросы, но и вырабатывался условный язык «для посвященных», который был одновременно и паролем для отличия своих от чужих, и шифром, скрывающим смысл от нежелательных ушей. Эта языковая тайнопись, представлявшая исключительно интересное культурно-языковое явление, в основном для нас погибла, так как принадлежала устной сфере общения декабристов. Среди сохранившихся обломков интересно выражение в письме-послании Пушкина В. Л. Давыдову:

И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!

(Акад., II, 1, 179)

Смысл выражения легко расшифровывается из самого текста Пушкина. Интереснее его происхождение. Это очевидная цитата из второй песни «Ада» Данте:

La quale e' l' quale, a voler dir lo vero,
Fu stabiliti per lo loco santo,
U' siede il successor del maggior Piero.

(Inf. II, 22—24)

¹ См.: Розанов М. Н. Пушкин и Данте. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., 1928; Алексеев М. П. Первое знакомство с Данте в России. — В кн.: От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970; Берков П. Н. Пушкин и итальянская культура. — «Annali», sezioneslava, 1970, XIII; Благой Д. 1) Данте в сознании и творчестве Пушкина. — В кн.: Историко-филологические исследования. (Сборник статей к 75-летию академика Н. И. Конрада). М., 1967; 2) Il gran'padre (Пушкин и Данте). — В кн.: Душа в заветной лире. М., 1977.

Ср. русский перевод:

А тот и та, когда пришла пора,
Святой престол воздвигли в мире этом
Преемнику верховного Петра.²

Смысл этих сознательно затрудненных стихов у Данте в том, что герои Рима и его владычество подготовили век христианского Рима. Естественно было перенести эти слова на итальянских карбонариев и их идеи, подготавливающие новый век римской славы. Данте использовал для создания нарочито темного выражения, соответствующего пророческому характеру текста, трансформированное правило риторики: «Большее еще внимание и старание потребно к надлежащему расположению относительных местоимений который, которая, которое и всех тех частей, кои выражают взаимную связь частей речи».³ Оборот оказался удобной формулой для создания фразеологизма конспиративного языка, которым пользовались декабристы Юга.

2. Нева металась, как больной || В своей постеле беспокойной.

Образ больного, не находящего покоя в своей постели, восходит к шестой песне «Чистилища»:

E se ben ti ricordi e vedi lume,
vedrai te simigliante a quella inferma
che non puo trovar posa in su le piume
ma con dar volta suo dolore schema.

(Purg. VI, 148—151)

В русском переводе Лозинского:

Опомнившись хотя б на миг один,
Поймешь сама, что ты — как та больная,
Которая не спит среди перин,
Ворочаясь и отдыха не зная.⁴

Образ этот не случайно пришел Пушкину на память: следует иметь в виду, что у Данте он применен ко Флоренции, раздираемой гражданскими распрями. Отсылка — видимо, невольная — к Данте подтверждает, что в глубине сознания Пушкина петербургское наводнение входило в мир образов, связанных с мятежом, гражданской междоусобной войной. Если же вспом-

² Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод М. Лозинского. М., 1967, с. 14.

³ Опыт риторики, сокращенный большею частью из наставлений докт. Блером, в сей науке преподаваемых. С английского языка на российский предложен А. К. «оновым» и В. С. «евериным». СПб., 1791, с. 106. — Источник правил употребления местоимений в риторике является Квинтилиан.

⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия, с. 183.

нить, что в этой же песне Данте сравнивает Италию с вздернутой на дыбы лошадью императора, «когда седло пустует», то, возможно, мы получим разгадку к таинственному рисунку Пушкина, изображающему фальконетовский памятник с вздыбленной лошадью и без Петра.

К чему тебе подправил повода
Юстиниан, когда седло пустует?⁵

Подробное истолкование этого рисунка дано Д. Д. Благим: «На рисунке — скала; на ней — конь; но всадника на коне нет <...> На рисунке Пушкина *гордый* конь сбил *горделивого* седока. Это, несомненно, бросает яркий свет и на „Ужо тебе!“ Евгения. Но восклицание-угроза Евгения — прозрение в далекое будущее».⁶

Однако сопоставление со стихами Данте позволяет несколько иначе истолковать этот рисунок. У Данте речь идет о том, что Италия — конь, взнузданный Юстинианом, — ныне без седока, седло его пустует. Параллель между Юстинианом, установившим законы и отвоевавшим Италию у готов, и Петром I — законодателем и победителем шведов (интересно, что этноним «шведы» в высоком стиле обычно заменялся на «готы»⁷) казалась вполне естественной. Николай I, о котором Пушкин в 1834 г. написал: «Il y a beaucoup de prarogative en lui et un peu du Pierre le Grand» (XII, 330),⁸ — видимо, не более подходил для этого седла, чем Альбрехт Габсбургский, император и «король римлян», которому Данте посвятил злую характеристику. Такой ход мысли может объяснить, почему седло Петра I на рисунке Пушкина пустует. Следует подчеркнуть, что цитата о больном, который мечется в постели, появилась именно в «Медном всаднике», т. е. в 1833 г.: в соответствующих стихах «Езерского» она отсутствует, хотя окружающие ее стихи там уже определились. Это еще раз указывает на связь поэмы именно с отзвуками чтения Данте.

3. ... падает на ложе, || Как гладный падает мертвец.

Выражение это — точный перевод: e caddi come corpo morto cade (Inf. V, 142). Это совпадение отдельного стиха могло бы быть случайным,

⁵ Там же. с. 181. — Перевод Лозинского точен, но буквалан: «gassopiasse il freno» (буквально: «поправить удила») в терминологии верховой езды означает «вздернуть на дыбы», «натянуть повода».

⁶ Благой Д. Мастерство Пушкина. М., 1955, с. 219.

⁷ См. у Ломоносова:

Как Готские полки, для помощи припед,
В противность нанесли странам Российским вред
(«Петр Великий», песнь вторая, стихи 67—68)

... Но Готы, помощи надеясь от Горна,
Сказали, от него приказу к сдаче ждут.

(Там же, стихи 192—193)

⁸ Обычно переводится: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого» (XII, 487). Точнее: «...и немножко (чуть-чуть) от Петра Великого». В первом случае связь с Петром отрицается вообще, во втором — утверждается в некоторой степени, однако утверждению этому придан пренебрежительный оттенок,

если бы он не следовал у Данте прямо вслед за полюбившимся Пушкину изречением Франчески:

...Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастьи...

(Ад, V, 121—123)

Пушкин выписал их по-итальянски сразу после эпилога к «Руслану и Людмиле». «Это одна из самых ранних записей Пушкина на итальянском языке».⁹

Приведенные цитаты дополняют картину упорного интереса Пушкина к творчеству «сурового Данта».

Ю. М. Логман

ЗАГАДОЧНАЯ ПОМЕТА ПУШКИНА

В книге «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии» П. В. Анненков пишет: «На рукописи известного стихотворения „Стамбул гяуры нынче славят“, названного по неизвестным нам причинам в посмертном издании „Началом поэмы“, мы находим слова: „17 октября 1830 г., передъ раз. ст.“, которые должно, кажется, читать: „перед разбитой статуей“».¹ Этому чтению следовали, по-видимому, и другие исследователи.² Между тем в большем академическом издании собрания сочинений Пушкина Т. Г. Цявловская предлагает чтение, принятие которого сделало бы невозможной конъектуру П. В. Анненкова. Цявловская читает помету следующим образом: «Предч?> разб. ст.» (Акад., III, 857).

Нам кажется правильным чтение Т. Г. Цявловской: 1) в первом слове нет второго «е», т. е. перед нами «пред»; 2) последняя буква гораздо более похожа на «ч», чем на твердый знак. Следовательно, присоединяясь к точке зрения Т. Г. Цявловской, предлагаем свою собственную конъектуру.

Если считать последней буквой первого слова «ч», то возможные догадки крайне ограничены. Первое слово должно быть грамматической частью либо имени существительного «предчувствие» («предчувствование»), либо глагола «предчувствовать» («предчувствоваться»). Какое тут может быть предчувствование? Что именно предчувствуется? На этот вопрос мы

⁹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 484.

¹ А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. П. В. Анненкова. Изд. 2-е, СПб., [1872], с. 301. См. также: Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова, т. II. СПб., 1855, с. 543.

² Например: В. Е. Якушкин. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевом музее в Москве. — Русская старина, 1884, т. XLIV, октябрь, с. 82; Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910, с. 223.

находим ответ в первом пятистишии стихотворения. Предчувствуется поражение или разрушение Стамбула:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят.
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

(III, 247)

Если помета на самом деле относится к содержанию первого пятистишия, то напрашиваются некоторые возможные конъектуры. Например: «Предчувствуется разбитие Стамбула» или «предчувствует разбитие Стамбула», т. е. поэт-рассказчик из Арзрума предчувствует это. Или, что мне представляется маловероятным, «Предчувствую разбитие Стамбула», т. е. Пушкин сам это предчувствует.

Не исключена возможность употребления имени существительного «предчувствия» (или «предчувствие»). Но Пушкин избегает употребления «предчувствия» с именем существительным в родительном падеже, например «предчувствие радости», «предчувствие горя». Характерны для него предложения типа:

и предчувствие его сбылось («Table talk»);
предчувствием томим («Цыганы»);
предчувствия теснили грудь («Евгений Онегин»);
предчувствие сказывало ей, что... («Дубровский»).

Иногда он сочетает это существительное с именем прилагательным, например:

предчувствий горестных полна,
ждала несчастья уж она («Евгений Онегин»);
с печальным предчувствием («Станционный смотритель»);
мрачное предчувствие тревожило меня («Капитанская дочка»).

В одном только случае указывается при помощи имени существительного на то именно, что предчувствуется, и тут имя существительное употребляется не в родительном падеже, а связано с «предчувствием» предлогом «о»: «... есть люди, имеющие верные предчувствия о своей смерти» («Записки Моро де-Бразе»)³ Следовательно, в своей конъектуре мы отдаем предпочтение глаголу.

Слово «разбитие» надо считать устаревшим или книжным, по крайней мере в том смысле, в котором оно здесь, по нашему мнению, употребляется. Но у Пушкина оно нередкое явление, например «несмотря на разбитие Пугачева» («История Пугачева»), «пользуясь разбитием неприятеля» («Записки Моро де-Бразе»), «распустил слух о совершенном разбитии русских» («Путешествие в Арзрум») ⁴ и т. д. Правда, за этим словом у Пушкина всегда следует одушевленное имя существительное («Пугачева», «неприятеля», «русских»). Но, во-первых, в данном стихотворении Стамбул

³ См.: Словарь языка Пушкина, т. 3. М., 1959, с. 679.

⁴ Там же, с. 918.

можно считать одушевленным («Стамбул заснул... отрекся... изменил... отвык... пьет»); а во-вторых, обратим внимание на такие непушкинские примеры, как «...разбитие погребов Михайловского замка» (А. А. Покровский), «совершенное разбитие Турецкого флота» (Н. Г. Чернышевский).⁵

Более серьезный вопрос возникает, может быть, в связи с употреблением маленькой начальной буквы «с» для предполагаемого «Стамбула». В защиту нашей гипотезы предлагаем следующие соображения.

1. С. М. Бонди, уже много лет занимавшийся рукописями Пушкина, проводит грань между беловыми рукописями, написанными «спокойно и вполне разборчиво прекрасными пушкинскими почерком», и его черновиками, «которые он писал в волнении, быстро» и которые иной раз отличаются своей «неразборчивостью»; помета на полях тетради представляет собой своего рода памятную записку и, конечно, принадлежит к категории «черновиков».⁶

2. С. М. Бонди счел возможным и нужным посвятить статью именно букве «с» у Пушкина, которая и в беловых рукописях иной раз приводила к случаям «довольно существенной порчи пушкинского текста». Бонди приводит ряд примеров текстологических недоразумений, связанных «с таким же нечетким написанием буквы „с“ у Пушкина».⁷ Поэтому в помете на полях, к тому же сокращенной, нам казалось бы особенно неправильным ожидать высокой степени исправности.

3. Если тем не менее настаивать на том, что в помете, имея в виду «трудности», которые испытывал Пушкин в написании буквы «с», маленькая начальная буква «с» исключает возможность чтения «Стамбула», то приходится прибегнуть к другому, по нашему мнению менее удачному и менее вероятному, решению вопроса: надо читать «столицы», т. е. «предчувствует(ся) разбитие столицы». Такое чтение не меняет существенно общего смысла пометы.

4. Это второе чтение («столицы») мы охарактеризовали как менее удачное и менее вероятное. Оно, конечно, не соответствует выше отмеченной практике Пушкина: столица — имя существительное, неодушевленное. Тем не менее в одном случае можно было его считать более удачным. Многоплановость мышления Пушкина — неоспоримый факт. Поэтому вероятно, или скорее неизбежно, что Пушкин, создавая стихотворение «Стамбул...», думал и о Петербурге. В подкрепление такой мысли укажем на замечание Пушкина в пятой главе «Путешествия в Арзрум». Собираясь цитировать «начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу», т. е. сокращенную версию стихотворения «Стамбул...», Пушкин проводит параллель между Турцией и Россией: «Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою» (VIII, 478). Но Москва — общепризнанная мистификация; поэт имеет в виду не Москву, а Петербург (столицу) и соответственно не Казань, а Москву. Следовательно, если Пушкин думал о Петербурге именно тогда,

⁵ Цитаты взяты из «Словаря современного русского литературного языка» (М.—Л., 1961, т. XII, с. 126).

⁶ Ср.: Бонди С. М. Буква «с» Пушкина. — В кн.: Бонди С. М. Черновики Пушкина. М., 1971, с. 204—210.

⁷ Там же, с. 208.

когда писал свою помету, то слово «столицы» представляет собой не только более удачное, но и единственное решение вопроса. Однако на этом, конечно, настаивать нельзя.

Но на одном можно и должно настаивать. «Предч.» может тем или другим образом означать только понятие предчувствия. Предчувствовать можно только одно, судя по содержанию стихотворения: не разбитие Арзума, которое описано в последних шестнадцати стихах, а разбитие Стамбула — столицы, которое предсказано в первом пятистишии.

У. Викери

ПОМЕТЫ ПУШКИНА НА РУКОПИСЯХ

Пометы в рукописях Пушкина изучены мало, некоторые из них даже не прокомментированы. Главная причина — трудности прочтения и расшифровки загадочных писем. К тому же до сих пор пометы полностью не собраны в одном месте. Большинство их вошло в сборник «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (М.—Л., 1935),¹ но не все, и помещены они вместе с другими записями (в разделе «Мелкие записи, заметки, пометы, подсчеты»). Часть напечатана в большом академическом издании сочинений и писем поэта — в отделах других редакций и вариантов, при автографах произведений, на полях которых они находятся или с которыми связаны (например, помета о сожжении X главы «Евгения Онегина»), однако в указатели к томам и к изданию в целом они не попали (они должны были войти в дополнительный том, который так и не вышел). В десятитомных изданиях собраний сочинений поэта — академическом и гихловском, — рассчитанных на массового читателя, пометы напечатаны в разделах автобиографической прозы, однако не полностью и с неточностями (об этом ниже). В описаниях рукописей Пушкина пометы тоже не всегда отражены в заглавиях. Все это затрудняет исследование помет и мешает выявлению их жанровых закономерностей. А закономерности эти существуют, и учитывать их при анализе или публикации той или иной пометы надо.

Помета на рукописи стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» ранее не комментировалась. П. В. Анненков, впервые опубликовавший помету, дал лишь ее предположительную расшифровку, а от объяснения воздержался. В научной литературе помета (в чтении Анненкова) упоминалась при стихотворении в связи с датой, и то не всегда. В современных изданиях в примечаниях к произведению приводится только дата. Ни в сборнике «Рукою Пушкина», ни в описании рукописей поэта (см.: ПД, № 917),² ни в упомянутых выше десятитомниках пометы нет. Она на-

¹ В дальнейшем: *Рукою Пушкина*.

² Здесь и в дальнейшем номера автографов Пушкина даются по изданиям: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме*. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и В. В. Гомашевский. М.—Л., 1937 (№ 1—823); *Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 г.* Краткое описание. Составила О. С. Соловьева. М.—Л., 1964 (№ 824—1733).

печатана (Т. Г. Цявловской) лишь в большом академическом издании собрания сочинений и писем Пушкина при автографе стихотворения (с вопросом после слова «Предч.») и в примечаниях к нему (III, 857 и 1249), оба раза без расшифровки. Пробел этот восполняется в заметке Уолтера Викери (см. с. 91—95 настоящего издания). Она первая специально посвящена этой помете.

В чтении пометы, вернее первого сокращенного слова в ней, как видим, наметилось два варианта: «предь» (у Анненкова в Материалах для биографии Пушкина ошибочно «передь»)³ и «предч.». Вслед за У. Викери мы полагаем, что чтение Т. Г. Цявловской более правильно. Последняя буква в слове по своему начертанию действительно более похожа на «ч», чем на твердый знак. Подобные «ч» встречаются в рукописях болдинской осени. Точно такое же, например, в слове «не» дочел» в беловом автографе последней, LI строфы восьмой (первоначально девятой) главы «Евгения Онегина», датированной 25 сентября 1830 г. (ПД, № 167, л. 2 об.). Доказательством такого прочтения служит и обрыв нижней линии, долженствующей соединить букву со следующей, и особенно точка после слова, излишняя при отсутствии в нем сокращения. Расшифровка пометы, предложенная исследователем, весьма остроумна. Филологические изыскания и наблюдения его в связи с этим бесспорны. Остается неясным одно — если помета связана с первым пятистишием стихотворения, то в чем ее смысл?

В рукописях Пушкина все взаимосвязано. На множестве примеров мы убеждаемся, что ни один элемент нельзя рассматривать в отрыве от произведения в целом, от творчества и биографии того или иного периода, даже нескольких дней. Для наших дальнейших рассуждений важно отметить, что автограф стихотворения, на котором сделана помета, по своему характеру беловой, с поправками. Текстом заняты две первые и часть третьей страницы двойного листа белой бумаги писчего формата. Помета находится на первой странице автографа, в левом углу, у начала первого пятистишия стихотворения, и написана она наискось к его тексту, в две строки: вначале дата, потом сокращенная запись (см. илл. на с. 93). Расстояние первых строк стихотворного текста от верхнего края листа на всех трех страницах одинаково. Помета несомненно вписана позднее (что отмечено и Т. Г. Цявловской), т. е. после написания первого пятистишия, а судя по почерку, и всего стихотворения. В тексте этого пятистишия поправок нет. В черновом автографе запись «предчезует(ю) разбитие столицы» (именно «столицы», а не «Стамбула», ибо название города в стихотворении во всех случаях написано с большой буквы, после которой идет «т» с тремя палочками, а не с одной, как в записи) могла быть наброском плана, а в беловике и после написания первого пятистишия назначение ее непонятно. Что это — раскрытие содержания этого пятистишия? Но зачем? Да еще с датой?

³ В «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (Сочинения Пушкина, т. I. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855, с. 340; А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. П. В. Анненкова. СПб., [1872], с. 304) помета воспроизведена неточно — «передь раз. ст.»; но во 2-м томе Сочинений (1855, с. 543) она напечатана иначе: «предь разб. ст.».

Запись может быть связана со всем стихотворением. Первое пятистишие, как это нередко у Пушкина, особое — в нем выражена идея произведения, которая в последующем тексте раскрывается на нескольких примерах. Не только это пятистишие, но и все стихотворение проникнуто ощущением надвигающейся беды, кары за неисполнение или нарушение заветов Корана. Пятый стих — «Стамбул заснул перед бедой» — является лейтмотивом произведения, по крайней мере в его написанной и перебеленной части. В этом случае помета может быть заглавием произведения, конечно не с глаголом, а в варианте с существительным: «Предчувствие разбития столиц». Правда, такое — в принципе возможное — заглавие не характерно для Пушкина. У Вижери справедливо отметил, что поэт избегал употребления слова «предчувствие» с именем существительным в родительном падеже. Кроме того, в беловых автографах Пушкин вписывал заглавия произведений обычно не сбоку и наискось, а над первой строкой текста, прямо и ближе к центру; дату их создания писал под ним, несколько правее, а сверху и сбоку — только когда вписывал ее позднее; здесь же обе строки написаны одновременно.

По местоположению и характеру (вначале дата, потом сокращенная запись) это типичная для поэта помета о событиях, фактах или состояниях, сопутствующих созданию произведения. Чаще Пушкин делал такие записи под концом автографа, после даты; реже — в начале или сбоку на полях. Стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» не окончено, поэтому поэт сделал запись на нем у начала автографа.

Ученые не согласились еще в точном названии этих текстов — их называют то записями, то пометами, то надписями, то заметками. М. А. Цявловский видел в них «как бы неразвернутые записи дневника». «Многие из этих записей, — писал он, — глубоко интимны и отмечают события и факты, изложение которых Пушкин не может и не хочет доверять даже своей черновой тетради. Интимный характер записей обуславливал типические для них аббревиатуры, раскрытие которых составляет своего рода спорт у пушкинистов».⁴ В сборнике «Рукою Пушкина» пометы воспроизведены исследователем топографически точно, в комментариях почти везде указано, на рукописи какого произведения и где именно они сделаны, хотя с анализом помет эти данные не связываются. В академическом десяти-томном собрании сочинений Пушкина Б. В. Томашевский напечатал поддающиеся расшифровке пометы в разделе автобиографической прозы среди дневниковых записей, а в примечаниях привел еще несколько помет, «смысл которых остается недостаточно понятным»; приведенные в основном тексте этого издания пометы воспроизведены (с некоторыми отличиями) Т. Г. Цявловской и в гихловском десятитомном собрании сочинений поэта в разделе воспоминаний и дневников под названием: «Автобиографические записи» (они разбиты на два периода — «1820—1830 гг.» и «1832—1833 гг.»).⁵

⁴ Рукою Пушкина, с. 289.

⁵ См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 8. Изд. 2-е, М., Изд. АН СССР, 1958, с. 19—22, 27 и 489—490; А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах, т. 7. М., ГИХЛ, 1962, с. 305—307, 311.

В обоих изданиях пометы даны как чисто дневниковые записи, под соответствующими датами; топография их передана не везде, и никаких указаний, откуда они извлечены, на автографе какого произведения находятся, в примечаниях нет. К чему это привело, покажем на нескольких примерах.

Прежде всего — в порядке хронологии — отметим, что в изданиях опущена помета: «4 июня ночью /5 июня поутру./ Дегилье». Она хорошо читается и давно истолкована (см.: Рукою Пушкина, с. 292 и 397), а не попала в издания, вероятно, потому, что во времени должна находиться между записями в Кипшинском дневнике.

В помете от 1 июля 1822 г. «После обеда» во сне видел Кхбкр «Кюхельбекера»... Пушкин четырежды (в начале и в конце) написал анаграмму своей фамилии и один раз — Пущина. У Б. В. Томашевского в конце записи напечатано: «Пушкин»; Т. Г. Цявловской анаграммы вовсе не учтены, по-видимому потому, что текст тогда получается несвязный, а это один комплекс размышлений поэта.

Помета «8 févriér la nuit 1824...» «8 февраля ночь 1824...» находится сбоку у I строфы третьей главы «Евгения Онегина», дата в ней отмечает начало работы над главой, а продолжение пометы («joué... souré...», каждое событие под отдельительной чертой) говорит о том, что предшествовало этому. В изданиях все записи в помете даны подряд. Перевод Б. В. Томашевского (впрочем, такой же и у М. А. Цявловского, — см.: «Рукою Пушкина», с. 300): «8 февраля 1824 ночь играл с Шаховским и Синявиным; проиграл; ужинал у графини Элизы Воронцовой». Получается, что, проиграв ночь, наверное под утро Пушкин ужинал у Воронцовой... В переводе Т. Г. Цявловской дата отделена от слова «играл», но без указания на автограф произведения она утратила свое главное содержание.

Среди дневниковых записей дана и известная помета: «1824 19/7 avril mort de Vugon» «19/7 апреля смерть Байрона». О смерти поэта Пушкин узнал в июне от приехавшей в Одессу В. Ф. Вяземской, но запись сделана на внутренней стороне задней крышки переплета второй масонской тетради (1824—1827 гг.) и точной датировке не поддается. Если эта запись включена в издания, то почему же в них отсутствует подобная — о крестниках великого князя?

Пометы о том, когда Пушкин услышал о смерти Амалии Ризнич и о казни декабристов, находятся под беловым автографом стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...». У начала его дата: «29 июля 1826». В изданиях она опущена, хотя, судя по чернилам, записи сделаны в этот день.

Запись 1828 г. «25 июля Фанни...» сделана столбиком. Около «няни» проставлен крестик. В примечаниях сообщается, что она умерла 31 июля и что на представлении упоминаемой далее в помете оперы МеркадANTE «Elisa e Claudio» Пушкин был 27 июля. Но это значит, что первоначальная запись была потом дополнена, а в изданиях она дана под 25 июля.

В число дневниковых попали и три кавказские пометы: «Владикавказ 22 мая 1829», «25 мая Коби» и «Душет. 27 мая». Подобных помет у Пушкина много — он имел обыкновение ставить на автографах произведений или под рисунками пометы о времени и месте их написания. Споры нет,

кавказские пометы отмечают вехи пути поэта, но разве в этом плане не биографичны и другие, свидетельствующие о пребывании его в Кишиневе, Одессе, Михайловском, Болдине и других местах? И где же тогда граница дневниковых записей?

Особенно странное впечатление производят две болдинские записи: «9 сентября. Болдино 1830. Письмо от Natalie» и «25 сентября. Письмо от Natalie. Кистеневские крестьяне». Берем на себя смелость сказать, что таких дневниковых записей в рукописях Пушкина нет. Первая дата находится под автографом повести «Гробовщик», отмечая время и место ее окончания, записана она в три строки; под нею и несколько влево другим, более мелким почерком сделана помета о получении письма от невесты. Вторая дата — в совершенно ином виде, чем это представлено в изданиях («Болдино 1830/сент. 25 3/4»), находится под беловым текстом последней строфы восьмой (первоначально девятой) главы «Евгения Онегина», слева от концовки. Помета же (напечатанная в изданиях без второй нерасшифрованной строчки) записана в нижней чистой половине листа, справа.

Из приведенных примеров очевидно, что таким образом печатать в собраниях сочинений пометы на рукописях Пушкина нельзя. Это не дневниковые записи, а пометы автобиографического содержания, со всеми присущими им особенностями, и подгонять их искусственно под дневниковые записи нет никакой необходимости. Содержание большей части помет шире дневниковых записей и может быть понято только в связи с автографами произведений, на которых они находятся.

В рабочей тетради (альбоме) Пушкина 1828—1833 гг. на л. 15 об. находится черновик стихотворения «Ты и вы». Под концом его дата: «23 мая»; у первых стихов сбоку справа помета: «20 мая 1828 При». В сборнике «Рукою Пушкина» помета не расшифрована, очевидно поэтому она не вошла в десятитомные издания сочинений поэта, но в большом академическом издании она прочтена Н. В. Измайловым (III, 655). «При» — это начало названия усадьбы Олениных «Приютино». Если напечатать эту помету как дневниковую запись, то, кроме факта пребывания поэта в этот день в усадьбе, мы ничего из нее не извлечем. Если же мы укажем ее местоположение, то помета заиграет, ибо станет понятным, что, очевидно, именно во время этого посещения Анна Алексеевна и сказала Пушкину «ты», а он — уже 23 мая — написал по этому случаю стихотворение.

В заметке о «Графе Нулине» Пушкин писал:

«Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть. Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писан(?) 13 и 14 дек(абря). — Бывают странные сближения» (XI, 188).

Восстание декабристов и «Граф Нулин»... «Странные сближения», связь событий интересовали Пушкина всегда. Ассоциативный мир поэта необыкновенно богат и сложен. Это проявляется в свободных переходах от одной темы к другой, в неожиданности или, наоборот, закономерности возникновения новых замыслов и рисунков. Эту особенность творческого мышления Пушкина нужно иметь в виду и при анализе помет. Значительных и заинтересовавших поэта событий в его жизни было, конечно, много, а автобиографических помет в рукописях мало (около 30), и, может быть,

это не случайно — может быть, своим возникновением некоторые из них (если не многие) обязаны тоже сближениям. По воспоминаниям О. С. Павлицевой, Пушкин получил в Михайловском не одно письмо, запечатанное перстнем-талисманом,⁶ запись же о письме от EW до нас дошла только одна, и находится она во второй масонской тетради под XXXII строфой третьей главы «Евгения Онегина», непосредственно следующей за письмом Татьяны к Онегину (ПД, № 835, л. 11 об.). А запись о том, когда поэт услышал о казни декабристов, сделана под аналогичной записью о смерти Амалии Ризнич и на беловом автографе стихотворения, являющегося откликом на ее смерть. Возможно, что и запись о смерти Наполеона не случайно находится на черновом автографе стихотворения «Гроб юноши».

Все вышеизложенное имеет ближайшее отношение к прочтению и истолкованию пометы на рукописи стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят. . .». У. Викери справедливо отметил, что расшифровка первого сокращенного в записи слова ограничена именем существительным «предчувствие» и глаголом «предчувствовать». Возможности прочтения двух последующих слов, даже в пределах словаря поэта, довольно широки. Это связано с тем, что, поскольку Пушкин избегал сочетания слова «предчувствие» с именем существительным в родительном падеже, последние слова в записи могут быть самостоятельными. Ограничивая варианты фактами биографии поэта, даем как возможные такие расшифровки записи:

«Предчувствие разбор статей»;
«Предчувствие разбитое стекло (ставни, столб и др.)»

Что касается первого варианта, то известно, что осенью 1830 г. в Болдине Пушкин написал много полемических статей — опровержений на критики своих произведений и нелитературные обвинения в отношении себя. Второй вариант интересен тем, что обе части его взаимосвязаны. Разбитие чего-либо чаще всего было дурным предзнаменованием, сулило разбитую жизнь, напасти и проч. Этот факт мог стать источником предчувствия или усилить его.

Итак, предчувствие. . . Подобная расшифровка слова корреспондирует с содержанием стихотворения. Нам приходилось писать, что мир творчества и жизнь поэта тесно связаны между собой. В рукописях крупных произведений нередко по ассоциации возникают наброски лирических стихотворений. Между черновиками первой и второй сцен «Бориса Годунова», где говорится об избрании героя на царство, находится черновик «Воображаемого разговора Пушкина с Александром I» («Когда б я был царь. . .»). В черновиках пятой главы «Евгения Онегина» на полях строф сна Татьяны возникают портреты декабристов — тревога героини сливается с тревогой поэта за судьбы своих друзей, товарищей, братьев, над которыми в это время шел процесс в Петербурге. В этом плане закономерно, что на автографе стихотворения, проникнутого ощущением надвигающейся беды за неисполнение заветов Корана, возникает аналогичная по содержанию автобиографическая запись.

⁶ «Вестник Европы», 1874, февраль, с. 526.

29 сентября 1830 г. Пушкин писал П. А. Плетневу из Болдина, что он «беспокоен и волнуем будущим», высказывал «опасения», «чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене <...> пустяками» (XIV, 113). В таком же духе о настроении поэта в это время пишут и исследователи: тревога, тревожная печаль, беспокойство. В помете же — интимной записи для себя — Пушкин определяет свое состояние несколько иначе: предчувствие... Что оно было у поэта, подтверждают написанная в Болдине 8 сентября элегия «Безумных лет угасшее веселье...» («... Сулит мне труд и горе || Грядущего волнуемое море»), строки из того же письма к другу («Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна»), письмо к невесте («Наша свадьба точно бежит от меня, и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба?»). Предчувствие бросает трагический ответ на пребывание поэта в Болдине. В этом настроении были, конечно, свои приливы и отливы, связанные с задержкой или получением письма от невесты, от друга, с творческим подъемом. Помета соответствует состоянию поэта в те дни. 17 октября написано «Заклинание», а через два дня — 19 октября — сожжена X песнь «Евгения Онегина». Последний факт всем известен, мы привыкли повторять его, и от частого повторения его трагическое содержание стерлось. Сопоставление дат, однако, показывает, что не так просто горели в Болдине исписанные листочки, что это был творческий кризис. Томим предчувствием, поэт пытается уйти от судьбы... Но выход был найден лишь на путях творчества. Пушкин уезжает из Болдина, так же, как и его герои, гордо бросив вызов судьбе. При таком взгляде на сожжение становится понятным необъяснимый в других случаях возврат поэта — и сразу же по приезде из Болдина — к X главе. Никакого противоречия здесь нет.

Таковы наши соображения о расшифровке и истолковании действительно загадочной пометы Пушкина на рукописи стихотворения «Стамбул глурь нынче славят...».

Р. Е. Тербенкина

ПУШКИН И Ф. Ф. КОРФ

В биографиях Пушкина среди его петербургских знакомых с давних пор упоминаются отец и сын Кёлеры, с которыми он встретился здесь в 1830-е гг. Барон Егор Егорович Кёлер (1765—1838), историк и археолог, был начальником I отделения Эрмитажа; при его содействии Пушкин в марте 1832 г. ознакомился с библиотекой Вольтера, хранившейся в то время в Эрмитаже.¹ Сын Егора Егоровича Дмитрий Егорович (1807—1839)

¹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 179. — Егор Егорович (Карл-Эрнст) Кёлер с 3 сентября 1817 г. являлся ординарным академиком Петербургской Академии по литературе и древностям гре-

после окончания Царскосельского лицея в 1826 г.² состоял чиновником для иностранной переписки и выполнял поручения Николая I по переводу на русский язык неизданной английской рукописи, дневника Патрика Гордона, одного из сподвижников Петра I;³ рукописью этой, как известно, интересовался также и Пушкин. О встречах своих с поэтом рассказал сам Кёлер в своем дневнике; извлечения из рукописи этого дневника были предоставлены П. Е. Щеголевым П. А. Ефремову, который и напечатал их в своем издании «Сочинений» Пушкина⁴ (1905). Из этого дневника известно, что первая встреча Д. Е. Кёлера с Пушкиным состоялась 17 декабря 1836 г. на балу у Е. Ф. Мейендорфа, другая — у самого поэта «недели за три» до его смерти.

В том же дневнике Д. Е. Кёлер сохранил признание Пушкина, которое до сих пор осталось не объясненным. Поэт будто бы сказал ему, обнаруживая при этом, что он имеет представление и о других членах его семьи: «Я с удовольствием прочел статью вашего шурина „Очерки Персии“. Она написана легким веселым слогом».

Какую же статью о Персии «с удовольствием» читал Пушкин и кто являлся ее автором?

Судя по найденным данным, речь идет о муже сестры Дмитрия Егоровича Кёлера Софьи Егоровны — Федоре Федоровиче Корфе (1803—1853).⁵ В 1834—1835 гг. он состоял вторым секретарем русской постоянной миссии в Тегеране. По возвращении в Петербург Ф. Ф. Корф напечатал в ноябрьской и декабрьской книжках «Библиотеки для чтения» 1836 г. «Очерки Персии», которые Пушкин и имел в виду.⁶ Наблюдательный автор в этих очерках живо запечатлел быт и нравы окружавших его людей, распри в правящей верхушке тогдашней Персии и многое другое.

Заслуживает внимания рассказ мемуариста о «кровоавом происшествии», случившемся, правда, до его приезда в Персию, — о трагической гибели Грибоедова и других сотрудников русского посольства. «Их горестная участь, — писал Корф, — конечно, заставит содрогнуться всякого русского, который посещает эти места».⁷ Несомненно, Пушкин с интересом читал этот рассказ Корфа, написанный по еще не стершимся следам совершившегося в Тегеране преступления и дающий ряд новых подробностей о нем,

чекским и римским (см.: Академии наук СССР. Персональный состав, кн. I, 1724—1917, с. 36). Именно с Е. Е. Кёлером Пушкин имел дело, посещая Эрмитаж для занятий в библиотеке Вольтера. См.: Якубович Д. Пушкин в библиотеке Вольтера. — Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 910; Пушкин. Письма. Ред. Л. Б. Модзалевского, т. III. М.—Л., 1935, с. 480—481; Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., 1961, с. 44.

² Кобеко Д. Ф. Имп. Царскосельский Лицей. СПб., 1911, с. 508.

³ Майков П. М. Дневник Патрика Гордона. — Русская старина, 1916, № 1, с. 138—139.

⁴ Пушкин А. С. Сочинения [в 8 томах]. Ред. П. А. Ефремова, т. VIII. СПб., 1905, с. 586—587.

⁵ См.: Долгоруков П. Российская родословная книга, т. III. СПб., 1856, с. 364.

⁶ Корф Ф. Очерки Персии. — Библиотека для чтения, 1836, т. XVIII, отд. I, с. 208—246; т. XIX, отд. I, с. 17—48.

⁷ Очерки были изданы впоследствии отдельной книгой: Корф Ф. Воспоминания о Персии 1834—1835. СПб., 1838.

собранных на месте действия от очевидцев. Журнал с очерками Ф. Ф. Корфа сохранился в библиотеке Пушкина, и в нем разрезаны соответствующие страницы.⁸

Стоит заметить, что «Очерки Персии» были не единственным печатным произведением Ф. Ф. Корфа. Вскоре он приобрел некоторую известность у русских читателей как автор повестей и романов, появлявшихся в лучших русских журналах и выходивших отдельными книгами⁹ между 1830-ми и 1850-ми гг. Впоследствии он как писатель был забыт.

Л. А. Черейский.

К ДАТИРОВКЕ «МАРЬИ ШОНИНГ» ПУШКИНА

Незаконченные наброски, оставшиеся в черновиках, показывают нам направление художественных исканий поэта и возможностей, которые открыло бы для русской литературы творчество последних лет его жизни. Среди этих набросков особое место занимает отрывок «Марья Шонинг». А. Лежнев назвал его первым «образом экспериментально-психологической повести», а в обрисовке характера героини, в психологическом раскрытии ее внутреннего мира увидел «предчувствие Достоевского, особенно раннего Достоевского „Неточки Незвановой“ и „Униженных и оскорбленных“».¹

В основе наброска — фактические сведения, заимствованные Пушкиным из французской книги, включавшей описание известных уголовных процессов.² Две женщины, Марья Шонинг и Анна Гарлин, обвинили себя в детоубийстве ради спасения от голода детей Анны. Они были казнены, хотя на эшафоте Марья Шонинг призналась в лжесвидетельстве. Помимо самого начала повести среди рукописей Пушкина сохранилось конспек-

⁸ Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, с. 125 (№ 460).

⁹ Среди них можно назвать: Повести. СПб., 1838; Прошлое. Повесть. — Отеч. записки, 1839, 8; Музыкант. Повесть. — Современник, 1841, 22; Перерождение. СПб., 1840; Суд в ревельском магистрате. СПб., 1841; Как люди богатеют. Роман. — Современник, 1841, 8 и 9; Сцены из обыкновенной жизни. — Современник, 1851, 5. См.: Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX вв. включительно, т. II. СПб., 1902, с. 130. Библиографические сведения о Ф. Ф. Корфе см.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, т. III. Пг., 1914, с. 203.

¹ Лежнев А. Проза Пушкина. Изд. 2-е. М., 1966, с. 197—198. — Недавно мысль Лежнева повторил В. Непомнящий, написав, что в «Марье Шонинг» «Пушкиным брошено зерно, которое в дальнейшем взойдет как стиль Достоевского» (Непомнящий В. Предназначение. — Новый мир, 1979, № 6, с. 237—238).

² Causes célèbres étrangères, publiées en France pour la première fois et traduites de l'anglais, de l'espagnol, de l'italien, de l'allemand etc. par une société de jurisconsultes et de gens de lettres, t. 1. Paris, 1827, p. 200—213.

тивное изложение ее фабулы. Источник сведений Пушкина о процессе установил в 1934 г. Д. П. Якубович, опубликовавший описание процесса в «Causes célèbres...» и сопоставивший его с фабульным развитием пушкинского наброска и конспекта.³ После статьи Якубовича «Марья Шонинг» не привлекала специального внимания исследователей, и существующие комментарии не отвечают на вопрос, когда же наметилось в творчестве Пушкина предвосхищение психологического метода, составившего впоследствии силу русского романа.

Датировка повести в разных изданиях колеблется между 1832 и 1836 гг. Частично наброски (два первых письма и французский конспект) были опубликованы в посмертном томе «Современника»,⁴ остальное — В. Е. Якушкиным в «Русской старине».⁵ До публикации Якушкина «Марья Шонинг» печаталась без даты. Отрывки, появившиеся в «Русской старине», написаны на бумаге с водяным знаком: «1832». Якушкин отметил это в своей публикации, и с тех пор во всех изданиях повесть печаталась с датой: 1832. При подготовке полного собрания сочинений под общей редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского,⁶ а затем большого и малого академических изданий были проверены палеографические данные. Начало повести написано на бумаге с водяным знаком: «А. Гончаров. 1834». Это послужило исходным моментом для датировок повести. Ю. Г. Оксман датирует ее 1836 г. Его довод — исключительная близость характеристики детей Анны Гарлин высказываниям Пушкина о его собственной семье и возраст детей Анны Гарлин». «Высказывания» о семье Оксман берет из писем Пушкина к жене в сентябре—октябре 1835 г. («Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет <...> Что Машка? <...> и каковы ее победы?»; или: «Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи» — Акад., XVI, 52—53) и из письма к П. В. Нащокину от января 1836 г. («Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться» — XVI, 73).⁷ Эти цитаты Оксман сопоставляет со следующими строками повести: «Дети растут и хорошеют. Франк становится молодец. Вообрази, милая Марья, что уж он бегаёт за девочками, — каков? — а ему нет еще и трех лет. А какой забияка! Фриц не может им налюбоваться и ужасно его балует... Мина гораздо степеннее; правда, она годом старше». Печатаемая повесть, Оксман изъясил из текста даты «25 апр.» и «28 апр.», сочтя, что «они не соответствуют внутренней хронологии писем и являются, очевидно, датами работы над ними Пушкина». После осенних писем 1835 г. к жене и январского 1836 г. письма к Нащокину в жизни Пушкина был только один апрель — 1836 г. 25—28 апреля этого года и датируется повесть. В апреле

³ Якубович Д. П. «Марья Шонинг» как этап историко-социального романа Пушкина. — В кн.: Звенья, т. III—IV. М.—Л., 1934, с. 146—167.

⁴ Современник. 1837, т. VIII, с. 250—256.

⁵ Русская старина. 1884, № 10, с. 87—89.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1938, с. 687—698, 943—947 (текст повести опубликован Ю. Г. Оксманом).

⁷ Письмо к Нащокину Оксман датирует концом октября 1835 г.

1836 г. сыну Пушкина «Сашке» не было еще и трех лет (он родился в июле 1833 г.).

Доводы Ю. Г. Оксмана не были приняты в академических изданиях. Б. В. Томашевский в десятиатомнике датирует наброски «не ранее 1834 г.», в большом академическом издании о дате пишется более определенно: «писалась Пушкиным не ранее 1834 г., вероятно, в 1835 г.». Здесь же указывается, что даты писем Анны и Марьи, которыми начинается повесть, «не приведены Пушкиным к единству» (VIII, 1058).

Действительно, «детские мотивы» письма Анны можно сопоставить и с более ранними письмами поэта. Так, слова из письма к жене от 26 июля 1834 г. («Цалую Машу и заочно смеюсь ее затаям. Она умная девчонка, но я от нее покамест ума не требую» — XV, 183) соотносятся со словами Анны о дочери: «Она очень понятлива и кажется будет хороша собою» (VIII, 393). В семье Пушкиных обсуждалась и детская болтовня старшей дочери поэта и ее внешность.⁸ Следует учитывать, что «детские» впечатления поэта не обязательно воссоздавались на примере собственных детей — достаточно вспомнить семью Вяземских и игры поэта с маленьким Павлом Вяземским.⁹

Безусловным ориентиром для датировки «Марья Шонинг», нам кажется, является письмо Пушкина к П. В. Нащокину от 20 января 1835 г.: «Жена кланяется сердечно твоей Вере Александровне; она у M^{de} Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется в Москву. Жена говорит, что *somme* M^{de} Нащокин *est brune et qu'elle a un beau teint* <так как госпожа Нащокина брюнетка и у нее прекрасный цвет лица>, то выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого. Впрочем это дело дамское».

Объяснения Натальи Николаевны впервые открыли Пушкину одно из неперемьных условий хорошего вкуса в женских нарядах. Регламентация зависимости между цветом волос и цветом шляпки (и всякого головного убора, платья вообще) показала поэту столь примечательным примером чисто женского отношения к вещам, что поэт тут же передает это объяснение другу, уверенный, что недавно женившемуся Нащокину небезынтересно будет проникновение в тайны женского обаяния.

Эту же деталь Пушкин включает в повесть, которая начинается с переписки двух молодых женщин. Анна Гарлин пишет: «Посылаю тебе в гостинец косынку <...> Это подарок Фрица, но красный цвет идет более к твоим черным волосам, нежели к моим светло-русым. Мужчины этого не понимают. Им все равно что голубое, что красное» (VIII, 393). Социальное положение диктует замену «шляпки» на «косынку», но очевидно, что дамские рассуждения о головных уборах могли появиться в повести не раньше, чем из Петербурга в Москву была отправлена шляпка для В. А. Нащокиной, т. е. не раньше 20-х чисел января 1835 г. Таким обра-

⁸ См.: Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 783, 790; Пушкин и н. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 99—100; Звезда, 1974, № 6, с. 188.

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников, т. II. М., 1974, с. 163.

зом, можно с уверенностью датировать повесть: написана не раньше конца января 1835 г.

Как же обстоит дело с хронологией событий в повести и насколько основательно предположение Ю. Г. Оксмана, что даты, поставленные в начале первых двух писем, являются датами работы Пушкина над нею?

Автограф позволяет предположить, что наброски писались в два приема. Письмо Анны Гарлиц, которым начинается повесть и которое датировано 25 апреля, написано более темными чернилами, чем остальная часть наброска (письмо Марьи от 28 апреля, следующее письмо без даты и дальнейшее повествование). Однако это предположение не может считаться безусловным, так как не исключено, что, принимаясь за второе письмо, поэт разбавил водой загустевшие чернила. Ибо именно проставленные даты точно соответствуют хронологии событий, в то время как рассказ Марьи о событиях эту хронологию сбивает.

Первое письмо Марьи (ответ на письмо Анны от 25 апреля) датировано 28 апреля. Она пишет: «Я получила письмо твое в прошлую пятницу (прочла только сегодня). Бедный отец мой скончался в тот самый день в шесть часов поутру; вчера были похороны». Таким образом, старый Шонинг похоронен 27 апреля, т. е. по христианскому обычаю на третий день после смерти. Это значит, что умер он 25 апреля. 25 апреля («в тот самый день») письмо было получено Марьей. Но и написано оно было также 25 апреля, а значит, было отправлено (вместе с косынкой) не по почте, а с попутчиком (12 миль или 21 километр, которые разделяют героинь, требовали не более двух-трех часов езды). Отправка письма по оказии, т. е. экономия на почтовых расходах — еще одна черта, которая лежит за текстом и определяет социальное лицо героини.

Между 25 и 28 апреля события в доме Шонинга развивались следующим образом. В понедельник Шонинг «гулял по садику», возвратясь «почувствовал легкий озноб». В этот же день, вечером, пришел доктор Кельц и «был недоволен его состоянием». Ночью Марья сидела у его постели. «На другой день с ним сделались спазмы». «К вечеру <второго дня, т. е. вторника> боль унялась». Затем «перед утром он утих» и в «шесть часов поутру» скончался. Следовательно, скончался он в среду, а не в «прошлую пятницу», как пишет Марья. В пятницу (т. е. на третий день) должны были состояться похороны. Они и состоялись в пятницу («вчера» — похороны, «завтра» — воскресенье, письмо пишется в субботу 28 апреля).

Письмо Анны Гарлиц было написано и пришло в среду 25 апреля, когда умер Шонинг. Почему же в тексте появилась пятница? Объяснение Ю. Г. Оксмана, что даты писем соответствуют дням, когда Пушкин писал повесть, представляется нам неприемлемым. Даже если допустить, что дни, когда Пушкин принимался писать повесть, по счастливой случайности соответствовали хронологии событий (смерть и на третий день похороны), то необъяснимым остается, почему он, сохраняя числа, изменял дни недели. В 1835 г. 25 апреля приходилось на воскресенье, в 1836 — на вторник.

В академическом издании отмечено, что «даты писем не приведены Пушкиным к единству». Но именно даты соответствуют событиям, а черновые варианты показывают, что Пушкин стремился к этому единству.

В вариантах названные дни недели и последовательность событий несколько раз изменялись: вместо «прошлой пятницы» было «третьего дня», а похороны предполагались после письма Марьи — «завтра», т. е. на четвертый день после смерти отца; история болезни Шонинга (от понедельника до среды) осталась без изменений, но «третьего дня» Пушкин исправил на «пятницу». Известно, что когда Пушкину были важны даты, когда хронология определяла временные и психологические координаты повествования, поэт относился к ней с предельной тщательностью. Так, события в «Евгении Онегине» рассчитаны точно по календарю, и когда в пятой главе романа поэт пишет: «снег выпал только в январе, на третье в ночь», — можно не сомневаться в точности этого сообщения.

А. Лежнев справедливо отметил тонкость и точность психологического рисунка в «Марье Шонинг», кажущуюся парадоксальность, с которой выражается чувство в моменты и периоды душевных потрясений.¹⁰ Подробности похорон отца, которые застревают в сознании Марьи, как будто не адекватны событию и чувству: она идет за гробом «легко», в церкви ей «было душно» и «все хотелось смеяться», на кладбище ей захотелось «разрыть могилу», потому что она «не совсем простилась» с отцом, но она «боялась, чтоб фрау Ротберх не сказала опять: какая комедиантка!». Вполне вероятно, что «пятница» не ошибка поэта, а поставлена им сознательно, как свидетельство путаницы в мыслях героини, свидетельство ее психической неуравновешенности, когда смерть отца (среда) и похороны (пятница) слились воедино, в один промежуток времени, отмеченный ее стрессовым состоянием.

Герои со смещенной, искаленной жизненными обстоятельствами психикой не раз появляются в творчестве последних лет жизни поэта («Медный всадник», «Пиковая дама», «Не дай мне бог сойти с ума...»). Вероятно, известный нюрнбергский процесс привлек внимание поэта возможностью раскрыть средствами реалистической прозы психологическое состояние женщин, доведенных до последней степени отчаяния и душевного мрака, находящихся на грани безумия.

Почему же повесть была прервана Пушкиным? В художественной прозе Пушкина мало статических элементов, он пользуется небольшим количеством деталей, но его детали отличаются точностью и подчинены реалистическому смысловому заданию. Так, аукцион в доме Шонинга демонстрирует смесь былого благополучия семьи нюрнбергского ремесленника (серебряные ложки, две фарфоровые чашки, очевидно оставшиеся от сервиза, столовые салфетки) и настоящего, сегодняшнее убожество («черное белье», которое покупательница фрау Ротберх определяет как «дрянь, ветошь, лохмотья»). Через вещи, обстановку проступает социальный облик семьи, ее постепенного обнищания. Рассказывая об аукционе, Пушкин указывает, сколько денег осталось у Марьи (23 талера), но нигде не представляет цепу проданных вещей, заменяя ее звездочками. При доработке повести их место должно было занять количество талеров, которое там, где происходило действие повести, и именно в то время могла стоять та или иная вещь. Для изображения быта немецких ремесленников конца XVIII в.

¹⁰ Лежнев А. Проза Пушкина, с. 196—198.

Пушкину, по-видимому, не хватало реалий. Не исключено, что, написав сцену аукциона, он понял, что для правдивого изображения чуждого по духу и времени быта ему еще не раз придется встретиться с подобными препонами. Однако шаг к психологической прозе Толстого и Достоевского был им уже сделан.

Я. Л. Левкович

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

И. К творческой истории элегии «Сожженное письмо»

«Сожженное письмо» написано в Михайловском в конце 1824—начале 1825 г. Оба известных автографа элегии — перебеленный и беловой — относятся к заключительной стадии работы над текстом.¹ Однако еще П. В. Анненков² справедливо поставил в связь с «Сожженным письмом» запись, обнаруженную им в рабочей тетради Пушкина (ПД, № 835): «5 сентября 1824 u. l. d. [E. W.]».³ В настоящее время общепризнано, что запись эта — памятная заметка о получении письма от Е. К. Воронцовой и что «Сожженное письмо» входит в длинный ряд стихов Пушкина, связанных с ее именем.

Несомненная связь «Сожженного письма» с реальными событиями жизни Пушкина⁴ заслонила от исследователей элегии другой важный момент, который проявляется при изучении второй масонской тетради. Заметка о письме от Воронцовой соседствует здесь, на л. 11 об., с черновиками XXXII строфы третьей главы «Евгения Онегина», строфы, где Татьяна изображена с оконченным письмом к Онегину в руке. А записанному в той же рабочей тетради перебеленному автографу «Сожженного письма» предшествует набросок XV строфы четвертой главы романа в стихах — фрагмент отповеди Онегина Татьяне. Этот двойной параллелизм наводит на мысль о существовании известной связи между темой (письмо влюблен-

¹ Перебеленный автограф находится в составе рабочей тетради (ПД, № 835 (вторая масонская), л. 51) и по положению в ней может быть твердо датирован декабром 1824 г., а с известной долей допущения — второй половиной этого месяца. Беловой автограф известен ныне лишь по фотокопии, восходящей к утраченной Капнистовской тетради, и, по убедительному соображению Б. В. Томашевского (см.: Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 854—855, 858), относится к середине марта 1825 г.

² Анненков П. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 282; историю расшифровки и толкования записи см. в кн.: Рукою Пушкина. М.—Л., 1935, с. 301—302.

³ Цитируем по большому академическому изданию (VI, 322), где текст записи уточнен Б. В. Томашевским.

⁴ Об этом прямо свидетельствует записанный П. В. Анненковым рассказ О. С. Павличевой (см.: Анненков П. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, с. 282).

ной барышни к разочарованному денди), которая развивалась в романе, и создававшейся в то же время элегией. Психологическая ситуация, изображенная в «Онегине», резко контрастирует с коллизией «Сожженного письма», где «письмо любви» получает влюбленный. Но независимо от типа связи между ними работа над «Евгением Онегиным» могла осенью 1824 г. оказаться тем творческим контекстом, который в декабре стимулировал возвращение поэта к уже набросанной вчерне элегии, а раньше, в сентябре, способствовал, быть может, возникновению и самого замысла стихотворения.⁵

Для будущего историко-литературного комментария к «Сожженному письму» небезынтересно и другое.

Среди произведений французского поэта Клемана Маро (Clément Marot, 1496—1544) есть элегия, написанная по случаю получения первого письма от возлюбленной. Рассказ о восторгах, которыми поделилось оно поэта, сменяется описанием горестных чувств: по воле красавицы письмо должно быть сожжено. Маро повествует о своих сомнениях и колебаниях: «Несколько раз подносил я его к огню, || Чтобы сжечь, потом стремительно удалял его оттуда, || Потом снова приближал его к пламени и опять отводил назад. || Но, наконец, с сожалением сжег его, || Промолвив: „Письмо (прежде я поцеловал его), || Раз она этого желает, ты будешь сожжено <..> || Вот как превратилось в золу и пепел || Величайшее блаженство, когда-нибудь выпадавшее мне на долю“» («Aucunefoys au feu je la boutoye || Pour la brusler: puis soudain l'en ostoye, || Puis l'y remis, et puis l'en recullay. || Mais à la fin, à regret. la bruslay || En disant: „Lettre (après l'avoir baisée), || Puisqu'il luy plaist, tu seras embrasée <..> || Voylà comment pouldre et cendre devint || L'ayse plus grand' qu'à moy onques advint“»). Доложив даме об исполнении ее воли, поэт заверяет: «Но если я снова получу от вас письмо, || То, чтобы его сжечь, его надо будет лишь положить || Подле моего сердца; там оно найдет || Огня довольно и пусть испытает, || Сколь испепеляюще любовное пламя...» («Mais si de vous j'ay encor quelque lettre, || Pour la brusler ne la faudra que mettre || Près de mon cueur; là elle trouvera || Du feu assez, et si esprouvera || Combien ardente est l'amoureuse flamme»).⁶

К XVI элегии Маро внимание Пушкина мог привлечь Лагарп. Его известный труд «Лицей, или Курс древней и новой литературы» был принят

⁵ С «Сожженным письмом» может быть гипотетически поставлен в связь еще один набросок, следующий в тетради ПД, № 835 (л. 51) непосредственно за перебеленным автографом элегии. Это два стиха — «Так <проб.> слезами || Пылая капает сургуч» (II, 473), — которые были, по-видимому, «заготовкой впрок», закрепляющей художественно-поэтический образ, навеянный работой над «Сожженным письмом». Достоин внимания, что набросок сделан не шестистопным, как элегия, а четырехстопным ямбом.

⁶ Французский текст элегии Маро см. в издании, сохранившемся в библиотеке Пушкина: Marot Clément. Oeuvres complètes, v. 2. Paris, MDCCCXXIV, p. 260—266 (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, № 1138; не разрезано); вольный русский перевод начала стихотворения, местами приближенный к Пушкину, — в кн.: Французские поэты. Характеристики и переводы. Сост. С. Пинус, вып. II. СПб., 1914, с. 216—217.

в Царскоесельском Лицее в качестве обязательного пособия и навсегда сохранил авторитет в глазах Пушкина. Говоря о Маро, Лагарп особо останавливается на интересующей нас элегии. В его освещении этот эпизод жизни и творчества Маро приобретал тем больший интерес, что критик полагал, будто под условным именем Анны, которой адресовано стихотворение, Маро — камердинер Маргариты Наваррской — обращался к самой королеве. Коснувшись того, что мы назвали бы сейчас автобиографической основой элегии, Лагарп замечает далее о Маро: «Он описывает с трогательной правдивостью сожаление, которое он испытал, и усилие, которое совершил над собой, бросая это письмо в огонь». Автор «Лицея» не только цитирует сердцевину стихотворения — описание горестных колебаний поэта и обращение его к письму, предшествующее акту сожжения. Он расценивает это описание как мастерское и новаторское для поэзии своего времени, прибавляя: «Лафонтен, который много читал Маро, как видно, имитировал картину, прошедшую только что перед нашим взором, в <...> одной из своих лучших басен»⁷ (следует цитата из басни «Кот и старая крыса»).

Усердный читатель Лагарпа, Пушкин вряд ли мог не заметить этот фрагмент, не просто привлекающий внимание к элегии Маро, но обнаруживающий в ней поэтические находки, не прошедшие бесследно для французской литературы. Заинтересованный характеристикой Лагарпа, Пушкин, по-видимому, обратился от него непосредственно к самому Маро и прочел его стихи целиком. Думается, что текст «Сожженного письма» свидетельствует в пользу такого предположения. Уже С. Пивус — первый (и до сих пор единственный) переводчик XVI элегии Маро на русский язык — снабдил свой перевод примечанием: «Ср. „Сожженное письмо“ А. Пушкина».⁸ Однако наблюдение это прошло мимо внимания пушкинистов.

Поэзия Маро вошла в творческое сознание Пушкина в лицейские годы. В майском номере «Российского музеума» за 1815 г. появился пушкинский «Старик» — перевод эпиграммы Маро «De soy mesme» («О себе самом»). Впоследствии «Старик» оказался среди лицейских стихотворений, переработанных Пушкиным в 1817—1825 гг.⁹ Мнение Б. В. Томашевского о степени знакомства Пушкина с творчеством Маро, выраженное в статье «Пушкин и французская литература» (1937), не лишено известной противоречивости. С одной стороны, ученый писал, что в 1810—1820-х гг. Пушкин «переводит поэтов, входящих, так сказать, в его поэтический обиход, поэтов, которых он любил и которым подражал». С другой же стороны, имея в виду историко-литературные наброски Пушкина 1830-х гг., Томашевский замечал о «Старике»: «Этот перевод не свидетельствует о большом знакомстве с творчеством Маро, так как иначе вряд ли Пушкин воспроизводил бы

⁷ Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Par J. F. Laharpe, t. 4. Paris, 1817, p. 221—222.

⁸ Французские поэты. Характеристики и переводы, вып. II, с. 217.

⁹ См. комментарий Л. Н. Майкова в кн.: Соч. Пушкина. Изд. имп. АН, т. I. СПб., 1900, с. 131—133. Ср.: Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, с. 317, 322—323.

стихи Буало о его триолетах. Речь может идти лишь о знакомстве Пушкина с эпиграммами Маро, а возможности этого знакомства не следует преуменьшать «...» маротический стиль и вместе с тем имя Маро были популярными в начале XIX в., и если Пушкин и не изучал углубленно Маро, то из поэтов XVI в. он был ему известен лучше других».¹⁰ Как мы полагаем, факт знакомства русского поэта с XVI элегией Маро позволяет внести в эти представления некоторые коррективы.

В выборе объекта пушкинского лицейского перевода как нельзя более сказалась традиционная репутация Маро. XVIII в. видел в нем мастера малых лирических жанров по преимуществу, причем особым вниманием пользовалась эпиграмма Маро. Стиль поэзии Маро, отмеченный остроумным изяществом, легкостью, новеллистической увлекательностью, стиль, явившийся в XVI в. новаторским завоеванием французской поэзии, в XVII—XVIII вв. обрел новую жизнь в творчестве таких последователей Маро, как Ж. Лафонтен и Ж. Б. Руссо. В новую литературную эпоху «маротический» стиль означил собою тенденцию к архаизации поэтического языка, к соединению в нем наивной иронии и изящества, гармонической ясности и точности выражений.

Неудивительно поэтому, что следы интереса Пушкина к «маротической» поэзии вновь обнаруживаются на грани 1824—1825 гг., когда обращения его к жанру эпиграммы участились, а его эпиграмматические опыты отмечены рядом новых признаков. «Около 1825 г., — писал Б. В. Томашевский, — под влиянием Ж. Б. Руссо и русских эпиграмм Баратынского Пушкин меняет свою эпиграмматическую манеру. Вместо коротких эпиграмм, построенных на одном остром слове, Пушкин пишет развитые эпиграммы, содержащие краткое повествование, в которых остроумие заключается в самом рассказе и комическом тоне».¹¹ Размышляя о возможностях и разновидностях жанра, Пушкин различает эпиграммы «антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть», «Маротическую, в которой сжимается живой рассказ», и «ту, которую Буало определяет словами: *Un bon mot de deux rimes orné*» (XI, 64).

Приведенный фрагмент, исключенный Пушкиным из окончательной редакции «Отрывков из писем, мыслей и замечаний», возник осенью 1827 г. Но черновой текст его (см. XI, 333) отчетливо показывает, что в работе над этим наброском Пушкин отталкивался от более раннего текста собственной маргиналии на второй части «Опытов» Батюшкова (XII, 279). Это позволяет уверенно считать, что о видах эпиграммы Пушкин думал еще в Михайловском, осмысляя, в частности, разные модификации жанра в связи с возможностями их перевода.

Создание «Сожженного письма» — свидетельство того, что в середине 1820-х гг. знакомство Пушкина с поэтическим наследием Маро не ограничивалось эпиграммами. От своего литературного праобраза элегия Пушкина унаследовала немало. К Маро восходят ее тема (сожжение письма возлюбленной во исполнение ее воли), главная поэтическая идея (изображе-

¹⁰ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 76, 100—101.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6-ти тт. (Приложение к журналу «Красная Нива»), т. 6. Путеводитель по Пушкину. М.—Л., 1934, с. 388.

ние горестных переживаний поэта, вынужденного «предать огню все радости» своей) и связанная с нею психологическая насыщенность. Более того: в обоих случаях лирическое излияние поэта включает обращение к «письму любви», предшествующее его сожжению, рассказ о «радостях», которые принесло с собой послание возлюбленной, о долгих сомнениях и колебаниях, пережитых влюбленным, о горести его, сопутствовавшей превращению заветных листов в пепел. Элегию Пушкина сближает с элегией Маро легко различимая в обоих случаях автобиографическая основа. И там, и тут она заявляет о себе неповторимыми индивидуальными приметам, сообщая двум столь различным стихотворениям оттенки особой психологической достоверности. Замысел «Сожженного письма» и родился на скрещении двух творческих стимулов, один из которых шел от конкретной жизненной ситуации, выявившей свое поэтическое содержание на фоне работы над «Онегиным», а другой — от литературного образца, возникшего тремя веками ранее при сходных обстоятельствах.

Не менее существенны, однако, различия между двумя элегиями, памятниками двух различных стадий литературного развития. Мотив, возведенный Пушкиным до роли сюжетообразующего, — один из многих мотивов, различных в элегии Маро. В отличие от «Сожженного письма» стихотворение Маро — искусное риторическое построение. События, о которых повествует поэт, — в прошлом; сложные психологические переживания разум его соразмерил с жизненным опытом, ввел как яркий, но частный, заверченный эпизод в послание к Анне. Поэтическая находка Маро, которую в свое время подчеркнул Лагарп, заключалась в изображении колебаний как особого, дышащего во времени психологического состояния. У русского поэта этот момент медлительной нерешительности стал лишь отправной точкой сюжетного движения. Читателю Пушкина дано присутствовать при сожжении письма, участвовать в сокровенных движениях души поэта. Его речь обращена не вовне, не к читателю и даже не к возлюбленной. Все его помыслы устремлены к «письму любви». Поэт прощается с письмом, шаг за шагом следит за его уничтожением, вновь взывает к нему, ставшему легким пеплом. Искусство построения «Сожженного письма» в том, что при гармонической завершенности элегии ее последний стих — единственный не имеющий рифмы в ряду александрийских двустиший парной рифмовки — воспринимается скорее как прерывающий, чем как замыкающий тематическое развитие. В Капнистовской тетради Пушкин снабдил «Сожженное письмо» подзаголовком («отрывок») и пометой «Поместить в элегиях» (II, 922, 1154). Поэтика стихотворения подсказывает вывод, что эти определения представляют собой две разные характеристики его жанра.

II. Пушкин, Бульвер-Литтон и Бальзак

(К интерпретации мотива безумия в «Медном всаднике»)

Мотив безумия принадлежит к числу определяющих в поэтической системе «Медного всадника». И удельный вес этого мотива в литературной проблематике эпохи, и особая значимость его в идейно-художествен-

ной структуре «петербургской повести» издавна привлекали к нему внимание исследователей.¹ Как в направлении разработки темы, так и в понимании наиболее важных и принципиальных ее сторон большинство ученых ныне единодушны. Однако отдельные фазы в сюжетном развитии мотива безумия (а здесь нет ничего случайного или второстепенного) и сейчас вызывают различные, а иногда и взаимоисключающие трактовки. Так, все согласны в том, что разум оставил бедного Евгения: «его смятенный ум || Против ужасных потрясений || Не устоял» (V, 145). Но бунт героя, знаменитое «Ужо тебе» и предшествующее протрезвление рассудка («Прояснились || В нем страшно мысли» — V, 147) послужили поводом для возникновения разных толкований. Одна точка зрения ясно выражена Н. В. Измайловым, который считает, что из «нечеловеческого состояния» Евгения «выводит одно, казалось бы незначашее, обстоятельство: произвольное возвращение на то же место, где в день наводнения он провел мучительные часы», и новая встреча — снова один на один — со «строителем чудотворным». «Этой встречи достаточно, чтобы у безумца, который „вспомнил живо“ „прошлый ужас“, на несколько мгновений прояснилось сознание и он вновь обрел и способность рассуждать, и враждебное чувство, желание воездия тому, на кого он еще в первую встречу, в день наводнения, стал смотреть как на виновника бедствия».² Но существует и другая точка зрения, выраженная в недавнее время со всей остротой И. М. Тойбиным, который осмыслил вспышку сознания у «бедного безумца» на фоне характерных для эпохи романтических трактовок темы. Он пишет: «Речь идет о прозрении, о состоянии духа, в котором человеку открывается нечто такое, чего не видят другие... состояние общего напряжения достигает апогея, оно переходит предел, и тогда наступает вспышка: „прояснились в нем страшно мысли“. Следует, как видно, согласиться с мнением П. Антокольского о том, что здесь мы имеем дело с „безумием“ совершенно особого рода».³ Подобная трактовка должна повлечь за собой существенное переосмысление кульминации второй части поэмы и не может не отразиться на восприятии «Медного всадника» в целом. Более того, для творчества Пушкина 1830-х гг. романтическая интерпретация психических состояний — случай столь исключительный, что, приняв эту точку зрения, мы неизбежно должны были бы внести коррективы в принятые представления о поэтике зрелого Пушкина.

Думается, однако, что охарактеризованный Тойбиным комплекс идей, свойственных романтическим трактовкам темы безумия, не имеет к «Медному всаднику» прямого отношения и что литературный контекст поэмы иной. Для понимания интересующего нас мотива «прозрения» безумца небезынтересны, в частности, два произведения западноевропейской лите-

¹ См.: Макаровская Г. В. «Медный всадник». Итоги и проблемы изучения. Саратов, 1978, с. 35 и др.

² Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978, с. 263.

³ Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976, с. 169. Ср.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 348—351 и след.

ратуры, одно из которых — роман Э. Бульвера-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена» (1828) — хорошо известно по его разнообразным и плодотворным отражениям в творчестве Пушкина, другое — повесть О. Бальзака «Прощай!» (1830) — никогда к сопоставлению с Пушкиным не привлекалось и мы не располагаем свидетельствами о том, было ли оно известно русскому поэту.⁴

В романе Бульвера-Литтона тема безумия возникает во вставной повелле — жизненной истории лорда Гленвила, друга героя (глава LXXIV). В отсутствие Гленвила душевное потрясение лишает его возлюбленную рассудка. По возвращении любовника Гертруда не узнает его, и все его старания, все попытки лучших врачей Англии вернуть ей разум остаются тщетными. Доктор, который «больше чем другие разбирался в таинственных проявлениях этой ужасной болезни», посоветовал увезти больную туда, где протекало ее раннее детство, так мотивировав свой совет: «...я замечал, что зачастую душевнобольные легче припоминают места, чем людей. Может быть, если удастся оживить одно звено в цепи, оно потянет за собою и другие».⁵ Опыт частично удался: в тщательно воссозданной обстановке ее девичьей комнаты рассудок Гертруды пробуждается к жизни, но, не в силах перенести сознание всей глубины своего несчастья, она умирает.

Трудно сказать, возникла ли повесть «Прощай!» вполне независимо от опыта английского романиста: темы и мотивы «Пелэма» всплывают и в других произведениях Бальзака начала 1830-х гг. (в «Красной гостинице», например, которая, как и «Прощай!», впоследствии была включена автором в «Философские этюды»). В повести «Прощай!» тема безумия выступает как сюжетообразующее начало. Графиня де Вандьер, юная жена французского генерала, сопровождавшая мужа при походе в Россию, в момент переправы через Березину под влиянием трагической личной коллизии сходит с ума. Через несколько лет вернувшийся из плена барон де Сюси находит безумную на попечении ее дяди, врача. Она не узнает своего бывшего любовника, и после ряда бесплодных попыток оживить ее ум тот решил предпринять «необычайно сложный опыт». В своем поместье он воссоздал пейзаж и обстановку, которые окружали графиню в день катастрофы. По совету врача, больную во сне перевезли в «эту искусственно созданную копию долины Березины»,⁶ где она проснулась в походной карете под грохот снарядов и вопли переодетых крестьян, участвующих в инсценировке. Сознание возвратилось к ней, но лишь для того, чтобы, узнав возлюбленного, графиня бросилась в его объятия и умерла.

⁴ Повесть напечатана впервые в газете «La Mode» (1830, 15 мая и 5 июня). В 1832 г. под названием «Долг женщины» она вошла во второе издание «Сцен частной жизни». Внимание русского читателя повесть привлекла жизненным материалом: завязка трагических ее событий происходит в ноябре 1812 г., при переправе остатков наполеоновской армии через Березину. Первый русский перевод, появившийся в конце 1832 г. («Телескоп», 1832, № 18—20), так и назывался: «Переправа через Березину».

⁵ Бульвер-Литтон. Пелэм, или Приключения джентльмена. М., 1958, с. 468.

⁶ Бальзак О. Собр. соч. в 24 томах, т. 19. М., 1960, с. 141—144.

Нетрудно заметить то общее, что связывает приведенные эпизоды из «Пелэма» и «Прощай!». И там, и тут прояснение сознания безумных героинь искусственно стимулируется с помощью воспроизведения картин их прошлого: обстановки девичьей комнаты в одном случае, декорации, на фоне которой разверзлась гибельная катастрофа, — в другом. Та же логика и последовательность событий и у Пушкина в «Медном всаднике», — с той разницей, что бедный Евгений предоставлен в своем несчастье на волю судьбы: лишенный крова над головой, «он спал || У Невской пристани» и проснулся в момент, когда сама природа инсценировала для него обстановку дня крушения его надежд. Петербургская осень, дождь, ветер, мрачный ропот Невы... Но этого мало: в беспечном блуждании герой случайно оказывается под портиком «большого дома», у сторожевых львов. И, как в ту страшную ночь, перед ним маячит в вышине бронзовый кумир. — «Евгений вздрогнул. Прояснились || В нем страшно мысли» (V, 147).⁷

Что́ перед нами — цепь взаимосвязанных литературных явлений или сходство описаний, восходящее к методам медицинской практики 1820—1830-х гг? Как бы то ни было, стихи Пушкина воссоздают симптомы душевного недуга и обстоятельства, при которых вновь оживает парализованное сознание, ничуть не менее точно, чем проза его западных современников. Тема безумия трактована в «Медном всаднике» строго реалистически. Не экзотический бред провидца и прорицателя, а бессильные, но тяжко выстраданные и вполне осознанные проклятия несчастного человека звучат у подножия кумира. И если последний взрыв отчаяния бедняка стал средоточием высшего, философского смысла поэмы, то достигается это не за счет разбухания отдельного мотива (как ни важен он для целого), а благодаря сложному его взаимодействию с другими компонентами авторского замысла, выраженными фабульными и внефабульными средствами.

Н. Н. Петрунина

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ГИПЕРБАТ У ПУШКИНА

(К тексту стихотворения «Безверие»)

Автограф лицейского стихотворения Пушкина «Безверие» не сохранился. Оно дошло до нас в двух рукописных редакциях. Первоначальная редакция, в которой это стихотворение было прочитано автором на лицейском выпускном экзамене 17 мая 1817 г., представлена единственным списком,¹ сделанным рукой неизвестного лицейста и содержащим беглую авторскую правку. Вторая редакция, известная по ряду списков, в том

⁷ Ср. у Бальзака: «Судорожная дрожь пробежала с ног до головы по ее телу <...> Она жила, она мыслила! Она содрогнулась — от ужаса, быть может» (там же, с. 144).

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 829, н. № 53—55.

числе по одному списку, сделанному рукой Василия Львовича Пушкина,² дает несколько сокращенный текст, который воспроизведен и в первой печатной публикации стихотворения.³ Характер внесенных в этой редакции изменений достаточно ясен: они направлены к устранению чрезмерной риторической амплификации, которая была допущена первоначально автором в этом стихотворении, написанном, как есть основание предположить, на заданную тему.⁴ Наряду с другими сокращениями исключены стихи 61—65. В качестве первоначальной редакции они даны в большом академическом собрании сочинений Пушкина (I, 244—245) в основном тексте, без указания в критическом аппарате на то, что в послужившем их источником списке они вычеркнуты Пушкиным — в соответствии с более поздней печатной редакцией, выработанной, очевидно, им самим при участии Василия Львовича. Важнее, однако, другое: вместе с устраненным в печати текстом лицейского списка собрание сочинений сохраняет и содержащуюся в нем явную ошибку переписчика. Представляется невероятным, чтобы, читая свое стихотворение 17 мая 1817 г., Пушкин мог произнести:

Он плачет — но не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей,
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья —

с нарушением синтаксического согласования, вместо:

Он плачет — но не тех потоки слез лиются и т. д. —

с вполне обычным в языке Пушкина гипербатом.⁵

² Там же, оп. 4, № 48.

³ Труды общества любителей российской словесности при Московском университете, 1818, ч. X, кн. 16, с. 58—61. — «Безверие» было представлено в это издание В. Л. Пушкиным.

⁴ Ср. суровый отзыв Белинского: «„Безверие“ — дидактическая пьеса, которые сотнями писались в блаженное старое время: риторические распространения какой-нибудь темы плохими стихами» (Белинский В. Г. Полное собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 275).

⁵ Приведем несколько примеров.
«Вишня», 83—84:

В любви ожиданий
Супругам венец

(= в любви венец ожиданий супругам);

«Деревня», 60—61:

И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

(= и взойдет ли наконец над отечеством прекрасная заря просвещенной свободы?);

«Евгений Онегин», II, 6:

Он из Германии туманной
Привез учености плоды

Вместе с тем естественно, что, вычеркивая весь пассаж, в котором говорится о потоках слез, Пушкин либо проглядел, либо счел излишним исправлять содержащийся в вычеркиваемом тексте пропуск двух букв: тѣ вместо тѣхъ.

Добавим и общий вывод из рассмотрения лицейского списка: редакторская обработка «Безверия» в первопечатном тексте 1818 г. была авторизована самим Пушкиным.

Я. М. Воровский

ПУШКИН И П. А. ОЛЕНИН

Тема «Пушкин в Тверском крае» давно привлекает внимание исследователей. Авторы многих работ последних лет, говоря о пребывании Пушкина в Торжке, непременно стали упоминать новое лицо — П. А. Оленина, с которым поэт будто бы там общался, более того, даже останавливался у него в доме.¹

С семьей А. Н. Оленина, отца Петра Алексеевича, Пушкин познакомился после окончания Лицея. В петербургском доме Олениных на Фонтанке и на даче в Приютино в то время собирались многие известные литераторы, художники, актеры, музыканты... Здесь Пушкин встречался с Гнедичем, Крыловым, Жуковским, познакомился с Ф. П. Толстым, М. П. Бестужевым-Рюминым и другими членами тайного общества декабристов.

По возвращении в Петербург из ссылки, в 1827 г., Пушкин возобновил свои связи с Олениными. Он часто навязал в Приютино, увлекся млад-

(=он из Германии привез плоды туманной учености);
«Медный всадник», 193—196:

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

(=и куда во всю ночь ни обращал стопы бедный безумец, за ним и т. д.; запятая после «бедный» в Акад. — ошибка);
«Цыганы», 215—216:

И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости

(=и смертью не успокоенные гости чуждой сей земли).

Особенно смелый пример гипербата мы находим в самом стихотворении «Безверие», 98:

Страстей бунтующих в смиренной тишине —

что означает «в смиренной тишине (т. е. молчании) бунтующих страстей».

¹ См., например: Суслов А. Торжок и его окрестности. М., 1970; Пьянов А., Ильин М. Пушкинские места Верхневолжья. М., 1971; Керелли Л. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976, и др.

шей дочерью Алексея Николаевича — Анной, участвовал в дружеских пирушках в компании сына Олениных — Алексея.² О связях, дружбе или хотя бы знакомстве со старшим сыном Олениных, Петром, в петербургский период жизни поэта нам почти ничего не известно. Мы знаем лишь, что 6 февраля 1833 г. и Пушкин, и Петр Оленин были на похоронах Н. И. Гнедича.³

П. А. Оленин (1794⁴—1868) родился в Петербурге и вскоре был записан в Семеновский полк. В марте 1812 г., когда лицеисты восторженно и с завистью провожали проходившую через Царское Село гвардию, семнадцатилетний прапорщик Петр Оленин и его старший брат Николай находились в рядах Семеновского полка. Детство Петра прошло в доме, где «предметы литературы и искусства занимали и оживляли разговор». Крылов и Гнедич, Капнист и Озеров, Батюшков и Марин — члены раннего кружка, собиравшегося в доме А. Н. Оленина. После Отечественной войны и заграничного похода дом Олениных посещали братья Бестужевы, Муравьевы, Муравьевы-Апостолы, С. Волконский и другие члены тайных обществ, в одно из которых входил и младший сын Олениных — Алексей.

После раскассирования Семеновского полка в 1820 г. Петр Оленин был переведен в лейб-гвардии егерский полк, а с 1824 г. он служил в Корпусе инженеров путей сообщения. Новая должность была связана с частыми разъездами по различным губерниям России. В 1830 г., с назначением Оленина командующим бригадой военно-рабочих батальона путей сообщения, служба привела его в Торжок.

В публикациях о пребывании Пушкина в Торжке все авторы обязательно отмечают, что Пушкин и П. Оленин встречались в этом городе, и указывают даже точный адрес: деревянный дом на Ямской (ныне — ул. Дзержинского). «Во время остановок в Торжке „Старый дом“ посещал А. С. Пушкин. Гостеприимные хозяева радушно встречали дорогого гостя, ставили самовар», — сообщает А. Суслов.⁵ «Останавливаясь в Торжке, поэт часто заходил в этот гостеприимный дом», — повторяет другой автор.⁶

А. Пьянов и М. Ильин считают, что Пушкин не только забегал в гости к Оленину: «В этом доме, принадлежавшем П. А. Оленину, останавливался Пушкин, проезжая Торжок».⁷ Правда, в других изданиях один из авторов этих строк проявил некоторую осторожность в отношении проживания Пушкина у Оленина, но по-прежнему уверен, что П. Оленин жил в Торжке на Ямской: «Некогда этот одноэтажный деревянный особняк принадлежал родственникам <...> А. Н. Оленина. Сюда часто наезжал, а затем окончательно поселился его сын Петр Оленин, хороший знакомый Пушкина <...>

² Подробно об этом см.: Прийма Ф. Я. Пушкин и кружок Оленина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 2. М.—Л., 1958, с. 229—246. Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной. — Там же, с. 247—292.

³ См.: Прийма Ф. Я. Пушкин и кружок Оленина, с. 245. См. также: ГПБ, ф. 777, № 2544.

⁴ Год рождения П. А. Оленина здесь указан по уточненным данным (обычно ошибочно указывается 1793 г.).

⁵ Суслов А. Торжок и его окрестности, с. 9.

⁶ Шантаева Л. Н. Пушкин и Тверской край. Калинин, 1971, с. [8].

⁷ Пьянов А., Ильин М. Пушкинские места Верхневолжья, с. 42.

Конечно, бывая в Торжке, Пушкин не мог миновать этот дом. Он часто навещал своих друзей».⁸

Весь объем сведений о встречах П. Оленина с Пушкиным в Торжке и о месте жительства Олениных не выходит за рамки вышеприведенных цитат. Никто из авторов не сообщает, когда конкретно и как часто встречались они в Торжке, через который Пушкину довелось проехать более двадцати раз. Умалчивается о том, когда Оленин стал хозяином дома на Ямской и кому он принадлежал раньше.

Л. Керцелли в книге «Тверской край в рисунках Пушкина» посвятила взаимоотношениям Пушкина и Олениных целую главу, но весь рассказ касается Петербурга. О встречах в Торжке снова мы не находим ничего конкретного, разве что появляются объяснения, как П. Оленин стал хозяином дома на Ямской. Отмечая, что Пушкин неоднократно проезжал через Торжок в 1829 г., автор далее пишет: «А в Торжке уже к этому времени собирался осесть сын Оленина — Петр Алексеевич, женившийся вскоре на дочери Новоторжского уездного предводителя дворянства С. Д. Львова — Марии Сергеевне... Татьяна Петровна Львова (жена С. Д. Львова, — Л. Т.) передала своей дочери Марии Сергеевне и зятю Петру Алексеевичу дом в Торжке на Ямской улице. После выхода в начале 1833 г. в отставку генерал-майор П. А. Оленин окончательно поселяется в нем вместе с семьей. И здесь, в этом доме, по стойко живущим преданиям и воспоминаниям потомков Олениных-Львовых, приятеля молодости своей не раз навещал, проезжая через Торжок, Пушкин».⁹

Итак, один источник указан: предания и воспоминания потомков. К ним мы еще вернемся, а пока обратимся к источникам, которые до сих пор остались вне поля зрения исследователей. Это — письма Олениных. Сохранились письма А. Н. Оленина и его жены, Елизаветы Марковны, к Петру, также несколько писем Олениных к родственникам. Часть этих писем, которая впервые вводится в оборот в данной статье, позволяет многое уточнить и обосновать в теме «Пушкин и Оленины в Тверском крае». К сожалению, отсутствуют письма Петра к родителям, а они бы могли дать дополнительный материал о жизни семьи П. А. Оленина в Новоторжском уезде.

Письма А. Н. и Е. М. Олениных к сыну и его жене оказались в трех государственных хранилищах. Изучение содержания их в совокупности с другими материалами позволяет предположить, что до нас дошли все письма Олениных к сыну. Первое письмо в Торжок было написано в сентябре 1830 г., второе — в октябре. Из второго письма мы узнаем о предстоящей женитьбе Петра Алексеевича на Марии Сергеевне Львовай: «Милостивая государыня Марья Сергеевна. Не смею еще вас иначе называть, но горю нетерпением оставить все формы, которые только охлаждают родственные и дружеские связи <...> Не ложная дошла до нас молва о будущей моей новой дочери! Милой моей невестке! Мы уверены в бу-

⁸ Пьянов А. «Берег, милый для меня». М., 1974, с. 73. См. также: По пушкинским местам Верхневолжья. Туристская схема. Текст А. Пьянова. М., 1975; Пьянов А. «По гордым Волжским берегам...». М., 1977.

⁹ Керцелли Л. Тверской край в рисунках Пушкина, с. 170—171.

дущем счастье доброго нашего сына Петра. Да благословит бог скорейшее совершение желаемого и нами союза, чтоб скорее мне видеть и обнять новое мое дитя, новую мою дочь!».¹⁰

Утверждать, что П. Оленин собирался осесть в Торжке в 1829 г., нет оснований. Поздней осенью 1830 г. становится известно только о желании Петра Алексеевича жениться на М. С. Львовой, которая жила в Митине — усадьбе Львовых под Торжком. Именно к этому времени относится помолвка, о чем мы узнаем из письма Ф. П. Полторацкой (родственницы Олениных и Львовых) к Марье Сергеевне от 16 октября 1830 г.: «Поздравляю тебя, моя бесценная Мама, с переменной судьбы твоей! Наслышались от брата Петра Марковича» с самой выгодной стороны о редких качествах Петра Алексеевича, я восхищаюсь, мой ангел, что бог благословил тебя принадлежать столь достойному человеку <...> Поздравляю и тебя, моя дорогая Лиза, с помолвкой милой нашей Маши <...> Но когда будет свадьба?».¹¹

А в Митине в это время готовились к устройству сразу двух свадеб, и обе они состоялись одновременно. Когда? Об этом мы узнаем из письма А. А. Оленина двоюродному брату П. Н. Безобразову от 5 января 1831 г.: «Завтра поспеваю в Митино и Торжок на свадьбу брата П. А., назначенную 9-го, а я прошу 11-го. Милая будет у нас невестка Марья Сергеевна. Другая сестра Елизавета» Сергеевна помолвлена за Дальгейма, брата Дьяковой, улканского» офицера. Он идет в поход. Тяжело бедной Татьяне Петровне со многими людьми вдруг расставаться».¹²

В 1831—1832 гг. в Торжок было написано по одному письму: в январе 1831 г. и 8 июля 1832 г. Это можно объяснить отсутствием молодой четы в Торжке, так как 3 февраля 1831 г. она приехала в Петербург, о чем было объявлено в «Санктпетербургских ведомостях». По объявлению этой газеты получается, что в Петербурге П. Оленин долго не задерживался: в течение года после приезда он побывал четыре раза в Москве, дважды в разных губерниях, в Нарве... Только 27 или 28 мая 1832 г. он выехал в Торжок, но 17 или 18 сентября снова возвратился в столицу.

После женитьбы и рождения первой дочери в феврале 1832 г. П. Оленин все чаще стал задумываться об отставке и поэтому не раз обращался к отцу за советом, который 8 июля 1832 г. писал сыну: «Итак еще раз извини, что не отвечал на твое «одно слово нрзб.» просьбу, на которую скажу коротко и ясно следующее: мы не требуем, чтобы ты оставался в службе, но желали бы только, чтобы ты достиг генеральского чина не из тщеславия, а из твоей собственной, по нашему мнению, пользы. Теперь по новому положению можно занимать с «три слова нрзб.» губернскую службу. Для чего тебе там не служить близ нашего имения...».¹³

П. Оленин не внял советам отца и в январе 1833 г. вышел в отставку, но с мундиром и получением очередного чина — генерал-майора.¹⁴

¹⁰ Касимовский краеведческий музей Ф. Олениных, л. 7.

¹¹ ИРЛИ, Бумаги А. П. Керн. 27236/СХСУ6.47.

¹² ИРЛИ. 10069/ЛХ6.19.

¹³ ПГАЛИ, ф. 1124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5.

¹⁴ Русский биографический словарь, т. 13. СПб., 1913, с. 224.

В Торжок Оленин возвращается только в июне 1833 г., может быть и чуть позже, судя по содержанию письма Алексея Николаевича сыну от 8 июля: «А мы остались в большом одиночестве. Варинька уехала. Ты с доброю своею Машею уехал. И Алексей и Александрина уехали».¹⁵

С этого времени Петр Оленин живет в Тверском крае постоянно, временами выезжая ненадолго в Петербург, Москву.

Когда же могли встретиться Пушкин и П. Оленин в Торжке? Сопоставляя известные данные о проездах через Торжок Пушкина с данными, полученными в результате анализа писем А. Н. Оленина к сыну и невестке и объявлений в «Санктпетербургских ведомостях», можно утверждать, что Пушкин и П. Оленин находились в Новоторжском уезде одновременно пять раз: 19—20 июля 1833 г., когда Пушкин пробыл в Торжке два дня, в июле и октябре 1834 г. и дважды — в мае 1836 г., когда Пушкин в последний раз проезжал через столь милый его сердцу Торжок. Был случай, когда Пушкин и Оленин могли встретиться на Московском тракте у Торжка: 13 мая 1831 г. Оленин отправился из Петербурга в Москву, а, по-видимому, 15 мая ему навстречу выехал из Москвы Пушкин с женой, совершавшей свое первое путешествие в столицу, и около Торжка могла произойти встреча. И еще один раз их коляски могли встретиться на старом Петербургско-Московском тракте: 17 сентября 1832 г. Пушкин выехал из Петербурга в Москву, а П. Оленин в этот день или на следующий прибыл в столицу из Торжка. Был, наконец, и такой случай: в 1833 г. Пушкин приехал в Петербург 20 ноября вслед за Олениным, прехавшим накануне.

Остается невыясненным: где все же жил П. А. Оленин с семьей? Действительно в доме на Ямской или в каком-то другом месте?

Все авторы, говорящие о встречах Пушкина с Олениным в Торжке, не колеблясь поселили его в доме на Ямской без доказательств и ссылок на источники. Один только А. Суслов при этом ссылается на воспоминания М. П. Гортынской.¹⁶ Возможно, что и Л. Керцелли имела в виду эти воспоминания, говоря о преданиях и воспоминаниях потомков.

Мария Петровна Гортынская (1883—1971) была правнучкой П. А. Оленина. Она жила в том самом доме на Ямской и застала в живых Марью Сергеевну, жену П. А. Оленина. Воспоминания она начала писать в 1960-х гг., но пушкинская тема ее тогда почему-то не волновала. В начале 1970-х гг. в этих воспоминаниях появились строки о пребывании Пушкина в гостях у Олениных в доме на Ямской. Вот что пишет Мария Петровна о доме на Ямской и Пушкине: «Я родилась в доме бабушки,¹⁷ в Торжке <...> После смерти мужа бабушка раздала все свои имения детям <...> дом в Торжке — младшей дочери Тане,¹⁸ оставив за собой несколько комнат, где жила очень скромно на небольшую пенсию, получаемую после смерти Петра Алексеевича <...> „Старый дом“ в Торжке на Ям-

¹⁵ ПГАЛИ, ф. 1124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 6. — Это первое письмо в Торжок в 1833 г.

¹⁶ Сусл о в А. Торжок и его окрестности, с. 93.

¹⁷ М. С. Оленина приходится автору воспоминаний прабабушкой.

¹⁸ Татьяне Петровне Олениной, в замужестве Балавенской.

ской улице стоял на тракте Петербург—Москва, по нему проезжал Пушкин, останавливался у бабушки, и она поила его чаем из своего амбирного самовара необычной формы — в виде этрусской вазы с орлиной головой на кране».¹⁹

С. С. Попова (урожденная Балавенская), тоже правнучка П. А. Оленина и троюродная сестра М. П. Гортинской, в 1971 г. на мой вопрос о хозяине дома и пребывании в доме Пушкина ответила: «У нас все считали, что дом принадлежал С. Д. Львову, и он подарил его дочери Татьяне. Мария Сергеевна поселилась в нем у сестры после смерти мужа в отведенных ей комнатах. Татьяна Сергеевна²⁰ потом дом подарила своей племяннице Татьяне Петровне Балавенской,²¹ которую очень любила. О пребывании Пушкина в нашем доме никогда у нас не говорили. Если бы он бывал у нас, я бы знала».²²

Как видим, оба свидетельства потомков П. Оленина оспаривают друг друга, и ни одно из них не имеет документальных подтверждений.

Нам не удалось выяснить, кому принадлежал старый деревянный дом на Ямской в первой трети XIX столетия и позже: Львовым, Полторацким (жена С. Д. Львова — Татьяна Петровна — была из рода Полторацких) или Олениным? Действительно ли Мария Сергеевна поселилась в нем после смерти мужа или жила там и раньше, в 1830-е гг.? Из переписки Олениных конца прошлого века видно, что М. С. Оленина жила в Торжке и в Митине, но это было в конце века. Старожилы до сих пор называют дом на Ямской «домом Олениных и Балавенских», но нас интересует время, когда через Торжок проезжал Пушкин. Где тогда жили Оленины?

Попытаемся разобраться в этом вопросе.

После венчания Оленины пробыли в Торжке или под Торжком около месяца и в феврале 1831 г. уехали в Петербург, а в июне 1832 г. снова возвратились в Торжок. В письме, которое вскоре они получили, нам интересны следующие строки: «Прошу от меня кланяться всеусердно вашим батюшке и магушке в сем Митино». Интересно для нас и приписка Елизаветы Марковны: «Напиши мне, другиня милая Маша, можешь ли ты сделать мне одолжение сварить 2 пуда варенья, а сахар бы тебя попросила взять в Торжке».²³

Нам думается, что письмо было адресовано в Митино, а не в Торжок и Оленины тогда жили в этой усадьбе, расположенной на Тверце возле Торжка.

Усадьба принадлежала С. Д. Львову, отцу Марии Сергеевны и еще восьмерых детей. Она была построена в XVIII в. Часть строений была возведена по проектам замечательного архитектора Н. А. Львова, который был в родстве с хозяином Митина. Добротные усадебные постройки расположились на живописном берегу Тверцы в парке, который переходил

¹⁹ М. П. Гортинская. Воспоминания. Машинописный отпуск, хранится в архиве автора настоящей статьи.

²⁰ Т. С. Львова замужем не была и своей семьи не имела.

²¹ См. примеч. 18.

²² Запись ответов С. С. Поповой, рожденной Балавенской, хранится в архиве автора настоящей статьи.

²³ ЦГАЛИ, ф. 4124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5 об.

в лесной массив. В усадьбе находилось два господских дома: старый, деревянный, и новый, из красного кирпича, не оштукатуренный. Кирпичный дом был построен, по всей вероятности, одновременно с другими постройками Н. А. Львова, т. е. в конце XVIII в.

Проходит год, как Оленины возвратились в Торжок из Петербурга. В одном из писем — от 18 августа 1833 г. — мы находим интересные для нас сведения:

«Я не имею время что-либо сделать по твоей просьбе о плане дома, ибо как я, так и все наши художники в открытии Академии так заняты, что работают не покладывая рук. Между тем, как мы к этому делу приступим, не худо бы, если б ты мне дал знать, любезный Петр, какой у вас есть камень для фундамента, что у вас он стоит в кубической сажени. Есть ли у вас кирпич, и если нет готового, то можно ли его приготовить к будущей весне частью для фундамента и погребов (это необходимо нужно в деревянном доме) и для печей особенно.

Вот что я буду от тебя в ответ ожидать, а между тем, прощай».²⁴

Что это за дом, о котором идет речь в письме А. Н. Оленина? Ответ мы находим в письмах Елизаветы Марковны. «Очень я рада, мой друг Петр, что Сергей Дмित्रевич тебе подарил дом»,²⁵ — пишет она 7 сентября 1833 г. 10 сентября Елизавета Марковна снова возвращается к разговору о подарке С. Д. Львова: «Очень бы мне хотелось, мой друг Петр, чтоб ты выбрал место нынешнею осенью и выкопал и сделал фундамент из дикого камня, оно бы было прочнее. Зимой ты мог бы дом перевезти и советую тебе зимой наделать гонту, которым покрыт у нас дом, в котором Алексей живет в Приютине. Это неоцененная крышка... Эта крышка выдерживает до 40 лет. Особливо, если ее выкрасить».²⁶

Итак, молодой чете С. Д. Львов подарил деревянный дом, который следует откуда-то и куда-то перевезти. Ничего не просят эти письма и в вопросе, где жили Оленины в 1833 г.

Письмо от 24 сентября 1833 г. дает ответы на эти вопросы. «Давно мы от вас, друг Петр и другиня Маша, писем не получали. Однако и о житье-бытье вашем верные вести получили с живою и милою грамотою нашею — с Алексеем и Александриною. Они нам объяснили, что в Борисцове плохо вам селиться: ни воды, ни видов там никаких нет. Между тем, батюшка, твой тесть, дал вам, говорят, хорошую землю на реке на хорошем месте, где можно прекрасную усадьбу устроить. Если это так, то мое благословение — Борисцове оставить и тут поселиться, приготовя «в» нынешнюю зиму камень и известку для фундамента и перенся на новое основание подаренный вам дом. Таким образом ваше «одно слово нрзб.» устроится и скоро, и прочно, и приятно...».²⁷

Вот, оказывается, где жили Оленины после Митина: в Борисцове!

Это сельцо принадлежало Елизавете Марковне, а находилось оно вблизи Торжка. Потом, по завещанию, оно перейдет к Петру Алексеевичу со

²⁴ Государственный архив Рязанской области, ф. Олениных, д. 7, л. 3—4 об.

²⁵ Там же, л. 6 об.

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 1124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8.

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 1124, оп. 1, ед. хр. 7, л. 11—11 об.

всеми угодьями — 1227 десятин земли и 238 десятин леса — и крепостными, которых значилось около 140 душ.

И в 1834 г. Оленины по-прежнему жили в Борисцове, что видно из письма от 23 июля 1834 г.

Новая усадьба, строительство которой затеял Петр Оленин на подаренных землях, раскинулась в трех километрах от погоста Прутня, где находилось родовое кладбище Львовых. Петр Алексеевич дал усадьбе имя своей жены, которую он называл Машук.

Оленины переехали в Машук только осенью 1835 г., о чем мы узнаем из письма А. Н. Оленина от 28 октября 1835 г.: «Затем, поздравляя тебя с новым твоим пепелищем и с оседлостью, желаю от души быть в состоянии у тебя в Машуке хлеба-соли откушать».²⁸

Дом, который Оленин перевез в Машук, как нам кажется, был из Митина. Это старый митинский дом, который стоял вблизи нового, кирпичного.

В этой усадьбе, которая обстраивалась еще не один год, и поселился Петр Алексеевич с женой и детьми. В Машуке гостил летом 1838 г. Алексей Николаевич с дочерью Анной.²⁹

Не исключено, что в зимние месяцы Оленины и жили в Торжке, но доказательств тому никаких нет. По письмам Олениных-родителей можно проследить три места, где жили Оленины в Торжке с 1831 г.: Митино, Борисцово и Машук.

В 1903 г. было опубликовано сообщение председателя Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванова «О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии». Автор, выявляя знакомых поэта в Тверском крае, встречался и беседовал со многими современниками Пушкина, и в том числе с Марией Сергеевной, которой, по словам Иванова, тогда было 87 лет. Его интересовали только те знакомые Пушкина, с которыми он общался на Тверской земле. Вот что ответила М. С. Оленина: «Много раз встречалась с Пушкиным в Петербурге».³⁰ Таким образом, сведения, почерпнутые из писем Олениных и «Санктпетербургских ведомостей», а также слова М. С. Олениной, приведенные Ивановым в своем сообщении, взаимно подтверждают друг друга. Понятно теперь, почему в семье Олениных-Балавенских никогда не говорили о пребывании Пушкина в доме на Ямской, — он там просто никогда не был.

Воспоминания М. П. Гортынской, единственный источник, утверждающий, что в доме на Ямской часто гостил Пушкин, — источник ненадежный, и подходить к нему следует с большой осторожностью. Я был знаком с Марией Петровной, и лично мне она говорила, что не знает, бывал ли Пушкин у Олениных в Торжке или нет, а в воспоминаниях, которые стали основным источником авторов в их работах о Пушкине и Олениных

²⁸ Там же, ед. хр. 6, л. 35.

²⁹ Государственный архив Рязанской области, ф. Олениных, д. 7, л. 23—26; ЦГАЛИ, ф. 1124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 48.

³⁰ Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания, вып. 1. Тверь, 1903, с. 243.

в Тверском крае, мы читаем совсем иное и неожиданное: Пушкин «оставлялся у бабушки, и она пошла его чаем из своего амширного самовара необычной формы...».

Л. В. Тимофеев

ЗАМЕТКИ КРАЕВЕДА О «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

(Из цикла «Оренбургские этюды о Пушкине»)

Перечитывая «Капитанскую дочку», я всегда старался представить себе местность, изображенную в повести Пушкина, в разных точках которой завязывались сложнейшие узлы судеб героев. Пушкин описывает в этом произведении города и селения, где совершаются те или иные события, или только упоминает их; при этом он сохраняет их действительные названия или дает им вымышленные имена, а то и вовсе оставляет безымянными. Необходимо иметь в виду, что Пушкин посетил места, которые описывал, что он изучил их историю и топографию по письменным источникам. В «Капитанской дочке» он намеренно допускал смещения в пространстве — создание документально точной картины края не было его целью. Тем не менее, изображая тот или иной пейзаж или описывая какую-либо населенную местность, Пушкин всегда основывался на сделанных им в свое время личных наблюдениях или впечатлениях; его зрительная память была столь острой и верной, что мы зачастую безошибочно можем догадаться, какие реальные местности он имел в виду. Поэтому читателю, знакомому с Поволжьем и Оренбургской областью, страницы «Капитанской дочки» позволяют догадаться, о каких реальных крепостях или селениях, действительно существовавших во времена Пушкина, идет в его повести речь.

Так, например, меловые кручи, виденные Пушкиным по дороге из Оренбурга в Уральск у села Чесноковки, отозвались в самом наименовании Белогорской крепости, хотя расположена она у Пушкина намного ближе к Оренбургу, на месте, где в действительности находилась крепость Татицево.¹ Когда писатель говорит о родовом имени Гриневых, то невольно представляешь себе имение братьев Языковых (Языково), где Пушкин дважды побывал в 1833 г. во время своего путешествия по Оренбургскому краю. И становится вполне ясным, что когда в «Пропущенной

¹ Об этой и подобных аналогиях Н. В. Измайлов писал в статье «Оренбургские материалы Пушкина для „История Пугачева“ и „Капитанской дочки“»: «„Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы“, — рассказывает Гринев: так подъезжал к Берде и Пушкин, утром 19 сентября 1833 г. Вид меловых гор, которые Пушкин наблюдал по дороге из Оренбурга в Уральск, дал название Белогорской крепости в „Капитанской дочке“, исторически неизвестной, но соответствующей по изложению Татицевой» (Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 299).

главе «Капитанской дочки» говорится: «Мы приближались к берегам Волиги» (Акад., VIII, 375), — речь идет здесь о возвращении полка Гриневы—Зурина из очередной операции в башкирских землях. Правда, симбирская деревня Гриневых «находилась в 30 верстах по ту сторону реки» (VIII, 375), т. е. несколько ближе к Волге, чем Языково.

Среди местностей, упомянутых в XIII главе «Капитанской дочки», но по каким-то соображениям оставшихся безымянными, есть «городок», где Гринев и его спутники оказываются проездом из Белогорской крепости в имение отца героя.

Вернемся к моменту, когда Гринев, Марья Ивановна с Палашей и Савельич «накануне с...» выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость» (VIII, 359). Лошади мчали их в симбирскую деревню. Поехали они, безусловно, самым кратким и благоустроенным в то время путем — по укрепленной линии крепостей Самарской дистанции.

«Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запрягали, по торопливой услужливости брадатого казака, поставленного Пугачевым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привезшего, меня принимали как придворного временщика.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу» (VIII, 360).

После неожиданной встречи с отрядом правительственных войск Гринев, по счастливой случайности, находит в коменданте «городка» своего симбирского знакомого, Ивана Ивановича Зурина, который «тотчас распорядился с...» и приказал вахмистру отвести ей (Марье Ивановне, — П. Ф.) лучшую квартиру в городе» (VIII, 361—362).

Какой же это был город? Мы знаем, что между городами Самарой на Волге и Оренбургом на Яике по Самарской дистанции не было ни одного города, были только крепости и редуты. Правда, среди крепостей Самарской дистанции издавна выделялась Бузулукская крепость. Ее географическое положение способствовало росту и развитию разных областей хозяйства, продукты которых служили предметом вывоза. В летнюю пору Бузулукская крепость становилась оживленным перевалочным пунктом, по реке Самаре ходили вверх и вниз небольшие баржи и боты. Вниз, в сторону города Самары, они шли груженные пшеницей, кожей, войлоком, шерстью, вверх — по реке Самаре до Топкой и Сорочинской крепостей и по реке Бузулуку до села Андреевки — строительными материалами, лесом, камнем, дровами.

Развитие хозяйства привлекало со стороны рабочую силу, которой уже было тесно в старой крепости, и новые «слободки» возникали к западу и к югу от ее стен. Не прошло и семи лет после битвы под Бузулукской крепостью 14 февраля 1774 г., как она была переименована в город Бузулук Уфимского наместничества. А после пожара 1785 г. Бузулук совсем утратил облик крепости и стал строиться по плану, правда утверждаемому Николаем I только в 1835 г.

Каким застал Бузулук Пушкин, дважды проезжавший через него осенью 1833 г., можно представить себе из записи его друга, поэта В. А. Жуковского, посетившего Оренбургский край четырьмя годами позднее, в год смерти Пушкина. Жуковский писал в своем путевом дневнике: «Бузулук бедный город, с большою площадью, на которой находятся полуразрушенные присутственные места».² Итак, безымянный «городок» XIII главы «Капитанской дочки» — это Бузулук пушкинской поры, Бузулукская крепость времен пугачевского восстания. Чувства Гринева, от лица которого ведется рассказ, настолько утомлены бурными событиями последних суток, что дорога не занимает его: и крепость, где препягали лошадей, и «городок», в котором встретился он с Зуриным и снова протиснулся с Марьей Ивановой, запомнились ему не сами по себе, а событиями, с ними связанными. Это сообщает запискам Гринева оттенок особой психологической достоверности, не лишая его рассказа, как мы могли видеть, живого колорита местности.

Вспомним и другое. «Бородатый комендант» ближней крепости уведомил Гринева, что в «городке», через который лежал его путь, «находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу» (VIII, 360), однако ко времени приезда Гринева и его спутников в городе уже оказались правительственные войска. Несколькими же страницами далее, описав вступление свое в отряд Зурина и прощание с Марьей Ивановой, Гринев замечает: «Это было в конце февраля» (VIII, 363).

А вот свидетельство документа,³ опубликованного Пушкиным в приложениях к «Истории Пугачева»: «Г. генерал-майор и кавалер Мансуров 14 февраля, приблизясь с командою своею к Бузулуцкой крепости, встречен был злодейскою толпою, которая имела около 2000 человек с 15 пушками; он тотчас сделал учреждение к сражению с злодеями и, отрядя часть войск на другую сторону с подполковником Гриневым, приказал им зайти и напасть на злодеев от деревни Малаховой» (IX, 358). О действиях команды Мансурова писал и сам Пушкин в начале пятой главы «Истории Пугачева»: «Наконец войска, отовсюду посланные против Пугачева, стали приближаться к месту своего назначения <...> Генерал-майору Мансурову вверено было правое крыло, для прикрытия Самарской линии, куда со своими отрядами следовал майор Муфель и подполковник Гринев» (IX, 43). К этому-то моменту в развитии Крестьянской войны и приурочены события XIII главы «Капитанской дочки».

В «Пропущенной главе», единственной уцелевшей от ранней редакции романа, Гринев называется Буланиным, а Зурин — Гриневым, причем здесь он имеет чин полковника. Не входило ли первоначально в намерение Пушкина столкнуть своего романтического героя сначала в симбирском трактире, а потом в «городке», только что отбитом у повстанцев, с лицом историческим, офицером команды Мансурова? Во всех им освобожденных крепостях Мансуров создавал и оставлял небольшие гарнизоны. Мы не

² Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903, с. 328.

³ Этот документ — «Экстракт из журнала <...> кн. Петра Михайловича Голицына» — стал известен Пушкину летом 1833 г. в составе «Летописи» П. И. Рычкова.

знаем, был ли реальный Гринев комендантом одной из крепостей, но в любом случае назначение такое было бы в духе времени. Впоследствии, в ходе завершающей работы над текстом романа, Пушкин передал имя Гринева, действительного участника исторических событий, своему главному герою, наделив его знакомого вымышленной фамилией Зурина.

Думается, что высказанные нами соображения могут пополнить комментарий к «Капитанской дочке».

П. С. Филатов

СИМБИРСКАЯ ЗАПИСЬ ПУШКИНА ДЛЯ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

В собраниях сочинений Пушкина, содержащих «Историю Пугачева», в составе приложений к ней публикуются записи поэта в дорожной записной книжке 1833 г. (далее — *ДЗК*) — «Панин. Дом Пустынникова. Смышляевка» (Акад., IX, 493).

М. А. Цявловский, написавший комментарий к большей части записей Пушкина в *ДЗК*, высказал мнение, что в данной записи речь идет о том, что граф П. И. Панин (1721—1789), в 1774 г. начальствовавший над всеми войсками, действовавшими против Пугачева, останавливался в доме Пустынникова в селе Смышляевке (в 20 верстах к северо-востоку от Самары).¹ Это утверждение, не подкрепленное фактами, повторено и в последнее время.²

Названная Смышляевка в 1833 г. входила в состав Самарского уезда Симбирской губернии; ныне Смышляевка — рабочий поселок Волжского района Куйбышевской области. Хранящиеся в Государственном архиве Куйбышевской области (далее — ГАКО) материалы позволили установить, что это селение еще не существовало в период пугачевского восстания. Оно возникло в 1791 г. и называлось тогда Нижняя Падовка.³

В Географическо-статистическом словаре П. П. Семенова (Тян-Шанского), дающем наиболее полные сведения не только о городах, но и селах России XIX в., указывается еще одна Смышляевка — село Симбирской губернии Сенгилеевского уезда.⁴ Эта Смышляевка (в настоящее время —

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 339.

² Инжеватов И. Кто же он — Оцюш кайбас? — Литературная Россия, 1979, № 4, 26 января, с. 24.

³ ГАКО (Государственный архив Куйбышевской области), ф. 32, оп. 28, ед. хр. 15 (метрические книги церкви Самарского уезда, 1792 г.), л. 47. — Нами были просмотрены метрические книги церквей Самарского уезда, сохранившиеся в ГАКО с 1786 г., начиная с этого года, и только в книгах за 1792 г. обнаружены первые метрические записи по деревне Нижней Падовке, которая впоследствии — в XIX в. — стала называться Смышляевкой.

⁴ Географическо-статистический словарь Российской империи П. П. Семенова, т. IV. СПб., 1873, с. 657.

Кузоватовского района Ульяновской области) существовала в 1786 г.⁵ и, возможно, ранее. Однако сеньгилеевская Смышляевка в XVIII в. находилась в стороне от больших дорог, и по этой причине, даже если она существовала в 1774 г., пребывание в ней П. И. Панина маловероятно.

После назначения 29 июля 1774 г. главнокомандующим П. И. Панин до 17 августа находился в Москве, а затем отправился со своим штабом в районы, где были очаги Крестьянской войны, посетил Шацк, Керенск (ныне Вадинск), Нижний Ломов, Пензу, Саранск и прибыл 1 октября в Симбирск (ныне Ульяновск).

В Симбирске П. И. Панин остановился со своим штабом в доме Пустынникова. Сведения об этом сообщает известный археограф XIX в., член-корреспондент Академии наук К. И. Невоструев (1815—1873). Он пишет: «Из Пензы прибыл в Симбирск главнокомандующий граф Петр Иванович Панин и остановился в каменном доме Пустынникова».⁶

Пустынников — это прозвание, а настоящее имя владельца дома — Иван Семенович Мясников.⁷ Симбирский заводчик И. С. Мясников (ум. 1780) был компаньоном симбирских же заводладельцев братьев Твердышевых Ивана Борисовича (ум. 1773) и Якова Борисовича (ум. 1783). Твердышевы и Мясников стали одними из богатейших людей России XVIII в.; в 1780 г. им принадлежали десять крупных металлургических заводов в Оренбургской губернии, более 8000 душ крестьян, большинство которых работало на заводах, и до 2,5 млн. рублей чистого капитала.⁸

Свидетельство о доме, в котором размещалась штаб-квартира гр. Панина в Симбирске, приводит в своих записках очевидец П. С. Рунич (1747—1825).⁹ Однако он называет хозяина дома заводчиком Лесниковым. Записки о пугачевском восстании были написаны Руничем в 1819—1822 гг., т. е. более чем через 45 лет после событий, в них описываемых. В связи с этим в записках Рунича встречаются неточности в числах и именах собственных.¹⁰ С одной из таких неточностей мы столкнулись и в данном случае: нет сомнения, что Руничем искажена фамилия Мясникова.

Дом Мясникова-Пустынникова был лучшим каменным домом в Симбирске во второй половине XVIII в. Историк Симбирска И. И. Пушкарёв

⁵ Она обозначена на карте Симбирского наместничества, входящей в «Атлас Российской империи, состоящий из 25 наместничеств», А. Вильдбрехта, 1786 (Центральный государственный военно-исторический архив, ВУА, ед. хр. 19856, л. 37—38).

⁶ Невоструев К. И. Историческое обозрение Симбирска. Симбирск, 1909, с. 33. — Эта работа написана К. И. Невоструевым в Симбирске в 1840-х гг. по материалам губернского архива, впоследствии (в 1864 г.) почти целиком уничтоженного пожаром.

⁷ Сборник исторических и статистических материалов в Симбирской губернии. Симбирск, 1868, отдел IV, с. 188.

⁸ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. М., 1962, с. 227—228. — О главе компании И. Б. Твердышеве Пушкин писал в примечании 17 к главе третьей «Истории Пугачева» (IX, 102—103).

⁹ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. — Русская старина, 1870, ч. II., с. 334.

¹⁰ На это указывал Н. Ф. Дубровин в кн.: Пугачев и его сообщники, т. III. СПб., 1884, с. 396.

писал: «Купец Пустынников первый выстроил на нагорной части города каменный дом, по фасаду и плану прожектированный искусным архитектором в Москве <...> Как наружною красотою, так и внутреннею отделкою (этот дом, — А. Н.) мало уступает даже отличным зданиям столиц».¹¹

В доме Пустынникова в 1867 г. останавливалась Екатерина II во время трехдневного пребывания в Симбирске. Граф В. Г. Орлов, находившийся в ее свите, писал: «Прибыли в Симбирск <...> очень дурно построенный. Государыня <...> прибыла в дом богатого купца Мясникова, очень хороший и пространен и убран изрядно».¹²

Естественно, что в 1774 г. для честолюбивого и тщеславного П. И. Панина, начальника трех губерний — Нижегородской, Казанской, Оренбургской, главнокомандующего всеми карательными войсками, был выделен лучший дом в городе — дом Пустынникова.¹³

Дом, в котором квартировал Панин в Симбирске в первые дни октября 1774 г., представлял интерес для Пушкина, работавшего над «Историей Пугачева». Дело в том, что у стен этого дома состоялся публичный допрос Е. И. Пугачева, во время которого собравшийся народ услышал смелые слова вождя Крестьянской войны и увидел, как сиятельный граф Панин избил скованного пленника.

О симбирском публичном допросе Е. И. Пугачева говорится в Летописи П. И. Рычкова: «По привозе <...> Пугачева в Симбирск, когда он представлен был главнокомандующему <...> графу Петру Ивановичу Панину, при многолюдном собрании народа на дворе его сиятельства, то хотя он и признавался тут публично, что он донской казак Емельян Пугачев <...> но <...> отвечал на вопросы его сиятельства смело и дерзновенно, то раздража тем его сиятельство, тут же пред всем народом получил от собственных его рук несколько пощечин и ударов» (IX, 354—355).

Пушкин обратил особое внимание на это место хроники П. И. Рычкова и сделал выписку: «В Симбирск привезенный на двор гр. Панина, Пугачев отвечал ему дерзко и смело (хотя и признавался в самозванстве), за что граф ударил его несколько раз по лицу» (IX, 772).

¹¹ Пушкин в И. И. Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб., 1837, с. 27.

¹² Орлов - Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, т. I. СПб., 1878, с. 47.

¹³ О размещении штаб-квартиры П. И. Панина в Симбирске в доме Пустынникова писал также П. Краденов в статье «А. С. Пушкин в Симбирске» (Ульяновская правда, 1944, 12 декабря). В некоторых книгах по истории Симбирска говорится, без указания на источник, что Панин квартировал в Симбирске в доме дворянина Гудим-Левковича на Верхне-Чебоксарской улице (см., напр.: Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Симбирск, 1868, отд. IV, с. 33; Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 78). В путеводителе по Ульяновску говорится, что Панин квартировал на Верхне-Чебоксарской улице, но что есть сведения о его квартире в доме Пустынникова (Ульяновск — родина В. И. Ленина. Саратов, 1975, с. 67). Панин находился в Симбирске довольно долго, с 1 октября до середины декабря 1774 г., и, конечно, мог за это время перейти из дома Пустынникова на другую квартиру.

Слушая в июле 1833 г. в Петербурге рассказы И. И. Дмитриева о Пугачеве, Пушкин записал со слов Дмитриева новый факт: «Панин вырвал клоч из бороды Пугачева — рассердясь на его смелость» (IX, 498).

Отправляясь в поездку по пугачевским местам, Пушкин несомненно ставил целью узнать и подробности, связанные с публичным допросом Е. И. Пугачева в Симбирске. И это ему удалось. По-видимому, в Симбирске или Языкове¹⁴ Пушкин узнал о содержании смелого ответа Пугачева. В «Истории Пугачева» он пишет: «„Кто ты таков?“ — спросил он (Панин, — А. Н.) у самозванца. „Емельян Иванов Пугачев“, — отвечал тот. „Как же смел ты, вор, назваться государем!“ — продолжал Панин. „Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по-своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает“» (IX, 78). Вероятно, в Симбирске Пушкин узнал новые факты о том, как жестоко избил граф Панин скованного Пугачева. Он пишет в «Истории Пугачева»: «Панин <...> ударил самозванца по лицу до крови» (там же).

Находясь в Симбирске, Пушкин, конечно, выяснил и место, где происходило интересующее его событие.

Запись Пушкина в ДЗК «Панин. Дом Пустынникова», по нашему мнению, отмечает место публичного допроса Е. И. Пугачева в Симбирске. Сделана она могла быть между 10 и 15 сентября 1833 г. в Симбирске или Языкове.

Осматривая в Симбирске пугачевские места, Пушкин, вероятно, посетил и дом Пустынникова. В «Истории Пугачева» дом Пустынникова не назван, однако в рассказ о встрече гр. Панина с пленным Пугачевым введены подробности, отсутствующие у П. И. Рычкова (Панин «встретил Пугачева на крыльце, окруженный своим штабом» — IX, 78).

Дом Пустынникова не сохранился. В 1864 г. он сильно пострадал от пожара, долго стоял обгорелый,¹⁶ затем был снесен, а в 70-х гг. XIX в. на его месте было построено здание военной гимназии, преобразованной впоследствии в кадетский корпус. Ныне оно входит в комплекс зданий в Краснознаменном переулке.

Запись Пушкина о Смышляевке, по нашему мнению, не связана с записью «Панин. Дом Пустынникова», а носит самостоятельный характер и относится к пути поэта.¹⁷

¹⁴ Имя поэта Николая Михайловича Языкова, ныне рабочий поселок Языково Карсунского района Ульяновской обл. В Языкове Пушкин был 11—12 и 29—30 сентября 1833 г. Петр Михайлович Языков, с которым Пушкин встречался в Языкове в оба приезда, славился хорошим знанием истории и фольклора своего края. Он записал в 1838 г. в Симбирской губернии народную песню «Граф Панин и Пугачев» — о дерзком ответе пленного Пугачева графу Панину на допросе (Сборник народных песен П. В. Киреевского, т. 1. Л., 1977, с. 122, 282).

¹⁵ Такое предположение впервые высказал Ю. Г. Оксман. (См.: Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 231—232).

¹⁶ Дом Пустынникова, пострадавший от пожара 1864 г., запечатлен на фотографии 1864 или 1865 г., опубликованной в № 8 альманаха «Прометей» (М., 1971, с. 9: здание позади Троицкой церкви).

¹⁷ Такое же мнение было высказано Н. Ф. Калининным (Пушкин в Казани. Казань, 1942, с. 53) без какой-либо аргументации.

Из Симбирска Пушкин направился в Оренбург по левобережью Волги. Утром 15 сентября он переправился в Симбирске через Волгу, сделав с натуры на правом берегу (видимо, в ожидании переправы) рисунок Смоленской горы с одноименной церковью и домом В. М. Карамзина — брата историографа.¹⁸ Как свидетельствует запись в *ДСК* 16 сентября слов мордвина о калмыках,¹⁹ Пушкин в этот день проехал через земли ставропольских калмыков, которые в то время проживали в Симбирской губернии только на левобережье Волги, на территории, ограниченной реками Волга (с запада), Большой Черемшан (с севера), Кондурча (с востока), Сок (с юга).²⁰ На этой территории было много мордовских селений, в том числе на большой дороге, например Бирля, Еремкина, Старая Бинарадка.²¹

В 1833 г. почтовой дороги из Симбирска в Оренбург по левобережью не было. Почтовый тракт из Симбирска на Самару (ныне г. Куйбышев) и Оренбург по левобережью Волги был открыт только с 1 января 1855 г.²² Пушкин ехал из Симбирска не почтовой, однако весьма оживленной торговой и скотопрогонной «большой проезжей дорогой». Эта дорога проходила через Чувашский Калмаюр, Никольское на р. Большой Черемшан, Резаново, Бирлю, Мусорку, Еремкину, Старую Бинарадку, Красный Яр на р. Сок; далее дорога разветвлялась на г. Самару и на с. Кривую Луку с последующим выходом у крепости Борской на почтовый тракт Самара—Оренбург.²³ Кратчайший же путь с этой дороги на почтовый тракт Самара—Оренбург от Красного Яра шел по проселочной дороге на Смышляевку.

Смышляевка в 1833 г. была уже довольно крупным селом с населением более 1400 чел.,²⁴ стояла на почтовом тракте Самара—Оренбург, но не была почтовой станцией и не была обозначена ни в Почтовых дорожниках,²⁵

¹⁸ Рукою Пушкина, с. 490.

¹⁹ Там же, с. 341.

²⁰ Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 г., т. 36. Самарская губерния. СПб., 1864, с. XXII—XXIII.

²¹ Запись Пушкиным 16 сентября слов мордвина о калмыках неопровержимо свидетельствует о том, что он ехал из Симбирска в Оренбург левобережной дорогой. Однако до сих пор встречаются ошибочные утверждения, что Пушкин выехал 15 сентября 1833 г. из Симбирска по правобережью по «губернской» почтовой дороге, ведущей на Сызрань. См.: А. С. Пушкин и. Собр. соч. в 10 тт. Изд. «Художественная литература», т. 10. М., 1978, с. 364 (комментарий И. Семенко).

²² ГАКО, ф. 43, оп. 3, ед. хр. 155, л. 6, 10, 82.

²³ См.: Географический атлас Российской империи, составленный Пядышевым, начатый 1820, окончанный 1827, исправленный 1834. СПб., 1834 (генеральная карта Симбирской губернии, № 40). — Указанный маршрут отличается от опубликованного во «Временнике Пушкинской комиссии. 1967—1968» (Л., 1970, с. 47). Во «Временнике» маршрут опубликован по данным Н. Ф. Калинин (см. его статью «Пушкин в Казани», с. 73). Калинин указал маршрут Пушкина по линии почтового тракта, открытого в 1855 г. Однако этот тракт прошел в значительной своей части (от Симбирска до Мусорки) в стороне от кратчайшей «большой проезжей дороги» Симбирск—Оренбург, существовавшей в 1833 г.

²⁴ По данным 8-й ревизии 1833—1834 гг. — ГАКО, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 46, л. 457—458; ед. хр. 47, л. 282—359; ед. хр. 62, л. 58—60, 321—323.

²⁵ Смышляевка не указана ни в Почтовом дорожнике 1829 г., ни в Прибавлениях к нему 1832 г.

ни на географических картах, предназначенных «для составления дорожников путешественникам». Вероятно, Пушкин записал в *ДЗК* название этого села в Симбирске, чтобы знать, где выезжать кратчайшим путем с «большой провезжей дороги» на почтовую. Запись о Смышляевке произведена Пушкиным, по-видимому, между 13 и 15 сентября 1833 г.²⁶

В собраниях сочинений Пушкина, содержащих «Историю Пугачева», записи «Панин, Дом Пустынникова. Смышляевка» в составе записей из *ДЗК* публикуются последними. Такой порядок публикации был принят в IX томе большого академического собрания сочинений. Редактор этого тома В. Л. Комарович стремился положить в основу публикации записей из *ДЗК* хронологический принцип (см.: IX, 491).

Пушкин на л. 1 *ДЗК* произвел следующие записи.

Пугачев повесил Академика Ловица
в Камышине
Иноходцев убежал

Оцюш кайбас, бог
Панин дом Пустынникова
Смышляевка.²⁷

Запись Пушкина о казни Ловица в Камышине М. А. Цявловский считал сделанной на обратном пути из Оренбурга в Болдино, т. е. после 20 сентября, полагая, что поэт ехал через Саратов (Камышин в 1833 г. был уездным городом Саратовской губернии).²⁸ Естественно, с этой позиции все последующие записи на л. 1 *ДЗК* следовало считать также сделанными на обратном пути.

Однако Г. Блок показал, что приведенные в «Истории Пугачева» подробности смерти Ловица заимствованы из книги Кастера «Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie».²⁹ Надо полагать, запись о смерти Ловица в *ДЗК* сделана Пушкиным при чтении взятой с собой в путешествие книги Кастера.

Запись Пушкина на мордовском и русском языках «Оцюш кайбас, бог» сделана, вероятнее всего, 9 сентября 1833 г. по пути из Казани в Симбирск.³⁰

Выше было указано, что запись «Панин, Дом Пустынникова» относится к Симбирску и сделана, вероятно, в этом городе или Языкове. Если бы эта запись и запись о Смышляевке были сделаны Пушкиным на обратном

²⁶ Не ранее 13 сентября Пушкин принял решение ехать из Симбирска в Оренбург левобережной дорогой. Это видно из его письма жене из Симбирска от 14 сентября 1833 г. (XV, 80—81). 15 сентября Пушкин выехал из Симбирска.

²⁷ Рукою Пушкина, с. 338.

²⁸ См.: там же.

²⁹ См.: Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., 1949, с. 156.

³⁰ Подробные комментарии к записи Пушкина на мордовском языке см.: Инжеватов И. К. Пушкин в Мордовии. — В кн.: Страницы большой дружбы. Саранск, 1974, с. 33; Носков А. И. Запись А. С. Пушкина на мордовском языке. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 117—119.

пути, то запись о Смышляевке должна была бы быть сделана в *ДЗК* раньше, т. е. строкой выше, чем запись о Панине и доме Пустынникова, но этого нет.

Записи Пушкина на л. 1 *ДЗК*, сделанные, как мы старались показать, не позднее 15 сентября 1833 г., следовало бы при публикации помещать раньше (выше) записей из *ДЗК*, сделанных Пушкиным в Оренбурге.

А. И. Носков

СОБЕСЕДНИК ПУШКИНА В УРАЛЬСКЕ

В дорожной записной книжке Пушкина, которую он вел в августе—сентябре 1833 г., в дни путешествия по Оренбургскому краю и Поволжью, внесена такая заметка: «Бизянов ур. полк». Публикаторы дорожной записной книжки в сборнике «Рукою Пушкина» не смогли дать какого-либо комментария к заметке о Бизянове, признавшись: значение ее «объяснить не можем».¹

В 1978 г. автором данной статьи в архиве Оренбурга были обнаружены формулярный послужной список обер-офицеров Уральского казачьего войска за 1834 г. и представление полковника Ф. Г. Бизянова к ордену за 1839 г.² Эти архивные источники предоставляют некоторую возможность определить, кого Пушкин имел в виду в своей записи, приведенной нами выше.

Федот Григорьевич Бизянов, уральский казак, родился в 1782 г. Рядовым он участвовал в походе русских войск в Швейцарию и в 1798—1800 гг. в составе корпуса Римского-Корсакова сражался под Цюрихом. С 1800 по весну 1809 г. хорунжий Бизянов нес службу на пограничной линии по реке Уралу. Затем в течение двух с половиной месяцев исполнял должность адъютанта при военном министре, а до весны 1814 г. служил адъютантом у войскового атамана в Уральском войске. Далее Бизянов нес пограничную службу с казачьим полком на Волыни, участвовал в составе основных сил русской армии в походе во Францию, сражался при крепости Фальцбург, при деревне Цилигине и весной 1816 г. вместе с полком возвратился домой. В чине войскового старшины Бизянов в 1820—1823 гг. является полицмейстером в г. Уральске. С мая 1823 г. по январь 1827 г. подполковник Бизянов командовал лейб-сотней уральских казаков в Петербурге. Дальнейшая служба Бизянова, как видно из текстов доку-

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 339—340. — Заметка в Полное собрание сочинений Пушкина не вошла. Не упоминается имя Бизянова и в кн.: Чер е й с к и й Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.

² Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, оп. 5, дела 11100/1 и 11548: «Формулярный список о службе и достоинстве обер-офицеров Уральского казачьего войска за 1834 год», «О ходатайствовании полковнику Бизянову ордена св. Анны 2 степени».

ментов, сложилась следующим образом. Он был на Уральской линии дистанционным командиром, а с 1831 г. до осени 1833 г. с 7-м казачьим полком находился в Москве. В сентябре 1833 г. Ф. Г. Бизянов произведен в полковники и с 14 сентября занимал должность советника войсковой канцелярии в г. Уральске. Награжден двумя орденами, вторым — в 1839 г.

Таким образом, помета Пушкина «Бизянов ур. полк» в дорожной записной книжке, вероятно, означает, что он имеет в виду Федота Григорьевича Бизянова, полковника Уральского казачьего войска. Вполне возможно, что запись эта сделана поэтом в результате встречи Пушкина и Бизянова во время обедов, которые давались в честь Пушкина в Уральске в сентябре 1833 г. Не исключено, что Пушкин беседовал с полковником, зная о связях предков Бизянова с событиями восстания Пугачева в Яицком городке (Уральске).

Думается, что именно о Федоте Григорьевиче Бизянове шла речь в путевом дневнике В. А. Жуковского: «16 <июня> <1837>. Пребывание в Уральске... Федот Григорьевич Басанов».³ Жуковский мог знать запись Пушкина в его дорожной записной книжке о Бизянове, но в своей помете несколько искажил фамилию полковника, хотя, вероятно, лично встречался с ним во время своего пребывания в Уральске в июне 1837 г.

Если такое предположение справедливо, позволительно было бы высказать и дальнейшие догадки. Так, правдоподобно было бы допустить, что во время встречи Жуковского с Ф. Г. Бизяновым они вспомнили о Пушкине, скончавшемся несколько месяцев тому назад. Может быть, Жуковский сообщил Бизянову о готовящемся к изданию первом посмертном собрании сочинений Пушкина, в осуществлении которого писатель, как известно, принимал непосредственное участие. Косвенным подтверждением этого может служить то, что Ф. Г. Бизянов, конечно, не случайно стал первым и единственным подписчиком на сочинения поэта в Уральске.⁴

А. И. Белый

³ См.: И. Р. Емельченко. Расшифровка этнографических заметок по Уралу в путевом дневнике В. А. Жуковского. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. VI. Нов. серия, т. 102. М., 1974. — На с. 55 автор отмечает, что «личность Ф. Г. Басанова установить не удалось...».

⁴ См.: Русский архив, 1893, № 9, с. 124.

IV. ХРОНИКА

ПАМЯТИ О. А. ПИНИ

28 мая 1979 г. скоропостижно скончался Олег Алексеевич Пини, в течение более двух десятилетий состоявший бессменным ученым секретарем Пушкинской комиссии при ОЛЯ АН СССР.

О. А. Пини родился 10 июня 1912 г. в Ленинграде; по окончании школы и Педагогических курсов был учителем в школах различных городов (Актюбинска, Чкалова и др.), служил в армии (4-й Украинский фронт). Вернувшись в Ленинград, О. А. Пини закончил заочно литературный факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

В февралю 1958 г. Олег Алексеевич стал сотрудником Пушкинской группы Института русской литературы и ее секретарем, приняв вскоре участие в таких значительных работах группы, как «Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов» (М.—Л., 1960), «Пушкин. Письма последних лет (1834—1837)» (Л., 1969) и др. Вместе с тем он был непременным участником работы по организации и проведению всесоюзных пушкинских конференций.

Когда деятельность О. А. Пини сосредоточилась в Пушкинской комиссии, ученым секретарем которой он был утвержден Президиумом АН СССР в 1958 г., служебные обязанности сталкивали его с большим количеством людей различных специальностей, объединяемых любовью к Пушкину: исследователями и деятелями искусств, коллекционерами и музейными работниками; он деятельно вел обширную переписку с различными городами и республиками Советского Союза, сообщал сведения о том, как движется вперед изучение жизни Пушкина и его творческого наследия, как растет и повсеместно распространяется слава великого поэта нашей земли и любовь к нему. Именно эта особенность многолетней деятельности Олега Алексеевича позволила ему стать непосредственным организатором и нередко автором статей и заметок хроникального отдела «Временника Пушкинской комиссии». При его участии осуществлено было издание четырнадцати выпусков этого ежегодника. Кроме того, О. А. Пини опубликовал свыше сорока своих работ: книг, статей и заметок. Назовем среди них, например, статью «Новонайденный автограф стихотворения Пушкина „Красавица“ („Все в ней гармония, все диво...“») (Временник Пушкинской комиссии. Л., 1969); «Пушкиниана в периодике и сборниках статей 1962—63 гг.» (там же. Л., 1966); «Пушкиниана в графике (обзор)» (там же. Л.,

1965); «Всесоюзный музей А. С. Пушкина. (Каталог)» (Л., 1957); «К истории создания памятника Пушкину в Ленинграде» (в сб.: Пушкин и его время. Л., 1962) и др.

Заметную роль сыграли составленные и опубликованные О. А. Пини учебные пособия, посвященные явлениям и деятелям различных эпох русской культуры: «Слово о полку Игореве в иллюстрациях и документах» (Л., 1958), «Радищев в портретах, иллюстрациях, документах» (Л., 1963) и др. Последней его книгой было издание «Чернышевский в Петербурге» (Л., 1978).

М. П. Алексеев, В. Б. Сандомирская, А. П. Холина

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1977 г.

В течение 1977 г. на научных заседаниях музея заслушаны были следующие доклады и сообщения: Г. И. Назаровой «Прижизненные иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина в собрании музея»; А. З. Кригер-Тихановской «Сибирская переписка Марии Николаевны и Софьи Григорьевны Волконских по архивным материалам»; Е. Н. Ивановой «Материалы хозяйственного правления Лицея как характеристика быта лицейстов»; С. В. Павловой «Материалы Царскосельского Лицея в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР»; Н. И. Грановской «Друзья Пушкина в портретах крепостного художника Акима Арефова-Багаева»; Э. С. Лебедевой «Проблемы экскурсии на Мойке, 12»; Т. К. Сансарян «Наталья Николаевна в жизни А. С. Пушкина»; Л. П. Февчук «Оригинальные иллюстрации и театральные работы А. Н. Бенуа в собрании музея»; С. Л. Абрамович «Неясные и спорные вопросы дуэльной истории А. С. Пушкина. Накануне 4 ноября 1836 г.».

Сотрудники музея выступали с докладами на научных конференциях и совещаниях: в Министерстве культуры РСФСР — «Роль мемориально-литературных музеев в идейном и эстетическом воспитании трудящихся» (Н. И. Голлер); в Ленинградском отделении Союза архитекторов СССР — «История дома на Мойке, 12 и проблемы реставрации Музея-квартиры» (Н. И. Голлер); на конференции в Государственном Музее-заповеднике — «К вопросу о комплектовании музейного фонда. Новые поступления Всесоюзного музея А. С. Пушкина» (М. Н. Петай), в Музее-заповеднике А. С. Пушкина в Болдине — «Прижизненные иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина в собрании музея» (Г. И. Назарова).

Сотрудниками отдела фондов подготовлено 856 научных паспортов на фондовые материалы. Завершена работа над созданием «Исторической справки о доме на Мойке, 12». Издан буклет «Последняя квартира А. С. Пушкина» на русском и английском языках. В альманахе «Прометей» (№ 11, 1977) опубликована статья Г. И. Назаровой «„Парад на Марсовом поле“ Г. Г. Чернецова. Эскизы и этюды к картине», во «Временнике Пушкинской комиссии» за 1974 г. — статья Н. И. Грановской «Друзья Пушкина в порт-

ретах крепостного художника Акима Арефова-Багаева), в журнале «Нева» (№ 1, 4) — две статьи М. И. Френкеля «Лучи верной любви» и «Страничка зарубежной Пушкинианы», а также ряд материалов в газетах «Советская культура», «Скороходовский рабочий», «Вперед» и др.

В течение года в музее продолжена собирательская работа. Было приобретено 163 единицы хранения. Среди них мемориальные вещи: кресло и банкетка красного дерева, принадлежавшая другу Пушкина С. А. Соболевскому и, по преданию, подаренная им П. И. Бартневу (от В. А. Бартневой, г. Москва); архив семьи Хомутовых, содержащий 107 писем 1812—1817 гг. А. Г. Хомутовой к ее брату С. Г. Хомутову; два портрета работы Ж. Вивьена 1820 г.; собрание гравюр первой половины и середины XIX в., включающее портреты лиц круга Пушкина. Приобретено 18 предметов мебели и убранства пушкинской эпохи.

К числу редких приобретений следует отнести несколько предметов быта: часы напольные конца XVIII в.; театральную зрительную трубку первой четверти XIX в.; табачницу первой четверти XIX в.

Были также приобретены иллюстрации к произведениям Пушкина, композиции по мотивам его произведений и пейзажи пушкинских мест художников В. С. Вильнера, А. С. Смирнова, В. Э. Бегиджанова, В. М. Звонцова, В. Н. Блинова, Е. А. Блиновой, Н. Ф. Маркова и др.

В дар музею были переданы: серия офортов (211 ед.), объединенных общим названием «А. С. Пушкин в Болдине» художника Э. Х. Насибулина (Ленинград), пять гипсовых барельефов, посвященных Пушкину, М. Г. Сальмана (Москва), три вида Царского Села работы художника Н. Ф. Маркова.

Музей организовал несколько передвижных выставок. В Музее чешской письменности в г. Праге (ЧССР) экспонировалась выставка «Александр Пушкин», которая была с большим интересом принята пражанами. Выставку посетило 9000 человек. Жители Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Владивостока познакомились с выставкой «Пушкинский Петербург». В Музее-Лицее экспонировалась выставка «А. С. Пушкин и его эпоха в искусстве XIX—XX веков», в г. Пушкине — «Советские писатели в г. Пушкине», в Доме культуры Балтийского завода им. С. Орджоникидзе — «Пушкин в творчестве ленинградских художников».

Совместно с Государственным Русским музеем организован «Малый университет культуры» для молодых рабочих Ремонтно-строительного треста № 4.

10 февраля на торжественно-памятном собрании в Музее-квартире А. С. Пушкина, посвященном 140-й годовщине со дня смерти поэта, выступили доктор филологических наук К. Н. Григорян, доктор филологических наук, проф. Б. И. Бурсов, кандидат филологических наук Я. Л. Левкович, заслуженные артисты РСФСР А. Я. Кутепов и С. Б. Коковкин, артист Е. А. Агафонов, квартет Академического Малого оперного театра под управлением С. А. Аркина, хор мальчиков хорового училища при Ленинградской Академической капелле под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР Ф. М. Козлова.

Прошли два литературно-музыкальных вечера (из цикла «Вечера на Мойке»).

Памятник Пушкину в Оренбурге у здания бывшей гауптвахты, ныне филиала Областного краеведческого музея (см. с. 158).

К 178-й годовщине со дня рождения был проведен «Пушкинский праздник поэзии», на котором выступили ленинградские поэты.

166-я годовщина со дня основания Лицея отмечена вечером с участием народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии Д. Н. Журавлева и хора учащихся хорового училища им. М. И. Глинка при Ленинградской Академической капелле (художественный руководитель — заслуженный деятель искусств РСФСР Ф. М. Козлов).

Совместно с общественными организациями г. Пушкина был проведен вечер из цикла «Город муз», посвященный Т. Г. Гнедич. Со вступительным словом выступил поэт В. Б. Азаров. Воспоминаниями о Т. Г. Гнедич поделились поэтесса Е. Вечтомова, поэты и переводчики Г. С. Усова, В. Е. Васильев, В. Л. Топоров.

Экспонировались материалы из архива Т. Г. Гнедич.

В 1977 г. Всесоюзный музей А. С. Пушкина посетило 558 497 человек, сотрудниками музея проведено 16 626 экскурсий.

Лекторской группой музея прочитано 266 лекций в Ленинграде, Ленинградской области и других городах страны.

Работали лектории в Музее-Лицее, в Доме культуры г. Пушкина, в Ленинградском Доме офицеров, в городской библиотеке г. Гатчины.

Г. А. Черкасова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) В 1977 г.

Важнейшим направлением в деятельности музея была работа над созданием мемориального отдела «Квартира А. С. Пушкина на Арбате». В результате совместной работы коллектива художников во главе с Е. А. Розенбломом и научных сотрудников музея были сделаны сначала художественные и объемные эскизы ряда тем и разделов, а затем — подробные, развернутые макеты, учитывающие конкретную выставочную площадь и экспонатуру. Таким образом, был завершен важный этап работы, в результате которого стал виден художественный образ будущей историко-литературной части нового музея.

Все больше внимания уделяется пушкинским местам столицы: в здании бывшей гостиницы «Север» (ул. Немировича-Данченко, 6), где весной 1829 г. встречались Пушкин и Мицкевич, музеем разработана и открыта стационарная выставка; продолжалась работа по созданию постоянных экспозиций в домах, где жил П. В. Нащокин и где у него не раз бывал и останавливался Пушкин (ул. Рылеева, 4; Воротниковский пер., 12).

Московская тема, московский период жизни и творчества Пушкина являлись главными направлениями научных исследований. Так, в 1977 г. завершена работа над сводной картотекой «Летописи жизни и творчества Пушкина с декабря 1830-го по май 1831 г.»; собраны материалы по теме «Летопись культурной и общественной жизни Москвы» (за тот же период), разработана сводная картотека «Пушкин в московской периодической печати 1820-х—30-х гг.», регистрирующая любые, даже самые мелкие упоминания о Пушкине и включающая много забытых или не учтенных еще материалов. Все эти работы явились итогом многолетнего труда большого коллектива научных сотрудников музея.

Выдающимся событием года было поступление большой коллекции (472 предмета изобразительного искусства и 484 экземпляра книг и альбомов), собранной ленинградским инженером Павлом Викентьевичем Губаром и переданной в дар музею его вдовой Анастасией Григорьевной Ливер. Основу изобразительной части коллекции составляют городские виды, в первую очередь Петербурга и его пригородов, а также виды Москвы и других мест, жанр и прочее. Среди них — уникальная серия из 8 акваре-

лей Б. Делатраверсе (конец XVIII в.), 18 больших очерковых гравюр, раскрашенных акварелью Б. Патерсена (1800-е гг.), работы А. Брюллова, М. Воробьева, Е. Есакова, Н. Чернецова, Э. Гертнера, М. Дамам-Демартре, гравюры и литографии С. Галактионова и А. Мартынова.

Гордостью коллекции являются редчайшие изображения русских фэйерверков: около 50 гравюр (1726—1801 гг.); некоторых из них нет в крупнейших гравюрных коллекциях страны. Огромную ценность представляет великолепная библиотека П. В. Губара: прижизненные издания сочинений Пушкина (некоторые экземпляры в типографских обложках), альманахи XVIII—начала XIX в., «Северные цветы» с автографом А. Дельвига и многое другое (подробно см. статью А. С. Сигриста «Прекрасный дар» — Книжное обозрение, 1977, ноябрь).

Необходимо также отметить, что в 1977 г. музей стал обладателем портрета Екатерины Николаевны Хитрово, хозяйки арбатского особняка, где в 1830—1831 гг. Пушкин снимал квартиру (акварель неизвестного художника; дар московских коллекционеров).

Среди публикаций, подготовленных сотрудниками музея, можно назвать статью В. А. Сайтанова «Пушкин и Кольридж» (Известия ОЛЯ АН СССР, 1977, № 2), А. З. Крейн «Музей и его друзья в СССР» («Музеум» [орган ЮНЕСКО], т. XXIX, № 1), упомянутую выше статью А. С. Сигриста, буклет Е. В. Музы «Великий град Петра», сборник А. С. Фрумкиной «Пушкинские вечера» и другие.

В 1977 г. в музее состоялось 12 открытых научных заседаний. На них выступили: С. М. Громбах — «Читая „Рославлева“...» (новая интерпретация отрывка Пушкина), С. В. Житомирская — «К истории мемориального наследия А. О. Смирновой», Н. Я. Эйдельман — «Пушкин и Павел I», В. С. Непомнящий — «Молодой пушкинист Анна Ахматова: 1920-е годы. Из архива Лукницкого» и другие.

Программа литературно-музыкальных вечеров 1977 г. включала пушкинские чтения, исполнение новых пушкинских программ, музыкальные вечера, посвященные важнейшим событиям в жизни страны: 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, дню рождения Ленина, Дню Победы.

Среди выступавших — старые друзья музея: Н. Крымова, Е. Сахарова, Д. Журавлев, Я. Смоленский, Н. Штаркман, Н. Гутман и молодые исполнители.

В цикле «Советские поэты — Пушкину» особый интерес вызвал вечер «Поэты и писатели читают Пушкина», проведение которого стало ежегодной традицией. С комментированным чтением выступили Л. Либединская, М. Алигер, Б. Берестов, Д. Данин.

Необходимо отметить также вечер памяти выдающегося советского поэта А. Твардовского. В нем приняли участие близкие друзья поэта: художник О. Верейский, поэты М. Алигер и К. Ваншенкин, писатель В. Тендряков.

Музей продолжал расширять формы массовой работы. Усилилась лекционная внемузейная пропаганда пушкинского творчества. Сотрудники музея осуществили поездку на БАМ, куда была передана передвижная выставка «Пушкинская Москва».

Укрепились и международные связи музея: много было сделано для приема делегатов XI Генеральной конференции ИКОМ, продолжалось сотрудничество с Музеем литературы им. А. Мицкевича в Варшаве, успешно осуществлялся двусторонний обмен докладами и материалами.

З. А. Бонами

**МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА
В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО
ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1977 г.**

В 1977 г. в музее велась работа по восстановлению исторического здания, входящего в состав Музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине, — барского дома А. А. Пушкина (старшего сына поэта) в деревне Львовка Б.-Болдинского района, а также по изучению истории примыкающей к нему деревни. В результате изучения существующей литературы, архивных документов (рукописный отдел ИРЛИ, Государственный архив Горьковской области), а также воспоминаний старожилов составлена справка по истории дома во Львовке, позволившая определить точную дату строительства дома (1856), сохранившегося до настоящего времени, уточнить ряд деталей первоначального облика здания, со временем утраченных. Справка представлена в Горьковскую специальную научно-производственную реставрационную мастерскую. С учетом этого документа архитекторами указанной мастерской составлен проект реставрации дома.

Совместно с Горьковским государственным университетом музеем проведена очередная седьмая научная конференция «Болдинские чтения». В ней приняли участие пушкинисты-литературоведы и работники пушкинских музеев разных городов страны. Седьмые «Болдинские чтения» были посвящены изучению биографии и творчества А. С. Пушкина 1820—1830 гг. Широта и актуальность проблематики выступлений сочеталась с преобладающим вниманием к болдинским произведениям поэта.

Докладом «„Медный всадник“ и русский романтизм», анализирующим конфликт поэмы, рождение поэтики скульптурного образа в ряде предшествующих поэме произведений, а также творческие подражания «Медному всаднику» (Н. П. Огарев, Н. А. Некрасов, О. Э. Мандельштам), чтения открыл доктор филологических наук Г. В. Краснов (Коломна). Доктор филологических наук Л. С. Сидяков (Рига) в докладе «Болдинская лирика 1830 г. как этап в эволюции пушкинской лирики на рубеже тридцатых годов», проанализировав общность процессов, характерных для лирики 1820—1830 гг., отметил в ней тенденцию к освоению материала всей действительности, исключаящую традиционное разделение на «высокое» и «низкое», и подчеркнул то обстоятельство, что болдинские лирические стихотворения 1830 г. являются одновременно и завершением рассматриваемого этапа творчества, и предпосылкой новых, существенно преобразован-

ных Пушкиным лирических стихотворений последующих лет. Кандидат филологических наук В. Б. Сандомирская (Ленинград) в сообщении «Из истории пушкинского цикла „Подражания древним“ (1826)», основываясь на текстологических наблюдениях над стихотворениями, записанными в 3-й киевской тетради под названием «Эпиграммы во вкусе древних» (куда вошла большая часть рассматриваемых стихотворений), обратилась к выявлению характера представления поэта о жанре эпиграммы, а также причин возникновения отдела «Подражания древним» в первом сборнике стихотворений Пушкина. Кандидат филологических наук И. Ф. Смольников (Ленинград) в докладе «К вопросу о социально-философской и образной специфике „Маленьких трагедий“ как единого драматургического цикла», остановившись на рассмотрении характера центральных образов «Маленьких трагедий», сделал попытку выявить принципы соединения этих произведений. Кандидат филологических наук Ю. Н. Чумаков (Новгород) посвятил свой доклад «„Евгений Онегин“ как поэтическое мироздание» выяснению вопроса о соотношении поэтического (заклученного в самой структуре романа) и универсального (выходящего за ее пределы в область вневременного, общечеловеческого) в «Евгении Онегине». Докладчик рассмотрел универсалии «Евгения Онегина», исходя из выявления и описания ряда инвариантов поэтического мира романа, условно представляющих философскую («жизнь» — «смерть»), социальную («мода» — «старина») и коммуникативную («выговаривание» — «умолчание») сферы романа. В докладе «О природе „поэзии жизни“ в „Евгении Онегине“ Пушкина» кандидат филологических наук А. В. Недзведский (Одесса) отметил принципиальную ориентацию романа на материал обыкновенной жизни. Взаимопроникновение различных ракурсов изображения (от одического до пародийного) при воссоздании одного и того же явления действительности создает предпосылки возникновения совершенно нового художественного целого, значительно более сложной структуры. Е. С. Хаев (Павлодар) в докладе «О стиле „Домика в Коломне“» в противовес традиционной трактовке поэмы как опыта освоения бытовой сферы выдвинул гипотезу о диалектическом построении поэмы, в котором точка зрения автора не адекватна ни одному из выраженных в поэме самостоятельных суждений. Выдвинув проблему «Творчество Пушкина в соотношении с теорией и практикой ораторского искусства его времени», кандидат филологических наук Н. И. Михайлова (Москва) в докладе «Ораторская речь в прозе Пушкина» рассмотрела один из ее аспектов — смысловые функции и стиливые особенности ораторской речи в художественной прозе Пушкина. Кандидат филологических наук Д. И. Белкин (Горький) посвятил свой доклад «„Сказка о золотом петушке“ и „Княжна Милуша“ П. А. Катенина (к характеристике ориентальных источников пушкинской сказки)» творческим связям Пушкина и Катенина. Сравнивая два произведения, он отметил в них сходство образов и сюжетных ситуаций. Доклад палеографа Государственного архива Горьковской области Н. И. Куприяновой касался непосредственно болдинской тематики: новых биографических данных об Ольге Калашниковой, обнаруженных ею в архивах г. Горького и Балахны («Новое об Ольге Калашниковой»). Научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. И. Назарова (Ленинград) в выступлении «Пушкин в прижизненных

иллюстрациях (по материалам Всесоюзного музея А. С. Пушкина)», сопровождавшемся демонстрацией диапозитивов, проанализировала ряд иллюстраций художников, современников Пушкина, к его произведениям, отметив, в частности, их недостатки. В заключение конференции с сообщением «Собирательская деятельность Музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине за 1972—1976 гг.» выступила и. о. директора музея Л. М. Малышкина. Отметив планомерный характер комплектования, связанного как с научной, так и с экспозиционной деятельностью музея, она рассказала о наиболее интересных экспонатах: документах и планах по истории болдинской усадьбы, предметах мебели и быта начала XIX в., образительных материалах пушкинского времени и советской эпохи, редких книгах, поступивших в музей за этот период. Часть этих вещей экспонируется в настоящее время в доме-музее и вотчинной конторе Пушкиных.

За два дня, 14 и 15 сентября, на конференции было заслушано двенадцать докладов и сообщений; большинство их было впоследствии опубликовано (см.: Болдинские чтения, вып. 2. Горький, 1977; вып. 3. Горький, 1978; Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979; специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», посвященный 11 Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии).

На конференции присутствовало более 70 человек: преподаватели, интеллигенция района и области, студенты филологического факультета Арзамасского педагогического института (см.: Н. Михайлова. Седьмые Болдинские чтения. — Вопросы литературы, 1978, № 2, с. 309—311).

На 1 января 1978 г. в фондах музея насчитывалось 4544 экспоната основного фонда. В течение года поступило 413 предметов музейного значения, из них 377 единиц основного фонда. Книжное собрание музея увеличилось на 293 книги.

Проведена большая работа по пополнению фондов музея произведениями советских художников, посвященными темам: «Пушкин и Болдино», «Болдинское творчество А. С. Пушкина (осенние месяцы 1830, 1833, 1834 гг.)». Особенно значительно увеличился отдел графики — на 333 единицы хранения. Среди них болдинские пейзажи художников-горьковчан Д. Арсевина и В. Калинина (акварель, пастель, монотипия), портреты Пушкина в Болдине ленинградского художника Э. Насибулина (офорт), иллюстрации к «Каменному гостю» художника из Краснодара Ю. Смирнова (гравюра на алюминии).

К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции была подготовлена и оформлена в двух комнатах дома-музея на базе музейных фондов стационарная выставка офортов Э. Насибулина «Пушкин в Болдине» (192 единицы).

В 1977 г. проведена и завершена большая работа по сверке наличия основного фонда с учетной документацией. В течение года постоянно велись учет и систематизация, каталогизация и инвентаризация вновь поступивших экспонатов, осуществлялся контроль за хранением и использованием всех фондовых материалов.

Одна из основных работ в музее — массовая научно-просветительская. Всеми формами массовой работы за отчетный год обслужено 49 152 человека. Музей был открыт для посетителей 310 дней в году. За этот период

в нем побывало 35 152 человека. Научными сотрудниками и экскурсоводами проведено 1805 экскурсий. Кроме экскурсионных групп, музей принимал и одиночных посетителей. За 1977 г. с его экспозицией самостоятельно ознакомились 8679 человек. В том же году Болдино посетили автор многих иллюстраций к произведениям Пушкина художник И. Бруни (Москва), известный скульптор О. Комов (Москва).

Из других форм массовой работы следует отметить систематическое чтение лекций по пушкинской тематике в селах района, организацию и размещение передвижных фотовыставок, работу основанного в 1974 г. университета культуры (факультет русской литературы XIX в.), заседания клуба интересных встреч, утренники для детей, шефские экскурсии, консультации и т. п.

Особое внимание музей уделял подготовке и проведению пушкинских праздников и памятных дат. В лектории музея 9 февраля был проведен литературно-музыкальный вечер, посвященный 140-й годовщине гибели Пушкина, на тему «Дуэль и смерть Пушкина». В то же время в с. Ахматове Б.-Болдинского района состоялся выездной литературно-музыкальный вечер «Жизнь Александра Пушкина».

В пятый раз Болдино участвовало во Всесоюзном — одиннадцатом — Пушкинском празднике поэзии. Он начался 5 июня открытием выставки горьковских художников Д. Арсенина и В. Калинина «Пушкинские места Советского Союза», где широко был представлен раздел «Пушкинское Болдино». В районном Доме культуры состоялся торжественный вечер в честь 178-й годовщины со дня рождения Пушкина. На вечере выступили поэты и писатели, прибывшие в Болдино в составе писательской делегации: главный редактор издательства «Современник» В. В. Сорокин (глава делегации), поэты-москвичи Л. Кондырев, В. Кочетков, М. Тарасова, Г. Васильев (Таллин), Э. Марченко (Ярославль), А. Рева (Киров), А. Хромов (Иванов), Н. Палькин (Саратов), И. Пушпо (Днепропетровск), А. Кругляков (Алма-Ата), Б. Бедюрюв (Горно-Алтайск), Э. Зорин (Владивосток), горьковские поэты и писатели во главе с секретарем Горьковского отделения Союза писателей РСФСР И. И. Бережным. Вечер закончился спектаклем Горьковского театра юного зрителя «Сказка о царе Салтане» (режиссер Р. Левите).

6 июня гости праздника ознакомились с экспозицией Музея-заповедника А. С. Пушкина; в лектории музея была организована встреча с народным хором села Б. Болдино. На народном празднике в роще «Лучиник» выступили поэты и писатели, работники партийных и советских органов, представители общественности. Праздник завершился большим концертом лауреатов 1-го Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся (см.: И. З. Б о р и с о в а, секретарь Горьковского обкома КПСС. Торжества в Болдине. — Пушкинский праздник. Специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», 1977, 2—8 июня; Пушкинский праздник поэзии. — Горьковский рабочий, 1977, 3 июня; Завтра Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии. — Советская культура, 1977, 4 июня; В. С о р о к и н. Пушкин есть явление чрезвычайное... — Горьковская правда, 1977, 5 июня; Тропа к Пушкину. — Ленинская смена, 1977, 5 июня; Пушкинские дни (ТАСС). — Известия, 1977,

5 июня; Ю. Адрианов. Встречи, которые вечны. — Горьковский рабочий, 1977, 6 июня; Г. Селиверстова. Прибавляет любви... — Горьковский рабочий, 1977, 7 июня; Тебя, как первую любовь... — Литературная газета, 1977, 8 июня; И над всем — светлое имя — Пушкин. — Ленинская смена, 1977, 8 июня; Пушкинские мотивы. — Горьковская правда, 1977, 9 июня).

Научная конференция была частью традиционного празднования Болдинской осени, посвященного 147-й годовщине первого приезда Пушкина в Болдино. На торжественном вечере в честь этого события прочли свои стихи поэты-горьковчане В. Кумакшев, Л. Калинина, А. Плотников и другие. С одобрением было встречено выступление фольклорного хора села Б. Болдино. Студенты Горьковского театрального училища выступили с инсценировкой повести Пушкина «Барышня-крестьянка». (См.: И. Трофимов. Суций клад. — Горьковская правда, 1977, 14 сентября; Болдинская осень. — Ленинская смена, 1977, 20 сентября).

В течение года осуществлялась ремонтная и хозяйственная деятельность музея: ремонтно-строительные работы по дому-музею и парковым постройкам, посадка и лечение деревьев заповедного парка в соответствии с существующим проектом его реставрации, монтаж новой противопожарной сигнализации в доме-музее.

В 1977 г. в Волго-Вятском издательстве осуществлен 2-й выпуск научного сборника по итогам конференции в Болдине «Болдинские чтения». В нем опубликована статья Ю. И. Левиной «О рисунках Пушкина на рукописи „Гробовщика“ (атрибуция одного портрета)»; там же выпущено сувенирное издание Л. М. Малышкиной «Музей-заповедник А. С. Пушкина „Болдино“» (Горький, 1977).

Н. А. Борисова

ПУШКИНСКИЕ МУЗЕИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1977 г.

Торжественно прошли дни Пушкинского праздника поэзии в Калининской области в 1977 г. Это уже седьмой по счету праздник в пушкинских местах Верхневолжья. Ему предшествовали традиционные Пушкинские чтения в Калининском государственном университете им. М. И. Калинина, тематические вечера в клубах и дворцах культуры, встречи читателей с автором книги «Тверской край в рисунках Пушкина» (М., 1976) Ларисой Керцелли в стенах областной библиотеки им. Горького, в студенческих аудиториях и на предприятиях города.

Продолжалась работа по благоустройству Пушкинского кольца: построены два железобетонных моста через речки Тьму и Нашигу, пласфальтирование дороги до с. Бернова со стороны Торжка и Старицы. Работа будет завершена в 1978 г. Дорога облегчит путь экскурсантам и будет иметь большое хозяйственное значение.

Праздник поэзии по традиции начался в областном центре возложением цветов к памятнику Пушкину 3 июня. Вечером в зале Калининской филармонии состоялся большой литературно-художественный вечер, посвященный 178-летию со дня рождения поэта. «Слово о Пушкине» произнесла кандидат филологических наук, доцент Калининского государственного университета М. М. Кедрова. О Пушкине, который всегда останется нашим современником, говорил в своем выступлении ответственный секретарь Калининской писательской организации Е. И. Борисов. В вечере приняли участие члены делегации Союза писателей СССР, возглавляемой заместителем главного редактора журнала «Юность» А. Д. Дементьевым. На вечере присутствовала правнучка поэта Н. С. Шепелева.

4 июня праздник поэзии продолжался в Торжке. Одна из площадей города покрылась детскими рисунками на темы сказок Пушкина. Это юные художники участвовали в конкурсе рисунков на асфальте.

Многолюдный митинг, состоявшийся на площади у памятника Пушкину, открыл председатель горисполкома Ю. А. Черноволенко. На митинге выступили преподаватель Педагогического училища им. Ф. Ф. Бадюлина В. Ф. Кашкова, гости праздника. Участники праздника стали зрителями красочного театрализованного представления коллективов художественной самодеятельности на городском бульваре, на р. Тверце, посетили пушкинские места Торжка и Музей А. С. Пушкина, который в дни праздника отметил свой пятилетний юбилей. За эти годы музей получил всеобщее признание, значительно выросло экскурсионное обслуживание посетителей. С его экспозицией познакомилось более 117 тысяч человек.

В городском Доме культуры состоялся литературный вечер, посвященный дню рождения А. С. Пушкина, где были тепло встречены выступления гостей города: М. Дудина, Ю. Мельникова, А. Сенина, Я. Шведова, А. Дементьева.

5 июня участников праздника поэзии принимало село Берново. Моросивший дождь, начавшийся с раннего утра, не мог остановить поток людей и помешать празднику. По родившейся в Бернове традиции гостей встречали в деревне Малинники на Старицкой дороге и в деревне Щелкачево на Торжокской дороге «девичьи заставы», вручавшие приглашения на Берновский праздник.

После возложения цветов к памятнику Пушкину в берновском парке праздник открыл секретарь обкома КПСС Н. И. Соболев. Гостей Бернова, приехавших из Калинина и районов области, из многих городов страны, приветствовали первый секретарь Старицкого райкома КПСС Э. И. Михайлова, заведующая Берновским музеем С. П. Орлова, секретарь Торжокского райкома КПСС Э. В. Смирнова. Среди гостей Бернова — делегация ЦК Компартии Кубы, делегация Союза писателей СССР. Аллюдисментами встретила огромная аудитория выступления поэтов-земляков А. Дементьева и Я. Шведова, поэта М. Дудина и др.

На эстраде берновского парка с большим концертом выступили лучшие самодеятельные коллективы области: Народный ансамбль песни и танца «Медок» из г. Вышнего Волочка, четыре фольклорных хора, ансамбль ложкарей и рожечников из Калинина и др.

К Пушкинским дням 1977 г. литературным отделом Калининского областного краеведческого музея была завершена большая работа по перенесению экспозиции, созданной в 1971 г. по тематико-экспозиционному плану научного сотрудника Государственного музея Пушкина (Москва) С. Т. Овчинниковой и художественному проекту художника этого же музея Ю. Л. Керцелли, из старого помещения музея в мемориальное здание (с незначительными изменениями). Теперь знакомство с музеем А. С. Пушкина в Бернове начинается в залах первого этажа, где размещена литературная экспозиция «Пушкин и Тверской край». Она открывается сведениями о пребывании Пушкина в Старицком уезде и созданных здесь произведениях. В экспозиции представлены гравюры и литографии начала XIX в. с видами тверских городов и деревень, карты Тверской губернии, предметы дорожного обихода и крестьянского быта, дающие представление о дорожных впечатлениях поэта. Материалы экспозиции рассказывают о пребывании Пушкина в Старицких имениях Вульфов: Малинники, Павловское, Курово-Покровское, Берново и творчестве поэта.

Экспозиция второго этажа рассказывает о пребывании Пушкина в Бернове. Она знакомит посетителя с хозяином дома И. И. Вульфом, с берновскими событиями тех лет, нашедшими отражение в творчестве поэта. В экспозиции воспроизведены интерьеры гостиной, столовой, комнаты Пушкина. Здесь много мемориальных экспонатов. Это мебель и предметы быта из имений в Бернове и Малинниках.

Завершается экскурсия по музею в выставочных залах, где представлены произведения советских художников и скульпторов на темы творчества Пушкина.

Музеи Пушкина в Бернове и Торжке в 1977 г. посетило более 47 200 человек. Проведено 1482 экскурсии по экспозиции музеев и по памятным местам.

В 1977 г. поступления в фонды Государственного пушкинского музея Калининской области были довольно значительны. Среди них серия иллюстраций художника И. М. Валиулина к лирике Пушкина и драме «Борис Годунов» (цветные автолитографии), работы художниц Г. С. Соловьевой и И. А. Фатеевой к сказкам Пушкина (темпера, гуашь), иллюстрации Ю. М. Игнатьева к «Евгению Онегину» (гуашь), портреты Пушкина работы художника В. Н. Горяева (автолитография). Получена также серия интересных иллюстраций к «Маленьким трагедиям» и поэме «Полтава» от ленинградских художников В. Г. и А. Г. Трауготтов (цветные автолитографии, офорты).

Л. А. Казарская

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ «ПРИЮТИНО»

Главной задачей сотрудников музея на 1976—1977 гг. являлась научно-исследовательская подготовительная работа над тематическим планом новой экспозиции, которая будет развернута в главном усадебном доме Олениных после его реставрации.

Решением Леноблисполкома предусматривалось полное расселение всех сохранившихся строений приютинской усадьбы в 1976 г., что должно ускорить завершение работ над проектом реставрации господского дома, где развернута первая музейная экспозиция.

Одновременно требовалось решить такие насущные задачи, как утверждение четких границ охранной зоны памятника и благоустройство усадебной территории, ставшей наряду с музейной экспозицией предметом музейного осмотра.

Сотрудниками музея Л. В. Тимофеевым и Н. К. Цендровской были разработаны и представлены на обсуждение в Управление культуры Леноблисполкома «Предложения по восстановлению усадьбы Приютино и превращению ее в музей-усадьбу». Одновременно были определены границы усадьбы, охранной зоны и зоны регулирования застройки вокруг Приютина. Подобная работа была вызвана необходимостью защиты усадебного комплекса и окружающего его ландшафта, так как по-прежнему на территории усадьбы ведутся различные строительные работы, наносящие непоправимый ущерб природной среде. В декабре 1976 г. границы охранной зоны вокруг Приютина были утверждены на заседании Леноблисполкома.

В связи с первой годовщиной музея в декабре 1975 г. была открыта выставка фондов, на которой представлено 112 вновь поступивших экспонатов. Посетители могут познакомиться с рисунками А. П. и К. П. Брюлловых, Тома де Томона, К. Горбунова, Нечаева, неизвестных художников начала XIX в., редкими раскрашенными литографиями с видами Петербурга П. С. Иванова, выполненными по рисункам В. С. Садовникова, портретами Олениных, Всеволожских, личными вещами Олениных, книгами с автографами.

Новыми экспонатами пополнилась и постоянная экспозиция. В ней появился фарфор, принадлежавший Олениным, вышивки М. С. Олениной, урожденной Львовой; первое издание «Илиады», переведенной Н. И. Гнедичем; первый рисунок-кариатура с изображением танцующей княгини Н. П. Голицыной, сделанный неизвестным художником в Приютине 2 октября 1824 г.; «Русская антология» («Anthologie Russe») Дюпре де Сеп-Мора, изданная в Париже в 1823 г. и подаренная автором Н. О. Пушкиной, матери великого поэта.

Небольшой штат музея не позволял вести широкую популяризацию значения Приютина как памятника истории и культуры, и все же кроме экскурсий в экспозиции музея постоянно читались лекции в школах, на предприятиях, в учреждениях. Были подготовлены и прочитаны лекции на темы: «Декабристы в Приютине», «Поэты пушкинской поры», «Прошлое Приютина», «Пушкин в нашем крае», «Крылов в Приютине». О новых поступлениях информировало ленинградское радио и местная печать.

В 1976 г. пополнились и фонды музея. В раздел скульптуры поступили три первоклассные вещи: бронзовый бюст Петра I середины XVIII в. с оригинала 1718 г., выполненный в г. Спа в Голландии; бисвитный бюст Екатерины II XVIII в.; бронзовая статуэтка «Психей, прячущая лук от Амура», скульптура Фальконе, выполненная по модели 1761 г. в Париже.

Среди изделий прикладного искусства следует выделить фаянсовую та-

релку Межигорской фабрики из сервиза Капнистов с изображением дома В. В. Капниста в Обуховке и стихотворением самого поэта.

Особо отметим мемориальные вещи Олениных. От потомков А. Н. Оленина в музей после четырехлетних переговоров наконец поступило большое количество изделий прикладного искусства XVIII—первой половины XIX в. Так, от И. Г. и О. Г. Тешляковых, праправнучек А. Н. Оленина, поступил оленинский фарфор (мейсенский, Гарднера, Попова), от Н. Е. Олениной и ее сына М. В. Шапошникова — портрет Петра Алексеевича Оленина, написанный художником Хорнеманом в 1860 г., а также бронзовая фигура «Парящий Меркурий» и другие материалы.

В частном собрании были обнаружены и приобретены настольные бронзовые часы первой четверти XIX в., ранее принадлежавшие Олениным, а также женский портрет работы П. А. Оленина, написанный маслом в 1832 г. Это уже третья работа П. А. Оленина в нашем собрании.

Два года назад была установлена связь с Л. И. Олениной-Масаковой, живущей в Праге, а в этом году она передала музею портрет детей Бакуниных (Александра Павловича и Екатерины Павловны). Эту миниатюру на слоновой кости можно датировать 1800-ми гг. Получили мы от нее и нательный крест XVII в., принадлежавший Олениным, а также другие материалы Олениных—Бакуниных, но более позднего времени. В настоящее время Оленина-Масакова готовит к отправке на родину архив и другие материалы ее мужа, А. А. Оленина, сохраненные ею в трудные годы фашистской оккупации Чехословакии.

В декабре 1976 г. был откорректирован и переиздан буклет (автор текста Л. Тимофеев, рисунки художника Л. Оскорбина) и плакат музея. Началась работа над каталогом портретов.

Сотрудники музея и учащиеся Всеволожской средней школы № 3 провели большие работы по благоустройству парка и территории вокруг дома. В соответствии с историческими данными было высажено двадцать лип и берез крупного размера, расчищены от кустарника часть парка и берега пруда. Вокруг дома и вдоль дорожек сделаны рабатки и высажены цветы, отремонтированы дорожки. Парковая территория заметно преобразилась, однако нужны более солидные силы и техника, чтобы благоустроить всю территорию усадьбы.

Музей вступает в третий год своей жизни. Первые его шаги показали необходимость дальнейшего развития экспозиции и превращения всего комплекса — зданий, окружающего их ландшафта с парком, прудом, речкой и лугами — в заповедник, который может стать одним из примечательных музеев страны.¹

Л. В. Тимофеев

¹ См.: Андреев В. Приютино. — Литературная Россия, 1976, 26 марта; Галина С. Гостеприимная приютинская сень. — Литературная газета, 1976, 6 октября; Садовская Е. Приют добрых людей. — Аврора, 1976, № 9; Тетерин В. Еще раз о Приютине. — Советская культура, 1976, 19 марта; Тимофеев Л. Гостеприимная приютинская сень... — Огонек, 1976, № 37.

После проведенного в 1973 г. 150-летнего юбилея со дня приезда Пушкина в Одессу¹ Пушкинская комиссия одесского Дома ученых продолжала активную работу по изучению и пропаганде творчества поэта периода южной ссылки, его роли в укреплении русско-украинских литературных связей и влияния на развитие и становление реалистического искусства литераторов Юга России.

В круг интересов одесских пушкинистов, естественно, вошло и творчество писателей пушкинской поры — К. Н. Батюшкова, В. И. Туманского, В. Г. Теллякова, А. А. Шишкова и др., — биография и творчество которых связаны с литературной традицией Одессы.

На заседаниях комиссии, которые проводятся регулярно не реже двух раз в квартал, не только слушают и обсуждают представленные членами комиссии доклады, но и проводят встречи с одесскими литераторами, консультируют и рецензируют дипломные работы, обсуждают темы конкурсных сочинений, разбирают текущие дела: о проведении праздника улицы Пушкинской, о положении в музее-квартире поэта, о состоянии могилы Е. К. Воронцовой, об установлении мемориальных досок на домах, связанных с пребыванием Пушкина в Одессе, о проведении республиканских конференций и др.

Большую помощь в этой работе оказывает одесским пушкинистам Пушкинская комиссия АН СССР, контакты с которой помогают в решении многих научных проблем и практических вопросов. Стало хорошей традицией взаимное участие в работах всесоюзных конференций и конференций пушкиноведов Юга. Отчеты о поездках на всесоюзные конференции проходят очень оживленно, вызывают большой интерес. Традиционными стали также заседания, на которых проводят обсуждение новинок пушкиноведения. Обычно такие заседания происходят в декабре—январе. На этих заседаниях члены комиссии выступают с рефератами наиболее интересных монографий, обзорами журнальных и газетных статей.

Торжественно отмечают на заседаниях комиссии юбилейные и памятные даты, готовятся специальные доклады, а иногда и циклы объединенных одной проблемой сообщений.

Так, к 150-летию со дня восстания декабристов были подготовлены и прослушаны доклады нескольких членов комиссии. Председатель комиссии, доктор исторических наук, проф. С. Я. Боровой свой доклад «Пушкин и декабристская Одесса» посвятил анализу «общественного климата Одессы пушкинской и декабристской». В нем были приведены интересные факты о связях с Одессой декабриста А. И. Вигелина в 40-х гг. XIX в.

Доклад «Пушкин и кишиневские декабристы» был сделан доцентом Кишиневского университета Л. Н. Оганян, которая в своем исследовании привела малоизученные документы кишиневского архива о деятельности Южного общества и детально остановилась на встречах Пушкина с П. И. Пестелем зимой 1821 г.

¹ См.: Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975.

К этой же теме примыкал вызвавший глубокий интерес слушателей доклад члена одесской комиссии кандидата философских наук И. Я. Матовской «Некоторые социально-этические идеи А. Н. Радищева», посвященный раскрытию преемственных связей между социальными взглядами Радищева и передовой русской общественности первой трети XIX в.

Логическое развитие эта тема нашла в докладе доктора филологических наук, проф. А. В. Нежданского «Пушкин в восприятии русских революционных демократов 60-х годов XIX в.». Доклад вызвал широкое обсуждение в связи с поставленной в нем проблемой связей русских революционных демократов с представителями украинской передовой общественности.

Русско-украинским литературным связям был посвящен доклад Н. К. Островской «Пушкин на Украине», написанный на основе малоизвестных публикаций о Пушкине в одесской и украинской дореволюционной печати, и ее же сообщение «Отклики на смерть Пушкина в одесской печати 1837 г.».

Проблема влияния творчества Пушкина на развитие и становление украинской советской поэзии была поставлена в докладах кандидата филологических наук Н. И. Заверталою «М. Бажан — переводчик Пушкина» и кандидата филологических наук П. Н. Банковской «М. Бажан — „Разворачивая страницы Пушкина“». Докладчики ставили вопрос не просто о стиле переводчиков Пушкина на украинский язык, а о переводчике — поэте, отличающемся ярко выраженной индивидуальностью.

На заседаниях комиссии были заслушаны доклады о пушкинских традициях в творчестве поэтов последующих поколений. Л. Л. Сауленко сделала два доклада, в которых поделилась интересными наблюдениями над поэтическими строками А. А. Ахматовой («Ахматова и Пушкин» и «О специфике „пушкинской“ прозы А. Ахматовой»), а кандидат филологических наук С. П. Ильев познакомил слушателей со своими выводами по поводу пушкинских традиций в творческом наследии В. Брюсова.

Широкий резонанс получило заседание комиссии, проводившееся в связи с 80-летием со дня рождения академика М. П. Алексеева, творческая биография которого тесно связана с нашим городом. С 1920 по 1927 г. М. П. Алексеев жил в Одессе. Он был аспирантом историко-филологического факультета Новороссийского университета, сотрудником Одесского исторического архива, лектором Одесского высшего художественного училища, консультантом-библиографом и заведующим библиографическим отделом Публичной библиотеки. Он являлся также одним из создателей одесской Пушкинской комиссии и редактором изданных от ее имени трех пушкинских сборников (Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1925, 1926, 1927). С докладом о вкладе М. П. Алексеева в советское пушкиноведение выступила Н. К. Островская; о М. П. Алексееве как исследователе зарубежных литератур рассказал кандидат филологических наук М. Г. Соколянский. Воспоминаниями о юбиляре поделились присутствовавшие на заседании члены одесской Пушкинской комиссии старшего поколения.²

² См. об этом заседании статью Зиновия Дыма (Г. Д. Зленко) в газ. «Вечерняя Одесса» от 5 июня 1977 г.

В гостях у одесских пушкинистов часто бывают исследователи из других городов страны. Они знакомят с новыми замыслами, обсуждают спорные или малоизученные вопросы биографии и творчества поэта. Запомнились встречи с автором работы о потомках Пушкина В. М. Русаковым (Псков), поэтом О. Орачем (Киев); оживленной была дискуссия, которую вызвал доклад московского пушкиниста М. И. Яшина, посвященный творческой истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты?». Его выводы о посвящении элегии Каролине Собаньской были оспорены присутствовавшими.

На одном из последних заседаний киевский журналист Б. Н. Хандрос сделал сообщение об интересной находке в одном из архивов столицы Украины. Здесь он обнаружил 38 писем брата поэта, Льва Сергеевича Пушкина, к М. Юзефовичу. Некоторые из них написаны из Одессы, где, как известно, Лев Пушкин прожил последние десять лет и где он был похоронен. Роль Л. С. Пушкина в культурной жизни Одессы 40-х гг. прошлого столетия недостаточно изучена, и публикация находки Б. Хандроса несомненно многое добавит к нашим сведениям об Одессе пушкинской поры.

За прошедший период бюро Пушкинской комиссии подготовило и провело три конференции пушкиноведов Украины. Эти конференции явились продолжением многолетней традиции проведения объединенных конференций пушкиноведов Юга, которые с 1954 г. попеременно проводились в Кишиневе и Одессе.

Первая республиканская конференция пушкиноведов Украины была проведена в Одессе в 1973 г., когда общественность города широко отмечала 150-летие со дня приезда Пушкина в Одессу. В ознаменование этого события со 2 по 7 июня в Одессе проходил Всесоюзный праздник поэзии, на который приехали поэты, писатели, критики, драматурги из всех союзных республик. Почетными гостями города были потомки поэта: Г. Г. Пушкин и И. Е. Гибшман-Клименко. Встречи одесситов с участниками праздника проходили в парках, дворцах культуры, на заводах, в учебных заведениях, на кораблях Черноморского пароходства.

Большую работу проводили в эти дни Пушкинская комиссия и Музей-квартира поэта. Республиканской пушкинской конференцией завершился праздник, прошедший по всей Одешине и получивший широкое освещение на страницах одесской печати, в передачах по радио и телевидению. Газета «Комсомольская искра» выпустила специальный номер на двенадцати страницах, посвященный этой знаменательной дате.³

В работе Первой республиканской конференции приняли участие не только пушкиноведы Украины, но и гости из РСФСР, Молдавии и других республик. В программу было включено 34 доклада, объединенных в четыре секции (творчества поэта, литературных связей, языка и перевода, биографии, краеведения и школьного обучения). Открытие конференции состоялось в конференц-зале Одесского университета, секционные заседания проводились в Одесском отделении Союза писателей Украины и в Музей-квартире Пушкина. Всего было заслушано 24 доклада. Активное обсуждение вызвали доклады профессора С. Я. Борового («Одесса пушкинской

³ См.: Комсомольская искра, 1973, № 62 (4775).

поры»), профессора А. В. Недзведского («Рожденная Одессой — первая глава „Евгения Онегина“ в связи с главой „Путешествие Онегина“»), доцента Н. В. Павлюка («Язык пушкинских эпиграмм»), Г. Островского («А. Довженко в мире пушкинских образов») и др. О работе школьных музеев и кружков рассказали организатор музея в школе № 29 И. Л. Попелюхер, руководитель литературного клуба «Парус» в школе № 9 Л. П. Княновская, преподавательница школы № 127 Л. А. Щербина.

Из докладов гостей особенно внимательно слушали выступления профессора Е. А. Маймина (Псков) «Тема свободы в южной романтической лирике Пушкина», доцента Киевского университета З. В. Кирилук «Формирование творческой индивидуальности Пушкина в южный период», М. И. Яшина (Москва) «Новые материалы о высылке Пушкина из Одессы», кандидата филологических наук Т. Н. Резниченко (Киев) «Пути освоения пушкинских традиций в творчестве Максима Рыльского».

Вторая республиканская конференция была приурочена к празднованию 175-летия со дня рождения Пушкина и состоялась 5—7 июля 1974 г. На ней было представлено 15 докладов, посвященных проблемам творчества поэта, литературного окружения Пушкина, пушкинских традиций в советской литературе.

В работе второй конференции активно участвовали украинские пушкинисты. С докладом «М. Рыльский о Пушкине» выступила научный сотрудник Музея М. Т. Рыльского в Киеве С. А. Карпец. Доцент Кировоградского педагогического института Т. П. Прокаева прочитала доклад о проблематике, поэтике и методике анализа стихотворения «Деревня». Об особенностях стиля пушкинской публицистики южного периода рассказала в своем докладе доцент Днепропетровского университета Н. И. Заверталюк. О Е. Гребенке, первом украинском переводчике пушкинской «Полтавы», представила доклад А. А. Ротач из Полтавы.

155-ю годовщину приезда Пушкина в Одессу члены комиссии отметили III республиканской конференцией. В ее работе приняли участие пушкиноведы из Киева, Днепропетровска, Ровно, Измаила. Свообразным и необычным по поставленной проблеме был доклад доцента З. В. Кирилук (Киев) «Освоение пушкинских принципов изображения личности украинскими переводчиками». В докладе были приведены малоизвестные факты о первых украинских переводчиках Пушкина. Доклад доцента Е. М. Черницкого из Ровно был посвящен теме «Пушкинский идеал свободы и современность. (К вопросу об этическом аспекте пушкинской лирики)». С. И. Храмова из Днепропетровска сделала доклад на тему: «Пушкинские традиции в поэзии Н. П. Огарева».

С большим вниманием были прослушаны сообщения одесских пушкинистов — доцента Одесской консерватории Р. М. Розенберг «Пушкин и И. Стравинский» и Г. Островского «Пушкин и Эйзенштейн».

Н. К. Островская

В те годы, когда Всесоюзные Пушкинские конференции не проводятся Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР в Ленинграде, стало уже почти традицией устраивать их в другом связанном с жизнью и творчеством поэта месте. В 1977 г. Всесоюзная Пушкинская конференция, посвященная 178-й годовщине со дня рождения Пушкина, состоялась в Тбилиси. Она была организована по инициативе Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии. Со всех концов страны съехались в столицу солнечной республики писатели, критики, литературоведы, музейные работники, архивисты, краеведы и журналисты, чтобы рассказать о своих разысканиях в области биографии и творчества поэта, обменяться мнениями по актуальным проблемам пушкиноведения.

Праздество началось с торжественного возложения цветов к памятнику Пушкина в Тбилиси. Он был установлен на центральной площади города (ныне площади В. И. Ленина), в сквере против дома, где останавливался поэт, еще в 1892 г. Средства на памятник были собраны по подписке. Автор проекта — Ф. Ходорович. Заседания конференции проходили 7 и 8 июня в старинном особняке на ул. Атонели (в здании ГОДИКСа). Во вступительном слове председатель Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при СП Грузии О. Ф. Нодиа отметил громадное значение творчества великого поэта для укрепления дружбы и литературных связей между народами Советского Союза, для развития грузинской литературы. Конференция пушкинистов в Грузии состоялась при активном содействии Пушкинской комиссии АН СССР, возглавляемой академиком М. П. Алексеевым. О многообразной деятельности комиссии, ставшей в настоящее время не только всесоюзным, но и международным пушкинским центром, рассказал собравшимся ее ученый секретарь О. А. Пини (Ленинград). Затем с докладом «Итоги и задачи изучения Пушкина в Грузии» выступил доктор филологических наук, проф. Тбилисского государственного университета В. С. Шадур. Грузинские литературоведы сделали много для изучения круга знакомых и фактов, относящихся к пребыванию поэта в Закавказье; успешно разрабатывается и тема влияния произведений Пушкина на развитие грузинской литературы, но Грузия в творчестве поэта, его кавказские произведения изучены недостаточно, и в этом направлении надо вести научные разыскания. Новейшей биографической литературе о Пушкине и его окружении посвятил свой доклад заведующий Пушкинской группой Института русской литературы АН СССР, кандидат филологических наук С. А. Фомичев (Ленинград). Накануне открытия конференции участники ее посетили живущего в Тбилиси правнука приятельницы Пушкина, «черноокой Россети», — М. Г. Смирнова. Бережно хранит он драгоценные реликвии, принадлежавшие его прабабке: портреты, альбомы, книги, убранство, мебель. Этот пушкинский комплекс войдет в музейную экспозицию создаваемого в квартире салона литературных взаимосвязей. О будущем «Доме Смирновых» в Тбилиси рассказала на конференции директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. Н. Петай (Ленинград). Запутанную историю написания

и публикации мемуаров А. О. Смирновой-Россет осветила в своем докладе старший научный сотрудник отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина С. В. Житомирская (Москва). Народный писатель Азербайджана, академик АН Азербайджанской ССР Мирза Ибрагимов произнес яркое слово о Пушкине и азербайджанской литературе. Кавказским автографам Пушкина в так называемой Арзрумской тетради, бывшей с поэтом во время его поездки в Закавказье, был посвящен доклад хранителя Пушкинского фонда Института русской литературы АН СССР Р. Е. Теребениной (Ленинград). О Пушкинском кабинете Пушкинского Дома рассказала его заведующая В. В. Зайцева (Ленинград).

Второй день конференции был посвящен рассмотрению отдельных произведений поэта, некоторым фактам его биографии. Лауреат Ленинской премии, доктор филологических наук, и. о. директора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР Ф. Я. Прийма в обширном докладе о стихотворении Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов...» вновь вернулся к гипотезе, что под прозорливым и крылатым поэтом Пушкин имел в виду А. Мицкевича. Старший научный сотрудник института В. Э. Вацуро сделал доклад об элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...». Сравнение с литературными источниками позволило исследователю дать ее новое истолкование. О возможном влиянии «Арапа Петра Великого» на повесть В. Ф. Одоевского «Саламандра» говорил научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького В. И. Сахаров (Москва). Об общих одесских знакомых А. О. Смирновой-Россет и Пушкина рассказала ученый секретарь Пушкинской комиссии одесского Дома ученых Н. К. Островская. Научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) кандидат филологических наук Р. В. Иезуитова (Ленинград) остановилась на творческом общении А. О. Смирновой с кругом петербургских литераторов. Об имеющихся отношениях к Пушкину материалах архива братьев К. П. и П. П. Севостьяновых, с которыми поэт общался во время пребывания в Закавказье, сделала доклад старший научный сотрудник отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Г. И. Довгалло (Москва). С сообщением «Историзм стихотворения Пушкина „Не пленяйся бранной славой...“» выступил старейший грузинский пушкинист, автор книги «Пушкин в Грузии и под Эрзерумом» И. К. Ениколопов. Бывший тридцать лет начальником Военно-Грузинской дороги Н. И. Квезерели-Копадзе рассказал, какой была дорога в пушкинское время. Было заслушано также сообщение Л. В. Чхаидзе о трех неточностях в названии столицы Грузии в «Путешествии в Арзрум» Пушкина («Тбилис-калар» вместо «Тбилиси калаки»). М. И. Яшин (Москва) в своем выступлении оспорил данную в докладе В. Э. Вацуро трактовку элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

На заседаниях конференции присутствовали и тепло приветствовали ее участников некоторые работники центральных советских и партийных аппаратов Грузии. В адрес конференции поступили многочисленные телеграммы от писателей и ученых, в том числе от академиков М. П. Алексеева, Д. С. Лихачева и М. Б. Храпченко, от Константина Симонова, Миколы Бажана, Ираклия Андроникова и др. Работа конференции широко освеща-

лась в местной печати. Группа её участников выступила по грузинскому телевидению. В фойе была развернута выставка литературы о Пушкине в Закавказье и произведений поэта в переводах на грузинский язык. На встрече участников и гостей конференции с сотрудниками Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при СП Грузии О. Ф. Нодиа подчеркнул, что произведения великого поэта в планах работы коллегии занимают существенное место. На литературном вечере поэты прочли свои новые переводы из Пушкина. Для участников конференции были организованы экскурсии по пушкинскому Тбилиси и по Военно-Грузинской дороге.

Р. Т.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В ОРЕНБУРГЕ

На странице 140 настоящего издания помещен фотоснимок памятника Пушкину, открытого в Оренбурге в 1977 г. «Памятник А. С. Пушкину открыт на набережной Урала, — отмечал Г. Филиппов в заметке „Где бывал поэт“ («Известия», 1977, 6 декабря). — Скульптор В. Степанян избразил великого поэта сидящим с раскрытой книгой в руках. Оренбуржцы бережно хранят память о пребывании великого поэта в их городе и крае».

19—20 сентября 1978 г. в Оренбурге проходила Пушкинская конференция, посвященная 145-летию со времени приезда поэта в Оренбуржье. Конференция была организована Южно-Уральским отделением Археографической комиссии АН СССР и Оренбургским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С докладами выступили С. А. Попов («Основные вехи пребывания А. С. Пушкина в Оренбургском крае»), Р. В. Овчинников («Новые архивные источники о персонажах произведений Пушкина на историческую тему»), П. Е. Матвиевский («Историография оренбургской Пушкинианы 1833—1978 гг.»), С. А. Орлов («Пушкин на пути в Оренбург»), П. С. Филатов («Географические загадки „Капитанской дочки“»), А. И. Белый («Пушкин в Уральске»), С. Г. Сафуанов («Пушкин в Башкирии») и др.

П. К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Первая страница дипломатических писем вюртембергского посольства в Петербурге (1808—1893 гг.). (С. 8—9).
2. Первая страница «Заметки о Пушкине» вюртембергского посланника князя Гогенлоэ-Кирхберга. (С. 23).
3. Портрет К. Л. Фикельмона работы К. Агриколы. Ок. 1819 г. (С. 46).
4. Бюст К. Л. Фикельмона работы И. Фракароли. 1848 г. (С. 47).
5. Портрет Д. Ф. Фикельмон работы К. Агриколы. 1824 г. (?) (С. 48—49).
6. Портрет Д. Ф. Фикельмон, по-видимому работы И. Крихубера. 1840-е годы. (С. 48—49).
7. Портрет Е. М. Хитрово работы неизвестного художника. 1820-е годы. (С. 48—49).
8. Салон Фикельмонов в Петербурге в 1835—1837 гг. Акварель работы художника Сотеры. (С. 48—49).
9. А. С. Пушкин. Автограф. «Домик в Коломне». (С. 53).
10. А. С. Пушкин. Первая страница белого автографа стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...». (С. 93).
11. А. С. Пушкин. Стихотворение «Безверие». Список 1817 г., сделанный рукой неизвестного лицеиста, с правкой Пушкина. (С. 116).
12. Памятник Пушкину в Оренбурге у здания бывшей гауптвахты, ныне филиала Областного краеведческого музея. (С. 140).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Глассе. Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского посольства	5
С. А. Рейсер. Пушкин в салоне Фикельмон (1829—1837)	36
К. Крижова, С. Островская. Чехословацкие находки	44
С. А. Фомичев. К творческой истории поэмы «Домик в Коломне» (Наблюдения над рукописью)	49
М. Г. Альбрехт. К стихотворению Пушкина «Кто из богов мне возвратил...»	58
В. М. Файбисович. К источнику перевода Пушкина «Из Катулла»	69

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Пушкиниана 1977 года	76
---	----

III. ЗАМЕТКИ

Ю. М. Лотман. К проблеме «Данте и Пушкин»	88
У. Викери. Загадочная помета Пушкина	91
Р. Е. Терехина. Пометы Пушкина на рукописях	95
Л. А. Черейский. Пушкин и Ф. Ф. Корф	101
Я. Л. Левкович. К датировке «Марьи Шонинг» Пушкина	103
Н. Н. Петрунина. Литературные параллели. I. К творческой истории элегии «Сожженное письмо». II. Пушкин, Бульвер-Литтон и Бальзак. (К интерпретации мотива безумия в «Медном всаднике»)	108
Я. М. Боровский. Незамеченный гипербат у Пушкина. (К тексту стихотворения «Безверие»)	115
Л. В. Тимофеев. Пушкин и П. А. Оленин	118
П. С. Филатов. Заметки краеведа о «Капитанской дочке». (Из цикла «Оренбургские этюды о Пушкине»)	126
А. И. Носков. Симбирская запись Пушкина для «Истории Пугачева»	129
А. И. Белый. Собеседник Пушкина в Уральске	135

IV. ХРОНИКА

Памяти О. А. Пини	137
Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1977 г.	138
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1977 г.	141
Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1977 г.	143
Пушкинские музеи Калининской области в 1977 г.	147
Историко-художественный музей «Приютино»	149
Пушкинская комиссия одесского Дома ученых	152
Всесоюзная Пушкинская конференция в Тбилиси	156
Памятник Пушкину в Оренбурге	158
Список иллюстраций	159